

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2017

ISSN 0131-2812



Актуальные проблемы
российско-китайских отношений



Выборы президента
Монголии - 2017



Ситуация вокруг Корейского
полуострова
(дискуссионная трибуна ПДВ)



Профессор Ши Луго
(к 130-летию С.М. Широкогорова)



Внешняя культурная
политика Китая

1-17 2017

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2017

Сентябрь — Октябрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года



Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н.,
А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), В.Г. Дацышен,
д.и.н., проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин,
д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева
(ответственный секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н.,
П.А. Минакир, академик РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н.,
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

© Российская академия наук, 2017

© ФГУП «Издательство «Наука», 2017

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», 2017

Содержание

Круглый стол в ИДВ РАН

Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений4

ПОЛИТИКА

- В.А. Родионов, Д.И. Бураев.* Выборы президента Монголии — 2017: внешнеполитические аспекты26
- Д.В. Кузнецов.* О взаимоотношениях США и КНР в начальный период президентства Д. Трампа.....32
- Лян Чжэньпэн.* Новая концепция безопасности Китая и ее практика в рамках ШОС в XXI веке.....47

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- К.В. Асмолов.* Ситуация вокруг Корейского полуострова: время трудных выборов.....55
- Г.Д. Толорая.* Выбор или отложенный выбор?69
- Л. Сергеев.* Корейский полуостров: хождение по замкнутому кругу (комментарий)74

ЭКОНОМИКА

- П.Б. Каменнов.* Российско-китайское научно-техническое сотрудничество.....80
- Л.В. Захарова.* Трудовая миграция из Северной Кореи как важное направление ее внешнеэкономических связей92
- Е.О. Заглязьминская, Чэнь Сяо.* Развитие въездного туризма КНР: экономический аспект105
- И.Г. Чубаров.* География сопряжения: региональная политика КНР и пространственное развитие стран ЕАЭС.....114

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Н.В. Прохорова.* Китай: курс на «дружественную» к природной среде гидроэнергетику.....126

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А.А. Семенов.* Перспективы развития принципов меритократии в политической системе КНР.....135

ИСТОРИЯ

- А.М. Кузнецов.* Профессор Ши Луго, Юньнаньская экспедиция и некоторые вопросы становления антропологии в Китае (к 130-летию С.М. Широкогорова).....143
- А.А. Ипеева.* Консульство Японии в Новосибирске в 1920-х — 1930-х годах (по материалам Государственного архива Новосибирской области)154

КУЛЬТУРА

<i>Цзи Юэциэн. Формирование и реализация внешней культурной политики Китая в условиях глобализации</i>	159
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.Л. Поленова, Р.Н. Лобов. Совместный ситуационный анализ ИДВ РАН и ИСАА МГУ</i>	168
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Н.Л. Мамаева. Чудодеев Ю.В. На земле и в небе Китая: Советские военные советники и летчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны 1937–1945 гг.</i>	172
<i>В.В. Кузьминков. Тённессон С. Объяснение восточноазиатского мира: исследовательская работа</i>	175

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Элеоноры Петровны Пивоваровой.....	180
Виктору Николаевичу Павлятенко — 70 лет.....	182
85-летие Александра Георгиевича Ларина	184
Юбилей Тамары Александровны Каргановой.....	185
Игорю Алексеевичу Высоковскому — 60 лет	186
Contents	187
Summary	189

Круглый стол в ИДВ РАН

Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений

Четыре встречи руководителей РФ и КНР в нынешнем году продемонстрировали их стремление выстраивать отношения двух стран с учетом новых тенденций в мировой политике и инициатив, с которыми выступают оба наших государства.

Выступая 14 мая на открытии Международного форума «Один пояс, один путь» в Пекине, Президент России В.В. Путин подчеркнул необходимость «снимать инфраструктурные ограничения для интеграции и создавать систему современных связанных транспортных коридоров». По его словам, инфраструктурные проекты, заявленные в рамках ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь», в связке с Северным морским путем способны создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента.

Встречи Путина с Си Цзиньпином на саммитах ШОС и БРИКС, а также летний визит Председателя КНР в Россию показали, что Москва и Пекин находятся в активном поиске новых форм взаимодействия, нового качества двусторонних отношений.

Во время встреч двух лидеров по новому прозвучали вопросы двустороннего сотрудничества на международной арене. Находясь в Москве с официальным визитом, Председатель КНР подчеркнул: «Мы настроены на усилия с Россией по координации и взаимодействию в международных делах... для совместного преодоления глобальных угроз и вызовов... в целях формирования нового типа межгосударственных отношений на основе сотрудничества и взаимовыгоды».

16 июня 2017 г. Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Институт Дальнего Востока РАН организовал «круглый стол», в ходе которого эксперты ИДВ, Института востоковедения РАН и ряда других научно-образовательных организаций обсудили актуальные проблемы российско-китайских отношений на современном этапе с учетом прихода к власти в США новой администрации, взаимодействия двух стран по сопряжению инициативы КНР «Один пояс — один путь» и интеграционных процессов в рамках ЕвразЭС. Были также рассмотрены «узкие места» в двусторонних связях.

Ниже публикуются материалы состоявшейся дискуссии.

1. Китай в мировой политике после прихода к власти новой администрации США

Внешняя политика Си Цзиньпина: день сегодняшний

А.В. Ломанов, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений (ЦИПРКО) ИДВ РАН, доктор исторических наук, профессор:

Внешняя политика КНР переходит в наши дни от следования заветам Дэн Сяопина «скрывать свои возможности» и «не становиться во главе» к активному осуществлению комплексной стратегии. Началом нового этапа стала фраза об «энергичной и деятельной» (*фэньфа ювэй*) китайской дипломатии, произнесенная Си Цзиньпином в октябре 2013 г. на совещании по дипломатической работе.

В китайских публикациях часто вспоминают слова «у слабого государства нет дипломатии». Их произнес высокопоставленный дипломат Лу Чжэнсян, столкнувшийся в 1919 г. с несправедливым отношением западных держав к Китаю на Парижской мирной конференции. Ныне Китай все больше осознает себя сильным государством. Современные лозунги осуществления «мечты о возрождении китайской нации» и укрепления «четырех уверенностей» — в пути, теории, строе и культуре — нацелены на то, чтобы побудить китайцев перестать сомневаться в своих возможностях.

Краеугольными камнями обновленной внешней стратегии Китая стали концепция «сообщества судьбы», идея «международных отношений нового типа» и инициатива «один пояс, один путь». Происходит их активное продвижение по всем направлениям, в том числе, в сопредельные страны, включая Россию. В двусторонних отношениях появляется новая тема степени готовности России к росту интеллектуального и культурного присутствия Китая в Евразии и внутри самой России.

Китайская инициатива «один пояс, один путь» уделяет большое внимание роли «мозговых центров» в продвижении гуманитарного сотрудничества со странами, расположенными вдоль транспортных и экономических коридоров. Эта идея была подтверждена и развита в мае 2017 г. на саммите «пояса и пути» в Пекине, когда китайская сторона заявила о стремлении «задействовать роль мозговых центров, создать альянс и сеть» их сотрудничества.

Накопленный опыт проекции за рубеж «мягкой силы» в сфере культуры дал Китаю основу для перехода на более высокий уровень создания механизмов влияния на зарубежные элиты. В этой ситуации России необходимо иметь собственные сильные исследовательские и аналитические центры, способные действовать как равноправные партнеры в диалоге с китайской стороной, продвигать российские взгляды и подходы. На фоне неуклонного увеличения разрыва в пользу Китая экономических потенциалов двух стран России следует приложить усилия для обеспечения интеллектуального паритета.

Стремление превратить «пояс и путь» в комплексный экономический, политический и культурный проект китайские эксперты объясняют тем, что для успеха в деловом сотрудничестве требуется преодолеть недоверие иностранцев к Китаю. Исследователи отмечают, что многие страны «пояса и пути» хотят в экономике опереться на Китай, но в политике и культуре равняются на Европу и Америку. По их мнению, в таких странах Китаю следует в приоритетном порядке наращивать свое культурное влияние.

Прошло более десяти лет со времени появления в 2004 г. за пределами Китая первого Института Конфуция. Теперь китайские эксперты обсуждают возможность использования этих структур при реализации стратегии «пояса и пути». Они рекомендуют Институтам Конфуция «выходить за стены вузов» и выносить пропаганду китайской культуры на уровень общества, становиться создателями системы преподавания китайского языка и изучения Китая, если в стране пребывания их прежде не было.

Речь идет о поддержке бизнеса и о воспитании симпатизирующей Китаю деловой и политической элиты.

По мере продвижения проекта «пояса и пути» культурное влияние Китая в постсоветской Центральной Азии будет нарастать. Ограниченность ресурсов России ставит под вопрос возможность балансирования этой стратегии сопоставимым расширением пропаганды российской культуры. К тому же рациональная и светская по своей природе китайская идеология способна играть конструктивную роль в качестве противовеса распространению экстремистских идей, угрожающих стабильности региона. Трактовка культурного присутствия России и Китая в Центральной Азии как игры с нулевой суммой не описывает реальной сложности проблемы.

Китай готовится бросить вызов «дискурсивной гегемонии» Запада и выдвинуть собственную повестку дня по вопросам глобального управления и мировой экономики. Он подчеркивает, что идеалы его современной внешней политики представляют цивилизационную альтернативу западной политике экспансионизма, колониализма, баланса сил, концепции реализма и т.д.

Серьезное ухудшение отношений с Западом способствует превращению России в единомышленника Китая в борьбе за формирование альтернативного центра «дискурсивной власти». Россия не вступит с Китаем в спор в качестве защитника ценностей западного либерализма. Вместе с тем, нет оснований говорить о полном и безоговорочном принятии Россией китайского лидерства в этой сфере, основанного на ценностях традиционной восточной цивилизации. Оптимальный путь — это совместная равноправная разработка глобальных инициатив, сопряжение ценностных и мировоззренческих подходов.

Новые китайские внешнеполитические концепции еще не получили четкого оформления, однако между ними выстраиваются взаимосвязи, позволяющие преодолеть первоначальную неконкретность. К примеру, призывы к созданию «сообщества судьбы» следует сопоставлять с китайской идеей «совместного обсуждения, совместного строительства, совместного пользования» в отношении международного порядка. Си Цзиньпин подробно изложил китайские подходы к данной теме в 2016 г. на саммите «двадцатки» в Ханчжоу. Речь идет о том, чтобы все страны вместе обсуждали новые правила глобального управления, создавали на этой базе новые механизмы и потом наслаждались результатами развития. Формально эта трактовка не исключает из процесса «совместного обсуждения» ни одну страну, в том числе Россию.

Обещание «не становиться гегемоном» (*бу чэн ба*) вошло в китайский политический лексикон в 1970-е годы в период «культурной революции». На протяжении десятилетий этого отрицания было достаточно для описания ориентиров китайской внешней политики. В древней конфуцианской традиции сформировалось противопоставление «пути жестокого правителя-гегемона» и «пути добродетельного правителя-вана», обладающего моральным правом на царствование. Широкомасштабная внешняя пропаганда достоинств китайской культуры в наши дни нацелена на то, чтобы обосновать глобальный статус Китая как «добродетельной державы».

Китай подчеркивает, что его политика всегда будет миролюбивой, поскольку стремление к миру заложено в «генах» гармоничной и толерантной национальной культуры. С этой позиции любые рассуждения иностранцев о китайской «агрессивности» являются не более чем проявлением недостатка знаний об истории и культуре. Чтобы иметь возможность содержательно, компетентно и объективно высказываться по этим вопросам, России нужно бережно сохранять и развивать традиции отечественного китаеведения и востоковедения.

Характер состояния современных отношений России и Китая

Ю.М. Галенович, главный научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН, доктор исторических наук, профессор:

В настоящее время мы оказались в своеобразном «новом реальном мире». Одной из его особенностей является то, что Китай становится в нем главной темой размышлений для всего человечества. Проблемы, возникающие в Китае, равно как и исходящие из него, приобрели глобальный характер, представляются важнейшими в наше время. Поэтому сегодня вопрос о взаимоотношениях с Китаем, о политике в отношении Китая — главный вопрос внешней политики России.

Китай перешел от накопления сил к активным действиям наступательного характера, к осуществлению глобальной стратегии. Она проявляется всесторонне, во внешне мирной и в агрессивной форме, в двусторонних, многосторонних, региональных, глобальных взаимоотношениях.

Если исходить из пропагандистских утверждений ЦК КПК, то партия накануне своего очередного XIX съезда прежде всего хотела бы, чтобы и внутри страны, и на мировой арене ее воспринимали как авангард нации Китая.

Мысль о нации Китая — центральная в современной идеологии КПК, ядро этой идеологии. Эту нацию предлагается видеть как великую нацию. При этом речь идет о великом возрождении великой нации Китая. Величие китайской нации — вершина современной идеологии КПК. Это ее современная национальная идея.

Идеал, к которому стремится сегодня КПК, это не далекое и прекрасное будущее, хотя так в КПК говорится о коммунизме, — но прошлое. В этом смысле партия обращена в прошлое. Она говорит о возрождении прошлого, великого прошлого. И здесь высвечиваются такие стороны современной идеологии КПК, как фактическая замена интернационализма обособленностью, отдельностью и исключительностью и нации Китая, и КПК, и ее идеологии.

Именно поэтому речь идет об исключительно китайском самобытном социализме, о китанизированном марксизме, то есть присущем исключительно Китаю, «принадлежащем» Китаю, как его «собственность» или его «имущество». С точки зрения этой идеологии отныне в мире существует единственный, исключительно китайский марксизм, социализм, коммунизм.

Одновременно современная идеология КПК предлагает человечеству нечто общее. Вместо прежней марксистской идеологии, лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и объединения трудящихся, пролетариев всех стран, рабочих и крестьян всех стран ныне выдвигается мысль о единстве всех людей на Земле в ходе осуществления экономической глобализации.

Нация Китая выдвигает идею экономической глобализации, предлагая себя как наилучшего в истории, в настоящем и в будущем управляющего делами человечества в ходе экономической глобализации.

Поэтому речь идет о глобальном управлении. Предлагается признать право и способность нации Китая, ее авангарда КПК осуществлять глобальное управление глобальными делами в ходе экономической глобализации. Речь идет о том, что «Китай будет делиться своим опытом государственного управления (то есть управления делами государства) со всеми странами мира» («Жэньминь жибао», 15 января 2017 года).

Другими словами, ставится задача, согласно которой реализуется «глобальная концепция управления» или, как писала 15 января 2017 г. газета «Жэньминь жибао», «при помощи китайской программы и полных китайской мудрости мер по реформированию системы глобального управления Китай берет на себя большую ответственность в сфере глобального управления».

Во всем этом сквозит такое представление о соотношении нации Китая и «остального человечества», которое предполагает признание «остальным человечеством» нации Китая, ее программы, мудрости, начальствующего положения, положения хозяина, господина, распорядителя делами всего человечества.

В частности, вводится мысль о «китайской мудрости» применительно к делам всего человечества. На самом деле, мудрость — это понятие общечеловеческое; все народы обладают мудростью; ни у кого нет оснований выпячивать исключительность и тем более превосходство своей мудрости.

Наконец, неотъемлемой составной частью идеологии КПК является «концепция мирового сообщества с единой судьбой» («Жэньминь жибао», 15 января 2017 г.). Это — мысль об общности судьбы человечества, различных его частей, прежде всего, Азии, Центральной или Средней Азии. Имеется в виду общность судьбы и каждой нации, и ряда наций того или иного региона, и всех наций на Земле с нацией Китая. Фактически выдвигается лозунг: «нации всех стран, объединяйтесь, десять тысяч лет великому сплочению народа мира», при естественном понимании того, что это должно осуществляться под руководством великой нации Китая, ее вечного, рассчитанного на десять тысяч лет государства.

Человечеству предлагается находиться в «зоне или в полосе Шелкового пути (полосе Шелка или полосе Чая, в полосе Китая)», примкнуть к движению нации Китая, видя в предложенных ныне руководством КПК «сухопутных и морских коридорах» центральный инструмент и средство осуществления идеала «*да тун*» — «великого единения, великой гармонии», то есть достижения общности судьбы наций всего мира с нацией Китая. Современное руководство КПК идет к XIX съезду партии со своей идеологией, которую оно предлагает как знамя самой нации Китая всему человечеству.

Встала проблема осознания характера взаимоотношений Китая и «остального человечества». Стоит вопрос: удастся ли Китаю и «остальному человечеству» приспособиться друг к другу.

Вечный мир, абсолютная независимость и полное равноправие — это принципы взаимного приспособления. Они должны лежать, в частности, в основе взаимоотношений с Китаем. Их необходимо защищать, недопустимо отступление от любого из них. Их соблюдение может углубить знакомство, содействовать нахождению взаимопонимания, а на этой основе — возникновению взаимного доверия, что может стать фундаментом вечного мира, добрососедства, дружбы и сотрудничества во взаимоотношениях России и Китая.

Отношения между Россией, Китаем и США: состояние и перспективы

А.С. Давыдов, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем США и ШОС ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», кандидат исторических наук:

Известно, что приход Трампа в Белый дом произошел в непростой для мира момент на пике глобальной турбулентности, порожденной событиями на Ближнем Востоке, на Украине, миграционными проблемами и предвыборной борьбой в ряде европейских стран.

Одновременно на этапе перехода от монополярности к мультивариантности мировой архитектоники происходит противоборство и смена элит: устремления идеологизированных апологетов глобализации — выдвинутых «спекулятивной» финансовой олигархии пришли в столкновение с интересами представителей индустриального капитала — инвесторами реальных секторов экономики. К ним и принадлежит Д. Трамп с его идеями укрепления внутренних рынков, роста и развития собственной индустриальной базы, разрыва международных торговых договоренностей, чреватых экономическими потерями, увеличения добычи отечественной нефти и сокращения ее импорта.

В такой ситуации отношения в американо-китайско-российском формате и анализ перспектив их развития, безусловно, приобретают особую актуальность и значимость.

Сегодня главный вопрос для Китая заключается в том, будут ли темпы роста его амбиций соизмеримы с ростом его совокупной мощи? А для США — в уяснении соотношения между пользой от конфронтации с КНР и выгодой, получаемой от конструктивного сотрудничества с этой страной.

Когда большинство российских СМИ настаивают, что у Трампа нет цельной и четкой внешнеполитической стратегии, они правы только отчасти. Ее наметки существуют, и важным их пунктом является не простое недопущение еще более тесного российско-китайского сближения, а стремление разъединить две наши страны, отдалив одну от другой как можно больше.

Свой замысел Трамп уже начал активно воплощать в жизнь. Вспомним «неожиданный» визит Си Цзиньпина в апреле с.г. в США, состоявшийся после быстрых договоренностей двух сторон, невзирая на телефонные переговоры Трампа с президентом Тайваня и его заявление о «двух Китаях».

В политике, как и в других сферах человеческого бытия, не миновать «технологических новаций». Одно из таких собственных «ноу-хау» продемонстрировал во время визита китайского гостя ему и миру Дональд Трамп, когда за десертом объявил Си о ракетном ударе по сирийской авиабазе Шайрат в ответ на якобы предпринятую войсками Б. Асада химическую атаку. Переориентирование маршрута движения авианосца «Карл Винсон» вместо Австралии к берегам КНДР — из того же арсенала.

Все это делалось с определенным умыслом. Цель таких шагов состояла, во-первых, в демонстрации Трампом его силы и твердости. Во-вторых, в определении допустимых для Америки пределов жесткости ее собственного поведения и реагирования на те вызовы, которые она может счесть для себя неприемлемыми. А, в третьих, в сопоставлении степени идентичности реакций Китая и России на действия со стороны США.

По мнению нынешних американских властей, попытка зондажа и определенного шантажа в целом удалась. Реакция КНР и России на действия США в Сирии и у северокорейских берегов не была одинаковой. А итоговым результатом для американцев стал вывод об отсутствии между КНР и РФ, несмотря на провозглашенные отношения стратегического партнерства, должной сплоченности и о возможности и целесообразности «работать» с каждой из сторон обособленно, ужесточая свои требования и выступая в качестве «держателя трехстороннего баланса», чтобы при необходимости манипулировать им.

В ходе состоявшейся 6–7 апреля во Флориде встречи Трампа с Си Цзиньпином Китай официально приветствовал участие США в сотрудничестве в рамках инициативы «Пояс и путь», одновременно предложив «укрепить механизмы диалога в военной сфере и усилить коммуникацию по основным международным и региональным вопросам».

Одним из важных ее итогов стала договоренность о создании четырех новых механизмов для диалога и сотрудничества в сфере дипломатии и безопасности, экономики, правоприменения и кибербезопасности, а также гуманитарных обменов. Была согласована необходимость упорядочения торгового баланса двух стран, который пока имеет значительный перекос в пользу Китая.

Китаю, со своей стороны, очевидно, удалось донести до сознания нового американского лидера три принципиальных постулата, непоколебимость которых жизненно важна для сохранения нормальных отношений КНР с Америкой:

- 1) принцип «одного Китая» выступает политической основой взаимоотношений двух стран и не является предметом торгов и дискуссий;
- 2) внимание Соединенными Штатами высоких таможенных пошлин на китайские товары чревато крупномасштабной торговой войной;

3) и главное: если обоюдный выигрыш достигнут не будет, неизбежен обоюдный проигрыш.

Трампа уже заявлял, что уступит Пекину по торговым вопросам в обмен на содействие в нейтрализации северокорейской ядерной программы. Сложность развязывания северокорейского «узла» заключается не только в том, что Пхеньян — близкий союзник Пекина. Проблема КНДР является составной частью крупной геополитической игры в регионе Северо-Восточной Азии, от исхода которой в конечном итоге будет зависеть, чье влияние может окончательно возобладать в АТР.

Если Китай согласится «приструнить» Пхеньян, он сможет рассчитывать на очередную порцию американских торгово-экономических льгот и преференций, однако потеряет «идеологическое лицо» и удобного сателлита, прикрывающего его фланги от угроз со стороны оснащенных американским оружием Южной Кореи и Японии.

Если КНР займет в вопросе Северной Кореи идеологически лояльную ей позицию, она рискует быть обвиненной в нарушении соответствующих резолюций ООН со всеми вытекающими последствиями в виде экономического прессинга, патрулирования американцами и их союзниками зоны Южно-Китайского моря и реальной демонстрации иллюзорности и несостоятельности претензий Пекина на обширные морские пространства. И то, и другое невыгодно Си Цзиньпину в преддверии XIX съезда КПК, на котором он намерен еще больше консолидировать собственную власть в партии и стране.

Российско-американские связи — одна из труднейших проблем новой администрации США. Мы сами виноваты во многом, поскольку сразу после выборов наши СМИ начали раздувать «трапоманию» и необоснованный оптимизм по поводу надежд на скорое улучшение отношений с Америкой. Ни одна из них не оправдалась.

Растерянность российской политэлиты перед нестандартностью действий нового главы Белого дома, определенной эпатажностью его поведения и манерой общения с собственными СМИ обусловила ее неспособность понять, оценить и проанализировать суть его первых шагов на президентском поприще. Кое кому грезилось, что на основе сдерживания Китая США трансформируют отношения с Россией в более близкие и доверительные. И этим ей следует воспользоваться, во-первых, чтобы реализовать все свои замыслы, а, во-вторых, чтобы держать «на коротком поводке» Китай, периодически шантажируя его окрепшими связями с Америкой. Вот почему в первые недели после инаугурации Трампа на устах нашей политэлиты вертелся «главный» вопрос: «Когда же, наконец, состоится встреча двух лидеров — российского и американского?» Но Белый дом хранил молчание.

Помимо наших собственных «проколов» на формирование антироссийской политики Вашингтона серьезно влияет атмосфера «русофобии» и «путинфобии», воцарившаяся и у законодателей на Капитолийском холме, и в главных правительственных органах и спецслужбах — госдепартаменте, Пентагоне, ЦРУ, АНБ, ФБР, министерствах финансов, энергетики и ряде других. То же самое происходит на партийном уровне. Если по многим другим политическим проблемам расхождения в позициях республиканцев и демократов порою весьма существенны, то в российском вопросе у них царит практически единодушие.

В таких обстоятельствах ждать скорого и реального улучшения отношений между США и Россией вряд ли следует. Более того, обстановка усугубляется в результате инициатив законодателей относительно принятия дополнительного пакета антироссийских санкций. Даже если в результате личной встречи двух лидеров удалось бы достичь взаимных договоренностей, области их будут весьма ограниченными. Главным образом они могут коснуться улучшения взаимодействия в ходе антитеррористической операции в Сирии. На большее Трамп едва ли отважится, пока сам находится под угрозой расследования, чреватого импичментом.

Отношения внутри «треугольника» КНР – США – РФ — одно из наиболее важных и сложных глобальных взаимодействий. Как известно, политические отношения между РФ и КНР масштабнее и богаче, чем их экономическое сотрудничество, а китайско-американские связи в торговой и финансово-экономической сферах более глубоки и насыщены, чем в политической. В то же время российско-американские отношения в стратегической области, связанные с всемирной безопасностью, являются определяющими на глобальном уровне с учетом военного потенциала обеих стран.

В предвыборных высказываниях Трампа проскальзывали намерения заняться реструктуризацией российско-китайско-американского «треугольника». Учитывая тесный характер политических связей России и Китая, он не исключил, что в перспективе Америка может оказаться в конфликте с ними обоими, и поэтому рассчитывает ослабить натиск хотя бы со стороны одного из соперников. При этом не исключено, что укрепление антиглобалистских трендов на Западе может сопровождаться одновременной консолидацией его силовой составляющей как по военной линии, в т.ч. в рамках НАТО, так и в сфере обеспечения безопасности.

Многое указывает, что подобно Никсону Трамп стремится стать «геополитическим балансером», и в таком случае «торговля геополитикой» может превратиться в фирменный стиль нового президента.

Думается, однако, что в конечном итоге взаимоотношения в «треугольнике» будут определять не субъективные симпатии или антипатии сторон, а объективные экономические и геополитические факторы, в том числе, цена на нефть. Поддерживаемая Д. Трампом идея освобождения США от ее импорта через масштабное увеличение добычи сланцевой нефти, в сочетании с серьезным спадом экономической активности в Китае, может привести к переизбытку сырья на мировом рынке, дестабилизации и снижению цен на него, чреватому падением курса рубля. Такой же результат может вызвать повышение в США пошлины на экспорт китайских товаров.

Чтобы голос России в «треугольнике» был весомым, она должна, как минимум, обладать сопоставимой с двумя другими его участниками комплексной мощью. Явно уступая им в экономике, при определенных условиях она может успешно выступить в роли арбитра между Америкой и Китаем, если их отношения обострятся до максимума. Однако если Трамп захочет использовать Россию против Китая, нам важно не поддаваться на это и обходить острые углы в случае выдвижения со стороны США условий улучшения отношений за счет нарушения уз стратегического партнерства с КНР.

В дальнейшем не исключено, однако, возникновение ситуации, когда действие «классической парадигмы», при которой главный вызов безопасности России и США обусловлен их политикой в отношении друг друга, может нарушиться в результате усиления глобальных амбиций Китая. Поэтому идеальной для взаимоотношений трех стран уже сегодня могла бы стать модель поиска фундамента для их трехстороннего стратегического партнерства.

К сожалению, на пути достижения этого идеала воздвигнуто много нагромождений. До недавнего времени непосредственный интерес США к России в контексте АТР прослеживался исключительно через призму «китайского фактора» и сводился к оценке возможности использования ее либо в качестве союзника Америки в борьбе с опасностью усиления КНР (что абсолютно нереально в условиях американо-российской конфронтации), либо угрозы для США как сторонницы Китая.

Представляется, что реальное дело, которым «треугольник» совместно мог бы заняться уже сейчас, состоит в изыскании путей решения проблемы северо-кореической ракетно-ядерной угрозы.

(Очевидным знаком прогресса на этом пути уже стало единогласное принятие 5 августа 2017 г. Советом Безопасности ООН, членами которого являются РФ, КНР и США, резолюции об усилении санкций против КНДР).

Европейское направление в политике Пекина: глобальный и российский контексты

А.О. Виноградов, ведущий научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН, кандидат исторических наук:

Выделяются три новых фактора, возникших в европейско-китайских отношениях за последний год: обострение проблемы статуса страны с рыночной экономикой для Китая, «брекзит» и приход к власти в США новой администрации, резко поменявшей свое отношение к европейским союзникам.

Проблема статуса принципиально важна для обеих сторон с точки зрения постоянно возникающих торговых споров и антидемпинговых расследований: если страна признается рыночной, то за основу берутся ее внутренние цены, если нет, то цены т.н. суррогатной страны. В частности, вводя в апреле этого года очередные антидемпинговые пошлины на китайскую горячекатаную сталь (от 17 до 40% на 5 лет), Еврокомиссия ссылалась на цены в США, выбрав именно их в качестве «суррогатной» страны.

Споры по проблеме статуса шли на протяжении 2016 года, а их пик пришелся на саммит КНР — ЕС, прошедший летом 2016 г. в Пекине. Достигнутые договоренности не афишировались, но до декабря (когда собственно и истек 15-летний срок, после которого, по версии китайской стороны, статус рыночной страны должен был быть предоставлен Китаю автоматически) стороны старались избегать публичной полемики. Можно предположить, что Пекин соглашался на отсрочку по статусу в обмен на отказ лидеров стран ЕС от Трансатлантического партнерства.

Отказ США от своего же проекта, по сути, лишил европейцев этого козыря, что вызвало усиление давления со стороны Пекина. Именно в данном контексте стоит рассматривать беспрецедентный визит Си Цзиньпина в Европу в январе 2017 г. и его выступления в Давосе и Цюрихе, где он пытался убедить собеседников в том, что глобализация и дальнейшая либерализация торговли идет на пользу всем, а не только одному Китаю.

Тем не менее в марте 2017 г. вышел в свет доклад Торговой палаты ЕС по поводу китайской стратегии «Made in China», авторы которого предупреждали, что в результате реализации этой стратегии ЕС может потерять 170 млрд евро. Понятно, что доклад вызвал резкую критику в Китае. В апреле Евросоюз ввел антидемпинговые пошлины на китайскую сталь, на что Пекин пригрозил ответными мерами, но не конкретизировал их.

Помимо политических и финансовых, Китай на самом деле имеет и другие серьезные рычаги давления. В частности, в июле прошлого года ЕС вслед за США обратился в ВТО с жалобой на то, что КНР путем квот и вывозных пошлин ограничивает поставки в Европу ряда редкоземельных металлов. Речь идет об экспорте одиннадцати из двадцати видов сырья, стратегически важного для ЕС (графит, кобальт, хром, магnezия, сурьма, индий и др.).

В начале июня 2017 г. в Брюсселе прошел очередной саммит Китай — ЕС, в ходе которого европейская сторона пыталась обсудить с КНР проблемы экономических отношений, включая важный вопрос, позиции по которому серьезно расходятся — вопрос инвестиций. Китайско-европейское инвестиционное соглашение до сих пор не подписано, хотя прошло 13 раундов переговоров. Общий объем китайских инвестиций в страны ЕС стремительно догоняет объем европейских инвестиций в Китай (на данный момент — 74 млрд долл. против 115 млрд долл.). Китайцы настаивают на открытости европейского рынка, европейцы призывают к взаимности, подчеркивая, что Пекин ограничивает области иностранных инвестиций в свою экономику.

Европейцы также планировали обсудить с китайской стороной проблему избыточных мощностей (прежде всего в производстве стали), а также выполнение Китаем норм ВТО и решений G-20 по борьбе с протекционизмом. Однако саммит закончился, по

сути, неудачей. Из-за разногласий по торговым вопросам не смогли подписать даже заявление по поводу выполнения Парижских соглашений по климату.

Тем не менее на уровне деклараций все выглядит неплохо. Председатель Еврокомиссии К. Юнкер призвал к сопряжению Европейского фонда стратегических инвестиций (EFSI) и китайской инициативы «пояса и пути». Премьер Ли Кэцян в ответ подтвердил намерение Китая сделать многомиллиардные инвестиции в этот Фонд. Однако конкретно сопряжение выражается пока в идее создания некоего совместного инвестфонда Китай-ЕС для софинансирования общих проектов. При этом имеются в виду инфраструктурные проекты в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье, уже финансируемые Китаем. Флагманский инфраструктурный проект ЭПШП в Европе — это скоростной маршрут, который свяжет порт Пирея со странами Центральной и Восточной Европы. А пирейский порт, переданный в концессию Китаю на 35 лет, — один из крупнейших контейнерных портов в Европе.

Что касается «брекзита», то первоначальная реакция Пекина на результаты референдума в Великобритании была достаточно болезненной. Поскольку, начиная с 2014 г., именно она была главным проводником «сопряжения» китайских проектов с европейскими и основным лоббистом зоны свободной торговли «Китай — ЕС». В выступлении Си Цзиньпина на форуме ЭПШП в Пекине в мае этого года Британия была включена в число стран, с которыми Китай уже осуществил «согласование» стратегий (наряду с РФ, АСЕАН, Казахстаном, Турцией, Монголией, Вьетнамом и Польшей). То есть в случае выхода Британии из ЕС Пекин лишается, по крайней мере, некоторых уже завоеванных позиций и одного из своих главных европейских союзников.

Однако «брекзит» — довольно длительный процесс, результаты которого сегодня по-прежнему представляются неопределенными. Кроме того, помимо Британии у Пекина в рамках ЕС существует серьезный союзник в лице группы стран, входящих в формат «16+1» (страны Центральной и Восточной Европы + Китай), созданный по инициативе КНР в 2012 г. Данная структура со штаб-квартирой в Пекине и постоянными представительствами других стран-участников приобретает все большее значение для Китая. В том же выступлении Си Цзиньпин упомянул, что в формате «16+1» в рамках развития инициативы ЭПШП уже учрежден совместный финансовый холдинг.

ЕС остается крупнейшим торгово-экономическим партнером Китая. В 2016 г. объем двусторонней торговли составил 547 миллиардов долларов. Кроме того, ЕС — главный поставщик технологий для КНР, а также третий крупнейший источник иностранных инвестиций. В Китае насчитывается 43 тысячи проектов, в которые инвестируют европейские компании.

Европа по-прежнему крайне важна для Пекина и как крупнейший рынок сбыта китайской продукции, и как объект стратегического противостояния с США. Однако в нынешней ситуации все большего ослабления Евросоюза и усиления Китая китайская сторона все меньше склонна учитывать интересы европейских стран, особенно руководства ЕС, и идти на какие-то компромиссы. Китай предпочитает добиваться своих целей с помощью гибкой и агрессивной финансово-инвестиционной политики, заключения двусторонних соглашений со странами, испытывающими трудности и недовольными ЕС, а также путем создания собственных структур многостороннего сотрудничества типа формата «16+1». В КНР также звучат предложения о создании совместной структуры с шестью странами Южной Европы «6 + 1» (Греция, Италия, Испания, Португалия, Кипр, Мальта) и механизма сотрудничества для пяти стран Северной Европы «5 + 1» (Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция).

В связи с этим стоит обратить более пристальное внимание на создаваемый Китаем в ЦА новый четырехсторонний антитеррористический механизм без участия России (Китай, Таджикистан, Пакистан, Афганистан), а также на то, что в опубликованной в январе 2017 г. Белой книге КНР по сотрудничеству в сфере безопасности в АТР эта

структура стоит на одном из первых мест (ШОС — на предпоследнем, а РАТС не упоминается вообще).

Дальнейшее ослабление Европейского Союза ведет к усилению политической и прежде всего экономической активности Китая на европейском направлении. Попытки руководства ЕС сопротивляться китайской экспансии успеха не приносят по причинам отсутствия единства и все более уменьшающейся способности к принятию жестких решений. Поэтому главная опасность, которая грозит китайскому глобальному проекту со стороны Европы — это продолжение и углубление европейского кризиса. Может возникнуть такая ситуация, когда после строительства ЭПШП европейский спрос уменьшится настолько, что сам проект перестанет себя оправдывать.

В контексте европейско-китайских связей несколько слов о России.

Сегодня часто слышатся рассуждения о том, что начиная с 2016 г. торговый оборот между РФ и Китаем вновь начинает расти, и таким образом происходит возврат к ситуации, которая была до обвала рубля и падения оборота в 2015 г. Такая оценка не совсем верна. При нынешнем курсе рубля к доллару (и кросс-курсе к юаню) складывается новая ситуация, когда Россия вынуждена продавать намного больше сырья по значительно более дешевой цене и покупать продукцию китайского машиностроения по более высоким ценам. Именно это имеет место в виду, когда говорят о том, что в 2015 г. товарооборот между нашими странами хотя и упал в ценовом выражении, в физическом объеме даже вырос. В этих условиях России количественный рост товарооборота скорее невыгоден. Необходимо качественное изменение структуры торговли между РФ и Китаем.

То же самое касается китайских инвестиций в РФ. Европейский опыт показывает, что они нуждаются в контроле (недаром в США существует специальная комиссия, жестко контролирующая инвестиции со стороны Китая).

Далеко неоднозначно обстоит дело и с электронной торговлей, рост которой преподносится как развитие инноваций и сотрудничества в сфере «новой экономики». Нынешняя электронная торговля, по сути, заменила «челночную торговлю», поощрение которой в 1990-е гг. способствовало массовому оттоку валютных средств из РФ и огромному росту коррупции. Рост электронной торговли объясняется отсутствием регулирующих нормативных документов и приводит к тому, что покупки россиян в Китае (по оценкам Минэкономразвития — на 3–4 млрд долл. в год) не облагаются ни налогами, ни таможенными пошлинами. При этом мизерные объемы электронных продаж России в Китае объясняются отсутствием у российских компаний опыта работы, недостаточными усилиями по «брендированию» и т.п.

Создается впечатление, что сложившаяся ситуация полностью устраивает китайскую сторону. Наличие большого числа переговорных площадок не способствует решению конкретных проблем двусторонней торговли. По крайней мере ряд из них, например, регулирование электронной торговли на территории РФ, Россия должна решить сама, без оглядки на Китай.

То же самое касается работы гидов. Россия должна перейти к международной практике запрета на работу неграждан страны в этой сфере и жестко контролировать его выполнение, даже если это вызовет недовольство китайской стороны.

Региональные вызовы инициативе «Экономический пояс Шелкового пути»

Н.А. Замараева, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук:

В последние годы регион Южной Азии (Афганистан, Индия, Иран, Пакистан) сталкивался с вызовами двух уровней: региональными и обострением двусторонних отношений.

К традиционным вызовам относятся Кашмирский и внутриафганский кризисы с дальнейшим проецированием на подрыв режима безопасности в регионе. Начиная с 2016 г. они протекают на фоне согласованной тенденции к изоляции Пакистана со стороны трех государств — Афганистана, Индии и Ирана, каждое из которых обвиняет Пакистан в терроризме. В 2016–2017 гг. резко участились и обострились пограничные афгано-пакистанские, индо-пакистанские и ирано-пакистанские вооруженные столкновения.

Отличительная черта Кашмирского кризиса на современном этапе в том, что он вышел за рамки двустороннего конфликта. В апреле 2015 г. его третьим участником стал Китай. Пекин подписал с Исламабадом пакет инвестиционных соглашений на 46 млрд долл. на строительство китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Маршрут его проходит по территории пакистанского административного округа Гилгит-Балтистан, который географически является составной частью Кашмира. Нью-Дели считает эту территорию своей собственностью и заявляет, что это не столько территориальный спор, сколько нарушение одного из фундаментальных положений Устава ООН — принципа территориальной целостности государства. Китай и Пакистан обвиняются в захвате индийских земель. Реализация в 2016–2017 гг. первого этапа КПЭК лишь обострила Кашмирский кризис. В этом одна из причин отказа Индии от участия в Международном форуме «Экономического пояса Шелкового пути» в мае 2017 г. в Пекине, а также дальнейшего обострения индо-пакистанских отношений.

Помимо кашмирской «болевого точки» опасения у Нью-Дели вызывает милитаризация акватории Ормузского пролива. Постоянное дежурство ВМС Китая в пакистанском порту Гвадар (точка сопряжения сухопутного и морского путей ЭПШП) Индия рассматривает как потенциальную угрозу морским маршрутам поставки углеводородного сырья. Нью-Дели занимает третье место в мире по потребляемым объемам сырой нефти после США и Китая, импортируя свыше 45% ее из стран Персидского залива. Согласно информации портала gulfnews.com, в 2016 г. потребности в ней выросли на 11% и составили 200 млн тонн.

Вывод большей части коалиционных сил США и НАТО из Афганистана в декабре 2014 г. и передача контроля за режимом безопасности национальным силам не гарантировали безопасность в стране. Вызовом для региона Западной Азии в 2017 г. остается дестабилизация во внутренних районах Афганистана и одновременное дальнейшее укрепление позиций «движения Талибан» в Афганистане и других оппозиционных властям вооруженных сил. Стартовавший в июне-июле 2015 г. в Исламабаде при посредничестве официальных властей Пакистана внутриафганский процесс урегулирования провалился. Это привело к резкому обострению пакистано-афганских отношений, а главное — к потере доверия к военно-гражданскому руководству Пакистана правительства национального единства, возглавляемого президентом Афганистана Ашрафом Гани.

Очередной этап усилий по организации внутриафганского диалога стартовал в январе 2016 г. Помимо непосредственных участников он включал расширенное число международных посредников — Китай, Пакистан и США — объединенных в рамках четырехстороннего переговорного процесса. Но увеличение числа сопричастных к урегулированию конфликта, каждый из которых преследовал свои собственные цели, привело к усилению антагонизмов в среде непосредственных сторон кабульского процесса и, как следствие, к очередному провалу диалога. Формулы переговоров: «Афганистан + Пакистан» и «Афганистан + Китай, Пакистан, США» подтвердили свою неэффективность. В 2017 г. дестабилизация военно-политической обстановки в Афганистане и обострение пакистано-афганских отношений перешли на новый уровень.

Приход в январе 2017 г. к власти в США новой администрации во главе с президентом Д. Трампом принес новые ожидания для официальных властей Кабула. Они связывали их с усилением давления на Исламабад, обвиняя его:

– в укрывательстве боевиков различных антиправительственных организаций на своей территории, и, таким образом, попустительстве трансграничным нападением на объекты в разных провинциях Афганистана;

– неспособности / саботаже Пакистана усадить лидеров афганского «движения Талибан» (ДТА) за стол переговоров;

– во влиянии на лидеров ДТА, использовании талибов как инструмента давления на Кабул, и, таким образом, продвижении стратегических интересов Исламабада в афганском переговорном процессе.

Заявления американских чиновников в мае 2017 г. о возможности увеличения в Афганистане численности американских войск на 3–4 тыс. военнослужащих вызвали крайне отрицательную реакцию Исламабада и Пекина. 1 июня 2017 г. МИД Пакистана заявил, что «...не существует военного урегулирования афганского конфликта, и подход, основанный на военном решении, на протяжении последних 15 лет не принес положительных результатов. Это следует признать. Пакистан и Китай осознают, что возвращение американских войск еще больше расшатает неустойчивый Афганистан».

Заявление Президента России В.В. Путина в дни проведения саммита Шанхайской организации сотрудничества 8–9 июня 2017 г. в Астане о возобновлении Россией посреднической миссии в афганском переговорном процессе вызвало неоднозначную реакцию в Исламабаде и Пекине. Ни Китай, ни Пакистан не заинтересованы в развитии подобного сценария в регионе. Никто, кроме Москвы, де-факто не заинтересован и в ее участии в урегулировании внутриафганского кризиса: это выглядит как активное продвижение интересов России в регионе.

На этом фоне 13 июня 2017 г. Китай предложил выступить в роли посредника на двух переговорных площадках: во внутриафганском кабульском процессе и в урегулировании отношений между Афганистаном и Пакистаном. Дипломатия «мягкой силы» и миллиардные инвестиционные проекты Пекина, а также сотрудничество в сфере реконструкции и в различных секторах афганской экономики убедили Кабул принять его предложение.

Китай не впервые выступает с подобным предложением. Еще в феврале 2015 г. министр иностранных дел КНР Ван И высказался о возможном опосредованном участии в мирных переговорах между официальными властями Кабула и «движением Талибан». «Мы будем поддерживать правительство Афганистана в вопросе примирения с различными политическими группировками, в том числе талибами.... Китай готов играть конструктивную роль и оказать необходимое содействие в любое время, если это требуется различными сторонам в Афганистане». Но Вашингтон забил тогда тревогу.

Посредничество Пекина во внутриафганском диалоге представляется полезным и в дальнейшем. Китай — мировая, пограничная с Афганистаном держава. Пример КПЭЖ наглядно демонстрирует Кабулу решение энергетического кризиса в соседней стране, масштабное обновление сети авто- и железных дорог, строительство громадного торгового порта Гвадар, который одновременно является военно-морской базой ВМС Пакистана. Полное введение экономического коридора в эксплуатацию, по подсчетам пакистанских экономистов, повысит ВВП страны на 2%.

Современное развитие пакистано-китайских отношений по формуле «единой судьбы», т.е. совпадения коренных национальных интересов способствовало тому, что военное командование Пакистана предоставило Китаю ряд своих «талибских» активов для запуска нового этапа Кабульского процесса под патронатом Пекина.

II. Российско-китайские отношения: текущие проблемы и вызовы

Российско-китайские торгово-экономические отношения в 2016–2017 гг.

С.В. Уянаев, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель ЦИПРКО ИДВ РАН, кандидат исторических наук:

Текущая ситуация в российско-китайских торгово-экономических отношениях складывается под влиянием известных тенденций нескольких последних лет. Первая состоит в том, что, достигнув в 2014 г. своего абсолютного пика в 95,3 млрд. долл. (здесь и далее — по данным статистики КНР), стоимостное измерение российско-китайской торговли прекратило свой устойчивый рост. В следующем, 2015 г., произошел ее резкий обвал. Объем составил 68,1 млрд долл. США, т.е. на 28,6% меньше по сравнению с 2014 г.

Причины были достаточно очевидны. Среди них — резкое падение стоимости энергоносителей и сырьевых товаров, которые являются существенной (свыше 70%) статьей российского экспорта в КНР. Сказались отразившиеся на обеих странах общие кризисные явления в мировой экономике, включая снижение спроса на зарубежных товарных рынках. Свою роль сыграли и внутренние трудности, в частности, западные санкции и девальвация рубля для РФ, общее снижение темпов экономического роста и ограничители прежней модели экономического развития для Китая. Не случайно и РФ, и КНР испытали снижение показателей не только двусторонней, но своей общей внешней торговли, пусть и в разной степени (в 2015 г. РФ на 33,2%, а КНР — на 8%). При этом Китай сохранил позиции ведущего торгового партнера России, хотя в аналогичном китайском рейтинге она опустилась с 9 на 16 место. Доля РФ во внешней торговле Китая уменьшилась с 2,21% до 1,67%.

Однако похоже, что с середины 2016 г. стала проявляться другая тенденция — признаки роста. Согласно статистике китайской таможни, по итогам 2016 г. объем китайско-российской торговли товарами вырос на 2,2% по сравнению с предыдущим годом и достиг 69,53 млрд долл.

Примечательные перемены в 2015–2016 г. коснулись структуры торговли. Так, в российском экспорте выросла доля потребительских товаров, в частности продукции сельского хозяйства и продовольствия. Кроме того, при снижении ценовых объемов, физические объемы поставок зачастую не снижались, а наоборот росли. Например, поставки сырой нефти из РФ в КНР в 2015 г. увеличились на 28,2% (до 42,43 млн тонн) при снижении стоимости на 31,1%. В части импорта из Китая в 2016 г. наметился рост (15,6%) стоимостного объема поставок машин и оборудования. Доля этой позиции в российском импорте по итогам 2016 г. является преобладающей — 58,6%.

В 2017 г. тенденция роста общих объемов двусторонней торговли проявилась достаточно весомо и определенно. За первые пять месяцев года объем торговли товарами устойчиво рос, увеличившись на 26,1% по сравнению январем-маем 2016 г. Сохранение данной тенденции по итогам 2017 г. возвратило бы российско-китайскую торговлю на позиции, близкие к показателям 2013–2014 гг.

По данным Банка России, в части инвестиционного сотрудничества на 1 октября 2015 г. объем накопленных прямых инвестиций из Китая в экономику России составлял 1,5 млрд долл., а прямых российских инвестиций в Китай — 172 млн долл. В то же время, по данным ГСУ и Министерства коммерции КНР, объем накопленных прямых китайских инвестиций в экономику России на конец первого полугодия 2016 г. составил 8,963 млрд долл., а российских в Китай — 913,58 млн долл.

Не ставя задачей выяснение причин таких расхождений, в любом случае очевидно, что объемы инвестиционного сотрудничества, пусть и выросшие в последние годы, имеют немалые резервы. По данным Банка России, Китай занимает лишь 15-е место среди стран-инвесторов, действующих в РФ. По другим данным (Министерство коммерции КНР), Россия не входит в десятку главных получателей китайских инвестиций, отставая

даже от Казахстана. К примеру, за 11 месяцев 2015 г. прямые китайские инвестиции в нефинансовые активы в РФ уменьшились на 15,2%.

Тем не менее, согласно официальным сообщениям, в рамках созданной три года назад Совместной комиссии по инвестиционному сотрудничеству обсуждаются 58 коммерческих инициатив общим объемом в 50 миллиардов долларов; 12 проектов уже в стадии реализации.

Стороны провозглашают сегодня общую задачу перехода от модели с упором на масштабы и скорость к модели с упором на качество и эффективность, выделяя такие сферы, как энергоресурсы, авиация, космонавтика и инфраструктура. Однако реализовать эту прогрессивную модель, повысить не только объемы, но уровень и качество экономических связей — задача, которая не имеет автоматических решений и требует преодоления немалого числа барьеров.

По мнению авторитетных российских экспертов, при этом следует уделить внимание трем важным вопросам. Это, во-первых, условия торговли товарами и услугами, включая достижение четких определенностей по зонам свободной торговли. Просчета требуют не только риски для РФ (наплыв дешевых китайских потребительских товаров, ограничивающий российского производителя), но и очевидные преференции в виде возможностей беспощинного ввоза на рынки КНР интересующих ее товаров (того же угля, который, в отличие от австралийского, облагается заметным тарифом).

Во-вторых, эксперты призывают устранить препятствия на пути торгового и инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке, решив, наконец, проблему строительства современной трансграничной инфраструктуры, включая сооружение мостов через Амур. Сюда же можно добавить старую задачу устранения сложностей, связанных с бюрократизмом и коррупционной составляющей в работе местного чиновничества.

В-третьих, в энергетическом сотрудничестве нужно проявлять необходимую адаптивность к меняющейся ситуации на мировых рынках. В этой связи принципиальную важность приобретает вопрос о том, будут ли выполнены в срок российские обязательства по газовому контракту 2014 г. У некоторых китайских экспертов в этом есть сомнения.

Работа над этими и схожими вопросами — дело непростое. Но без нее позитивный сценарий двусторонних экономических связей вряд ли реализуем.

Евразийские инициативы РФ и КНР: возможности и лимиты сопряжения

А.Г. Ларин, ведущий научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН, кандидат филологических наук:

За три с лишним года, прошедших со времени выдвижения инициативы «пояс и путь», Китай добился многого и в экономике, и в идеологии. Благодаря своей мощи и тщательно разработанной идеологической системе он становится главным политическим идеологом мирового развития. Таковую картину движения вперед не смогло предложить человечеству ни одно другое государство. В китайских идеях сообщества единой судьбы — для соседей, для Азии и для всего мира — можно найти немало идеализма и наивности.

Тем не менее при обсуждении мировых дел голос Китая звучит не менее, а то и более весомо, чем голос США. Сильная сторона его идеологии — забота о всеобщем благе и готовность вносить в его достижение большой собственный вклад вместо навязывания другим своих особых ценностей.

Усилиями Китая постепенно набирает силу процесс евразийской интеграции. Китай готов присоединить к нему и Африку, которую называет ключевым звеном, и Латинскую Америку, и Океанию. Евразийскую интеграцию весомо продвигает и Россия, хотя у нее более скромные экономические возможности.

Таким образом, возникает тенденция формирования нового мирового полюса. А отсюда рождается остроумная идея сопряжения ЕАЭС и ЭПШП — процесса, в котором стороны сотрудничают на равных, что для России имеет большое значение: это для нее статусная проблема.

То же касается российской инициативы создания Большого евразийского партнерства (БЕП). Если новый Шелковый путь (ЭПШП) и ЕАЭС — это равноправные (хотя и не равные по величине) партнеры, то ЭПШП и БЕП — это по сути две формы одной и той же идеи. Они эквивалентны: любой акт экономического взаимодействия, который можно рассматривать как реализацию ЭПШП, можно зачислить и в актив БЕП. И наоборот: что сделано в рамках БЕП, относится и к ШП. Поэтому правомерно считать, что ШП и БЕП вполне сочетаются друг с другом, что способствует евразийской интеграции и идет на пользу и России, и Китаю.

Новое сближение с Россией позволяет Китаю поставить вопрос о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с ЕАЭС. Это — давняя мечта Китая, по его инициативе она записана в Хартии ШОС. До сих пор она лежала там без движения, но теперь, когда Россия поставила задачей поворот на Восток, она пересматривает свое отношение к идее ЗСТ. Трудность здесь в том, что ЗСТ напрямую затрагивает сложную конфигурацию глубоких интересов членов ЕАЭС. Тем не менее, переговоры Китай — ЕАЭС начались и уже идут полным ходом. Однако пока они сосредоточены на более практической цели: заключении непреференциального всеобъемлющего торгово-экономического соглашения. Создание ЗСТ ввиду сложности задачи, необходимости учитывать противоположные интересы пока отложено на будущее.

Одна из целей ЕАЭС при этом — добиться укрепления связей между членами союза, выступая в отношении Китая единым коллективом. Однако укрепление внутренних связей не мешает членам союза развивать торгово-экономические отношения с КНР на двусторонней основе. Китай наращивает объемы торговли и инвестиционного обмена с членами союза, обгоняя в этом отношении Россию; договаривается с ними о переносе производств, содействуя таким образом их индустриализации. Это — то, что не удастся сделать России, хотя и является одной из основных целей ЕАЭС.

Таким образом, сопряжение Китая и ЕАЭС, выступающего в качестве единого партнера, несет для России риск определенного снижения ее влияния внутри ЕАЭС, риск усиления ориентации членов союза на Китай, что происходит параллельно с принятием важных совместных документов, сплачивающих союз. Отметим, что этот процесс касается не только ЕАЭС, но и Центральной Азии в целом.

Сочетание плюсов и минусов для России имеет место и в других областях экономики. Прокладывая новые коридоры в Европу и в восточные моря, Китай создает мощную конкуренцию Транссибу, снижает его роль трансконтинентального канала. Но вместе с тем Китай готов участвовать в модернизации его «оконечностей»: коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», а также его европейской части, по которой идут транзитные грузы из Китая через Казахстан в Европу.

Самый главный плюс, который предоставляет нам Китай — это возможность получения инвестиций. Беда, однако, в том, что мы плохо умеем ими пользоваться. Совместные российско-китайские проекты нередко остаются на бумаге, программы не выполняются, задания годами кочуют из плана в план.

Главная причина такой ситуации — не «плохое знание друг друга», (оно изживается в процессе сотрудничества), не опасения «китайской угрозы», а неудовлетворительный инвестиционный климат в стране. Изменить сложившееся положение призваны образумные с 2014 г. территории опережающего развития. Пока иностранных резидентов в ТОРах немного, но китайских среди них — больше половины. Насколько успешными окажутся ТОРы, сегодня определить трудно.

Впрочем, в процессе делового общения накапливаются определенные претензии и к китайской стороне. Так, попав под санкции, многие российские нефтяные компании обратились к Китаю за кредитами, но тут выяснилось, что процентные ставки у Китая выше, чем у западных банков, и наши надежды на режим благоприятствования не оправдались.

Непростые переговоры ведутся по строительству нефтепровода «Сила Сибири 2» (через Алтай): в Китай уже пришел газ из Центральной Азии, и его цена служит для него ориентиром. Для нас же Китай остается крупнейшим и фактически монопольным потребителем российского газа в Азии: чтобы найти других потребителей, нужно тянуть газопровод до побережья Тихого океана, что требует огромных дополнительных затрат.

Очевидно, китайская сторона могла бы предъявить нам еще больший набор претензий. Она могла бы также привести множество аргументов в свое оправдание. Например, она может сказать, что китайские банки были вынуждены поднять процентные ставки, поскольку экономическое положение России в тот момент выглядело менее стабильным и, значит, риски по кредитам возросли. Но факт остается фактом: в углублении двустороннего сотрудничества налицо известные успехи, но они могли бы быть более значительными. Это означает, что на наших отношениях сказывается фактор недоверия. Нам нужно полнее учитывать интересы друг друга, находить компромиссы.

Ныне, когда Россия оказалась в изоляции от Запада, часть специалистов и экспертов полагает, что в экономических вопросах Китай как стратегический партнер мог бы сделать ей кое-какие уступки.

Однако Китай четко различает политические и экономические отношения, и в экономических связях действует по законам рынка, а в отсутствие рынка пользуется преимуществами монополиста в соответствии со своими национально-государственными интересами. Никакие послабления со стороны Китая не помогут нам, если мы сами себе не поможем, подняв собственную экономику, о чем не устают говорить ведущие российские эксперты.

О роли ШОС в сопряжении Нового Шелкового пути (НШП) и ЕАЭС

Е.А. Сафронова, ведущий научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН, кандидат экономических наук:

Вероятность превращения Шанхайской организации сотрудничества в механизм сопряжения ЕАЭС и «Нового Шелкового пути (НШП)» в экспертном сообществе может оцениваться совершенно по-разному, но поскольку задача придания ШОС роли «удобной площадки для сопряжения» была артикулирована на высшем российском и китайском уровне, она требует рассмотрения.

Через ШОС, или без нее России необходим реальный режим сопряжения ЕАЭС и НШП как минимум потому, что если члены ЕАЭС будут поставлены перед прямым выбором «активность в НШП» или «активность в ЕАЭС», то этот выбор наверняка будет сделан не в пользу Евразийского союза. Предложив новые проекты с хорошим бюджетом, КНР может мотивировать страны-члены сузить их лояльность ЕАЭС. РФ надо это учитывать, чтобы не остаться в союзе пусть не де-юре, но де-факто в одиночестве. В контексте упреждения такого риска весьма позитивно то, что Россия уже немало сделала на пути сочетания ее собственной экономики с проектом «пояса и пути».

ШОС обладает качествами как благоприятствующими выполнению задачи сопряжения, так и препятствующими ему. Она имеет 15-летний стаж институционализированной организации; ныне ШОС — признанное международно-дипломатическое формирование с большим опытом работы с многосторонними международными структурами хотя бы на уровне официальных деклараций (ООН, ЕС и др.). Кроме того, семь стран ШОС — участники НШП, а три — еще и члены ЕАЭС. А главное — ШОС во многом

опирается на политический авторитет и экономическую мощь КНР, которая дорожит Организацией — своим детищем, первой и единственной международной региональной структурой, целенаправленно созданной для обеспечения китайских политико-экономических интересов в режиме «оп-line», где Китай играет роль естественного лидера.

Любой явный неуспех ШОС, включая провал искомого верхами сопряжения с Евразийским союзом, может нанести ущерб имиджу КНР, который особенно нежелателен в свете генеральной идеологии «возрождения китайской нации». Думается, что Пекин скорее пойдет на дополнительные и немалые финансовые издержки, нежели позволит снизить с таким трудом достигнутый международный авторитет ШОС.

Выполнению названной задачи препятствует лабильность целевого назначения ШОС. Шанхайская группа создавалась для решения территориально-пограничных вопросов, после ее ключевой задачей стала борьба с «тремя злами», далее на щит были подняты вопросы экономического взаимодействия, а ныне — противодействие экстремизму. Функциональная неопределенность не добавляет эффективности ни одной международной структуре, как и несостоятельность *коллективного* экономического взаимодействия, которая тоже имеет место.

Экономическая жизнь в ШОС идет по двусторонним каналам, и Китай часто «приписывает» достижения его двустороннего сотрудничества успехам всей Организации. Это имеет немалое пафосно-имиджевое значение. А по сути КНР сама предпочитает действовать в диалоговом режиме, ибо он позволяет вести дела так, как Китай считает нужным, причем без оглядки на настроения третьих стран-партнеров по ШОС.

Однако долголетие многосторонней организации все-таки зависит от успехов коллективного уровня. Отсюда встает вопрос о мере соотношения в ШОС роли двустороннего и коллективного взаимодействия, внутреннего строительства и внешних связей. Поиск меры — сама по себе сложнейшая, даже философская задача. Незрелость ШОС проявляется в неэффективности сочетания двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества, а нахождение такой меры есть признак не только зрелости, но и «эталонности» международной структуры.

Чревато рисками и само расширение ШОС: индийско-пакистанские противоречия, привнесенные на «шосовскую» почву, повышают конфликтогенный потенциал Организации. А турбулентной структуре всегда труднее налаживать связи с внешними контрагентами (в данном случае — с ЕАЭС), хотя бы ввиду повышенной сложности внутренних согласований, усугубленной принципом консенсуса.

Однако специфика текущего этапа такова, что сейчас обстановка в ШОС благоприятствует российским интересам: ныне в качестве основной выступает политико-безопасносберегающая функция Организации. Растут угрозы со стороны международного терроризма, а главное — все правящие режимы стран ШОС заинтересованы в своей неизблемости, им не нужны «цветные революции», и то, чего они хотят — стабильность внутри и по периметрам их стран. Кроме того, Китай нуждается в неуязвимости его многомиллиардных вложений в страны Центральной Азии. И в этой ситуации Россия как обладатель сравнительного преимущества в виде великого опыта оборонной работы, оказывается в особом положении, не уступающем по *политической* весомости позициям КНР. А поскольку РФ в обозримом будущем не составит Китаю *экономическую* конкуренцию ни в ШОС, ни в Азии в целом, ей надо искать не только и не столько экономические пути сопряжения ЕАЭС с НШП.

РФ могла бы войти в режим сопряжения, взяв на себя охранные функции НШП (конкретнее — ЭПШП) хотя бы на территории ЕАЭС, и — в силу перекрестного членства в двух организациях Казахстана и Киргизии, — частично в пределах ШОС. Поскольку у стран-членов ЕАЭС/ШОС еще сохраняются «наработки» общей военной истории, создание объединенного командования сил охраны при нынешнем составе

ЕАЭС представляется более выполнимой задачей, нежели создание аналогичной структуры для всего «пояса».

Роль ШОС в сопряжении могла бы быть реализована и на пути придания Организации функции «департамента» ЭПШП. «Экономический пояс» (как и НШП в целом) не имеет своего бюрократического аппарата, наличие которого считается чуть ли не главным признаком институализации международной структуры. В плане выработки текстов полезных документов ШОС не беспомощна: из под пера ее экспертов выходят весьма грамотные, юридически фундированные материалы. Поэтому она, видимо, могла бы заняться нормативно-документарным обеспечением деятельности по меньшей мере ЭПШП, шире задействовав экспертный потенциал стран-«перекрестных» членов ШОС/ЕАЭС.

Думается, что по вектору «ШОС-НШП» уже действует фактор сопряжения. У обоих проектов — единый главный «спонсор», а реалии мировой экономики таковы, что начинания, «повязанные» общими деньгами, по принципу сообщающихся сосудов демонстрируют особую зависимость друг от друга. В силу этого вплетение ШОС в ткань «пояса» видится залогом не просто долголетия, но и благосостояния Организации, ибо при всей своей мощной ресурсной базе Китай вряд ли сможет адекватно обеспечивать потребности двух проектов как автономных друг от друга «организмов». Поэтому их сопряжение — не только дело престижа КНР, но и необходимость. И России следует использовать это обстоятельство.

Реализация проекта «Экономического пояса Шелкового пути» как механизма геополитики КНР в постсоветских странах

А. Ч. Мокрецкий, старший научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН:

2017 — юбилейный год для стран СНГ и КНР. Ровно 25 лет назад постсоветские страны одна за другой установили дипломатические отношения с Китаем. Спустя четверть века Пекин, максимально заинтересованный в реализации собственных задач (особенно через мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути»), комплексно осваивает регион, увязывает собственное развитие с развитием каждой из этих стран. Очевидно, что заинтересованность Китая в государствах, граничащих с его важным партнером — Российской Федерацией — не ослабевает, а многогранно увеличивается. Поэтому изучение влияния китайского фактора на бывшие государства СССР представляет научный и практический интерес.

Страны региона считают китайское направление одним из приоритетных в своей внешней политике и международной торговле. Они подтверждают приверженность политике одного Китая по вопросам Тайваня, Тибета и Синьцзяна. В ответ на это КНР избегает вовлечения в региональные конфликты (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Крым, Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика), призывая к решению территориальных споров и региональных конфликтов путем политических консультаций и дипломатических переговоров согласно Уставу ООН и международному праву. В частности, Китай подтверждает «содействие... в урегулировании карабахского вопроса исключительно мирным путем», а также призывает обе стороны проявить «сдержанность» и «спокойствие».

Пекин внимательно следит за развитием украинского кризиса, придерживаясь позиции «справедливости и объективности». В прессе появляются комментарии о том, что «все политические силы Украины должны... достичь единства по продвижению внутренних реформ и всестороннему выполнению Минских договоренностей». Вместе с тем, подчеркивается важность поддержки со стороны международного сообщества.

Наблюдается динамика политических контактов на высоком и высшем уровнях. Форум «пояса и пути» в Пекине посетил Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, нахо-

дившийся с государственным визитом в КНР 13–16 мая 2017 г., были представители Азербайджана, Армении, Грузии, Молдовы и Украины.

Каждая из постсоветских стран надеется стать важным транзитным элементом в инициативе «поояса и пути» и извлечь выгоду из собственного географического положения. В частности, А.Г. Лукашенко неоднократно заявлял об «интеграции интеграций»: Белоруссия как «страна, открытая всем геополитическим и экономическим ветрам» должна «стать одной из узловых платформ нового Шелкового пути в Евразийском регионе». В этих целях им ставится амбициозная задача ежегодного привлечения в каждую область Республики не менее 100 млн долл. прямых китайских инвестиций.

Украина продвигает проект Транскаспийского транспортного пути в обход России. Экспериментальный контейнеровоз с украинскими товарами был запущен в январе 2016 г., пройдя от станции Изов на границе Украины и Польши до станции Достык на границе Казахстана и КНР. При этом Китай положительно оценил данную инициативу Киева.

Китайская сторона внимательно присматривается к инфраструктурным проектам в странах Закавказья: строительству порта Алят в Азербайджане, железнодорожных магистралей Иран — Армения, Баку — Тбилиси — Карс, проекту реабилитации аэродрома в регионе Гурия, развитию Потийской свободной индустриальной зоны в Грузии, автомобильным дорогам «Север-Юг» в Армении.

Отдельно следует выделить проблему **финансово-экономической кооперации**. Пристальное внимание уделяется *торгово-экономической кооперации* на двустороннем уровне. Китай продолжает проводить жесткий курс, создает асимметричные модели кооперации, формируя пассивный баланс торговых отношений с постсоветскими государствами, широко использует географическое положение этих стран как экономических и логистических плацдармов для европейского рынка, предоставляет кредиты под конкретные проекты и гранты для реализации совместных программ (кредитную линию на сумму около 15 млрд долл. для Белоруссии, 200 машин «Скорой помощи» Армении стоимостью 9,8 млн долл., 23,5 тыс. новых компьютеров украинским школам и оборудование для трех лингафонных кабинетов в Киевской гимназии восточных языков № 1).

Примечательно, что КНР активно стремится к созданию сети зон свободной торговли в постсоветских странах. Так, Грузия является первым государством в Закавказье, с которым Китай оформил соглашение о ЗСТ. Подписание состоялось на Форуме «поояса и пути» 15 мая 2017 г. Вице-премьер, министр экономики Молдовы О. Калмык, выступая на форуме, также заявил о скором подписании подобного соглашения. Поступает информация о том, что Китай заинтересован в создании ЗСТ с Украиной и Азербайджаном.

Расширяется *финансовое сотрудничество*. В странах бывшего СССР Китай открывает новые банки (банк для развития Грузии с основным капиталом 1 млрд долл.) или приобретает их (покупка на аукционе 99,9% акций Украинского банка реконструкции и развития). Кроме того, Пекин активно скупает облигации: более 7 млрд долл. направлены на проекты в сельскохозяйственную, энергетическую, инфраструктурную и другие сферы на Украине.

Китай продолжает проводить глубоко эшелонированную, «хладнокровную и сдержанную экспансию» в постсоветские страны, активно используя ресурсы «поояса и пути» и его составляющей — ЭПШП. Вместе с тем, поддерживаемый элитой этих государств мегапроект «поояс и путь» вызывает беспокойство среди простого населения. Происходят уличные манифестации в Грузии (конфликт во время строительства железнодорожного тоннеля), молдавские экологи высказывают опасения по поводу возведения в Молдове атомной электростанции, а жители Белоруссии возмущены строительством китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень», поскольку считают его неким «чайна тауном».

В то же время Пекин внимательно отслеживает реакцию на свои действия в странах-партнерах и старается принимать оперативные меры по разрешению возникающих конфликтов.

Таким образом, влияние китайского фактора на постсоветские страны в ходе реализации инициативы «один пояс, один путь» впредь потребует подробного, постоянного анализа, в том числе в интересах прогнозирования российско-китайских отношений.

Проблемы взаимодействия двух стран в транспортно-инфраструктурной области

С.Л. Сазонов, старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая (ЦСЭИК) ИДВ РАН, кандидат экономических наук:

На фоне создания китайских альтернативных маршрутов транзитных перевозок в направлении Азия — Европа российскому руководству необходимо отказаться от упования на мифические географические, транспортные и иные преимущества, которые способны автоматически гарантировать РФ место среди стран, обеспечивающих наполняемость своих транспортных сетей евроазиатским транзитным потоком грузов. Воспользовавшись нашей затянувшейся выжидательной позицией по вопросу развития дальневосточной транспортной инфраструктуры, Китай и другие морские державы АТР уже практически выдавили Россию с рынка евразийского грузового транзита.

В стратегическом плане китайский фактор доминирования на рынке морского евразийского транзита может иметь негативные последствия для планов превращения транспортной системы РФ в значимое звено транзитных перевозок по маршруту Европа — АТР.

При отсутствии конкурентоспособной транспортной сети стремление России внедриться в глобальную транзитную инфраструктурную интеграцию сводится к минимуму. Ожидать того, что страны АТР одновременно захотят воспользоваться российским маршрутом для перевозки своих товаров в Европу, а китайские морские перевозчики и страны Центральной и Южной Азии «добровольно отдадут» весомую часть своего транзитного грузопотока России, крайне нереалистично.

Реализация конкретных предложений по развитию транспортной системы Дальневосточного федерального округа (ДФО) РФ и формированию новых конфигураций совместной российско-китайской приграничной инфраструктурной интеграции позволит увеличить уровень надежности транспортного сообщения между РФ и КНР, заинтересовать и побудить Китай к транзиту грузов из стран АТР в Европу через территорию РФ по российским маршрутам. Если Россия с помощью Китая сумеет обеспечить повышение пропускной способности восточного полигона Транссиба и дальневосточных портов, то у нее появится наиболее реальный шанс превратить ДФО РФ в значимое звено транзитных перевозок из Северо-Восточного Китая (СВК) в страны АСЕАН. Наличие такого ключевого азиатского партнера как КНР в этом стратегически важном проекте может оказаться самым ценным преимуществом.

России необходима долгосрочная стратегия присутствия в АТР, опирающаяся на интегрированное объединение российской транспортной системы с инфраструктурной сетью КНР, являющейся ключевым звеном евразийского транзита и способной обеспечить органичное встраивание российской транспортной сети в евразийскую транзитную инфраструктуру. Следует реализовывать совместные инфраструктурные проекты и определять оптимальные варианты встраивания приграничного российско-китайского транспортного взаимодействия в складывающуюся парадигму евразийской инфраструктурной интеграции, от возможности присоединения к которой и использования ее синергетического эффекта потенциальную выгоду смогут получить все участники евроазиатского транзитно-транспортного проекта.

Сегодня транспортная инфраструктура СВК в направлении российской границы до основных железнодорожных пунктов пропуска в значительной степени недогружена. Поэтому, первоочередная задача заключается в коренной модернизации транспортного

комплекса ДФО РФ с учетом характера перспективных грузопотоков и переводе на плечо участка ДВЖД Забайкальск/Гродеково — тихоокеанские порты РФ существенной части грузов, произведенных в северо-восточных и центральных провинциях КНР для последующей их транспортировки в Европу и восточные порты КНР.

Поскольку сегодня пропускные возможности Транссибирской магистрали ограничены, то часть этого транзитного грузопотока может быть переключена на китайские железнодорожные магистрали, идущие в направлении российского Дальнего Востока. Потенциальная величина транзитного транспортного грузопотока из центральных и северо-западных провинций КНР превышает 45 млн т, что может увеличить грузооборот портов за счет возросшего объема транзитных грузов в 1,5 раза. Резкое повышение транзитных перевозок по восточному полигону Транссиба к морским портам Приморья станет не только мощным импульсом развития региональной инфраструктурной интеграции и примером сопряжения инициативы ЭПШП и приоритета развития ДФО, но и значительным вкладом в развитие экономики субъектов ДФО и провинций СВК.

Главным условием успешного развития транзитных транспортных коридоров на территории РФ является изменение основных параметров перевозки транзитных грузов. Следует сокращать сроки прохождения транзитных грузов через пограничные КПП до 5–4 часов, снижать время перевалки в приморских портах с нынешних 25 часов до 10 часов, добиваться уменьшения как минимум на 50% величины тарифов на транспортировку транзитных грузов железнодорожным и автомобильным транспортом.

При выполнении этих условий сроки и цена перевозки транзитных грузов по российской территории станут крайне привлекательными для китайских и других азиатских грузооператоров и, совершенно очевидно, будут генерировать ощутимый конвертируемый результат. По мнению главы Минвостокразвития А. Галушки, развитие международных транспортных коридоров в Приморском крае обеспечит потенциальный прирост ВВП РФ в размере 29 млрд руб., а налогов и сборов — до 5,7 млрд руб. ежегодно.

© 2017

*Подготовил А.С. Исаев, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН*

Политика

Выборы президента Монголии — 2017: внешнеполитические аспекты

© 2017

В.А. Родионов, Д.И. Бураев

В статье дается аналитический обзор выборов президента Монголии, состоявшихся летом 2017 г. Фокус исследования сосредоточен на внешнеполитических аспектах избирательной кампании. Основными темами внешнеполитического характера в период выборов стали отношения с Россией, Китаем и иностранными инвесторами. Если за сближение с Россией все кандидаты выступили единодушно, то по китайской тематике развернулись самые острые дискуссии, что обусловлено комплексом существующих проблем в монголо-китайских отношениях.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Китай, выборы, президент, внешняя политика.

Летом 2017 г. в Монголии прошли седьмые в истории этой страны выборы президента. По результатам второго тура голосования победителем был признан кандидат от Демократической партии (ДП) Халтмаагийн Баттулга, набравший 50,61%. Миеэгомбын Энхболд, кандидат от правящей Монгольской народной партии (МНП) и основной соперник Баттулги, набрал 41,16%¹. В первом туре голосования, не выявившем победителя, кандидатом в президенты также являлся выдвигенец Монгольской народно-революционной партии (МНРП) Сайнхуугийн Ганбаатар. Как в ходе самой избирательной кампании, так и по ее итогам одной из наиболее обсуждаемых тем стал вопрос о внешнеполитических последствиях выборов главы монгольского государства. Подобный интерес к данной теме был продиктован рядом обстоятельств.

Во-первых, согласно конституции Монголии, президент является главой государства, представляет страну на международной арене и по согласованию с парламентом заключает международные договоры, назначает и отзывает глав монгольских посольств в зарубежных странах, является главнокомандующим вооруженными силами страны, возглавляет Совет национальной безопасности². Иными словами, институт президента Мон-

Родионов Владимир Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ).
E-mail: vladimir_198025@mail.ru.

Бураев Дмитрий Игнатьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ).
E-mail: dburaev58@yandex.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-27-03001 «Внешние факторы политического процесса в современной Монголии».

голии играет важную роль в деле определения основ внешнеполитического курса страны. Ярким примером этому является деятельность предшественника Х. Баттулги на посту президента Монголии Цахиагийн Элбэгдоржа. За 8 лет своего президентства (2009–2017 гг.) Ц. Элбэгдорж выступил инициатором таких значимых внешнеполитических шагов, как вступление Монголии в ОБСЕ, подключение к индивидуальной партнерской программе НАТО, создание трехстороннего формата переговоров между главами России, Монголии и Китая по вопросу о развитии экономических коридоров, выдвижение законопроекта о придании Монголии статуса постоянного нейтралитета. Все это сделало Ц. Элбэгдоржа одним из самых узнаваемых монгольских политиков на международной арене.

Во-вторых, Монголия, расположенная между двумя великими державами, Россией и Китаем, является объектом геополитических интересов таких международных игроков, как США, Япония, Республика Корея, Индия, ЕС, Турция. Если в социалистический период монгольской истории Улан-Батор ориентировался исключительно на Москву, то в начале 1990-х годов основой его внешней политики стала стратегия многоопорности. На практике это означает развитие Монголией тесных партнерских отношений как с двумя географическими соседями, так и с рядом внерегиональных держав, именуемых «третьим соседом»³. Данные обстоятельства создают ситуацию конкуренции между основными региональными игроками за влияние на Монголию.

В-третьих, экономическая модель Монголии, основывающаяся на экспорте полезных ископаемых (главным образом, в Китай), предполагает активное привлечение иностранных инвесторов к разработке крупных месторождений угля, меди, золота, железной руды и др. Так, значительный приток иностранных инвестиций в горнорудный сектор Монголии обеспечил ей в 2011 г. рекордные показатели экономического роста, составившего 17,3%⁴. В связи с этим вопрос о возможных политических изменениях по итогам президентских выборов в Монголии был далеко не праздным для стран, чьи компании присутствуют на монгольском рынке полезных ископаемых.

Если судить по официальным предвыборным программам, то все три кандидата выступили за сохранение основ внешней политики Монголии, опирающейся на дружественные и сбалансированные отношения с Россией, Китаем и «третьим соседом»⁵. В то же время анализ других агитационных материалов и действий кандидатов показывает, что далеко не по всем внешнеполитическим аспектам можно было наблюдать единодушие и согласие. Основной фокус предвыборных дискуссий, касающихся отношений Монголии с внешним миром, свелся к трем аспектам: отношения с Россией, Китаем и иностранными инвесторами.

Вопрос об отношениях с Россией является одним из традиционных в общественно-политическом дискурсе Монголии. Наличие протяженной границы и целого комплекса связей политического, социально-экономического и гуманитарного характера объективно делают Россию одним из важнейших внешних партнеров Монголии. В то же время тенденция к снижению российского экономического присутствия в Монголии и общее ослабление связей с северным соседом не может не беспокоить монгольскую общественность. Если в начале 1990-х годов доля России во внешней торговле с Монголией составляла порядка 80%, то по итогам последних лет упала до 13–15%⁶. Продажа госкорпорацией «Ростех» летом 2016 г. своей доли в двух крупных совместных предприятиях «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет» лишь подтвердила негативную для России тенденцию⁷.

Не случайно, что в ходе данной избирательной кампании все три кандидата выдвинули тезис о необходимости активизировать отношения с Россией. В частности, М. Энхболд в одном из своих интервью указал на то, что российско-монгольские отношения «находятся на уровне, который далеко не соответствует потенциалу наших стран и стратегической значимости связей России и Монголии в современном мире... необходимо подтянуть наше экономическое сотрудничество»⁸. Подобные высказывания из уст председателя МНП были вполне ожидаемы и предсказуемы. Именно МНП имеет согла-

шение о сотрудничестве с партией «Единая Россия» и по традиции ассоциируется с наиболее лояльной России политической силой в Монголии. С. Ганбаатар, также активно работавший за сближение с северным соседом, в ходе предвыборных теледебатов подверг критике самого М. Энхболда, как председателя правящей партии, «за пренебрежение отношениями с вечным другом и партнером Россией»⁹.

Но, пожалуй, самым активным сторонником улучшения отношений с Россией многим виделся Х. Баттулга. Во-первых, он был в числе тех монгольских политиков, которые открыто поддержали воссоединение Крыма с Россией весной 2014 г.¹⁰ Во-вторых, важной частью его предвыборной программы стал тезис о необходимости увеличения торгово-экономических связей с Россией как условия укрепления национальной безопасности страны¹¹. На странице агитационной газеты ДП «Ардчилал» крупным планом была размещена фотография с рукопожатием Х. Баттулги и В.В. Путина. Фактом, символически объединяющим Х. Баттулгу с российским президентом, является его увлечение дзюдо. Также немаловажными обстоятельствами, маркирующими Х. Баттулгу в качестве пророссийского политика, многими назывались его владение русским языком и слухи о наличии русской жены.

Подобная комплиментарная по отношению к России позиция Х. Баттулги стала крайне необычной для кандидата от ДП. Эта партия традиционно позиционируется в качестве прозападной политической силы, рассматривающей в качестве приоритета отношения с США и их союзниками. В ходе избирательной кампании в парламент страны в 1996 г. «Фонд Конрада Аденауэра» и «Международный республиканский институт» организационно и финансово поддержали монгольских демократов¹². Предшественник Х. Баттулги на посту президента Ц. Элбэгдорж, также являющийся выдвинутым от ДП, имеет устойчивый образ прозападного политика, активно поддерживаемого политическим и экспертным сообществом США и стран ЕС.

Обстоятельством, объясняющим подобное единодушие кандидатов в отношении России, является ее устойчиво позитивный образ среди большей части населения Монголии. По данным социологических опросов монгольского фонда «Сант Марал», Россия с большим отрывом лидирует среди стран, названных наиболее желательными внешними партнерами (табл. 1).

Таблица 1

Какая из стран является лучшим партнером для Монголии? (%)

Годы	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Россия	51,9	Нет данных	51,1	53,3	59,0	61,1	66,6
Китай	2,0	Нет данных	0,7	1,2	1,3	1,6	0,6
США	9,1	Нет данных	8,2	7,6	6,5	6,8	6,5
Япония	6,1	Нет данных	7,0	4,8	7,0	6,3	7,3
Республика Корея	2,3	Нет данных	1,2	1,9	0,7	1,6	0,9

Источник: Составлено по данным: Sant Maral Foundation.

URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications>

Конечно, подобный позитивный образ России обусловлен исторически дружественным характером российско-монгольских отношений и отсутствием каких-либо острых конфликтов и противоречий между странами на современном этапе. Однако наряду с этими обстоятельствами не последнюю роль здесь играет фактор отношений с другими внешними партнерами Монголии.

Не менее часто поднимаемой в ходе предвыборной кампании темой были отношения с иностранными инвесторами, вовлеченными в горнорудную отрасль страны. Несмотря на имеющиеся для национальной экономики выгоды от привлечения зарубежных инвестиций, в монгольском обществе присутствует устойчиво негативное отношение

к преобладанию в добывающей сфере иностранцев. В 2015 г. фонд «Сант Марал» в ответ на соответствующий вопрос о том, кто должен заниматься разработкой крупных месторождений полезных ископаемых Монголии, получил следующие результаты (табл.2).

Таблица 2

Кто должен заниматься разработкой месторождений полезных ископаемых на территории страны?

Варианты ответов	%
Только монгольские компании	21,7
51% должен быть за монгольскими компаниями	61,8
В равной степени монгольские и иностранные компании	10,4
51% должен быть за иностранными компаниями	0,5
Только иностранные компании	0,2
Нет ответа	4,9
Не знаю	0,6

Источник: Составлено по данным: Sant Maral Foundation.

URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications>

В свою очередь, иностранные инвесторы также обеспокоены высоким уровнем «ресурсного национализма» в Монголии, а также отсутствием политической стабильности и преемственности в работе органов государственной власти. На состоявшемся в сентябре 2016 г. в Улан-Баторе международном форуме «Invest Mongolia» одним из основных лейтмотивов выступлений иностранных гостей был вопрос о возвращении доверия монгольской стороне как ответственному экономическому партнеру. Посол Австралии в Монголии Д. Лангтри выступил за ответственность со стороны монгольского правительства, включая защиту прав инвесторов. По мнению японского посла Т. Симидзу, «из-за того, что Монголия не смогла следовать инвестиционному договору, она лишилась иностранных инвестиций. Помимо того, сильное вмешательство членов правительства и ВГХ также негативно влияет на инвестирование»¹³.

Фигура М. Энхболда, как председателя имеющей парламентское большинство МНП, была призвана символизировать стабильность и преемственность властных решений для иностранных инвесторов. Не случайно, что именно кандидат от МНП рисовался многими зарубежными СМИ как наиболее желанная фигура на посту президента Монголии¹⁴. В свою очередь кандидат от МНРП С. Ганбаатар, будучи известным противником инвестиционного соглашения с австрало-британской корпорацией RioTinto по разработке крупнейшего медного месторождения Оюу Толгой, основной акцент в своей предвыборной программе сделал на теме «справедливых отношений монголов и иностранных инвесторов»¹⁵. Тема приоритета интересов монголов красной нитью прошла и через агитационную кампанию Х. Баттулги, основным лозунгом которого стал «Монголия победит!»¹⁶. Сам Х. Баттулга позиционировался в качестве национально ориентированного бизнесмена, чьи компании не связаны с иностранными партнерами. В его предвыборной программе несколько раз отдельно упоминалась экономическая независимость Монголии как один из главных приоритетов, что некоторыми экспертами было расценено как негативный сигнал для иностранных инвесторов¹⁶.

Среди зарубежных государств одним из наиболее заинтересованных в исходе президентских выборов в Монголии был Китай. Именно КНР на протяжении двух последних десятилетий является главным внешнеторговым партнером Монголии. По итогам 2015 г. китайская доля в монгольской внешней торговле равнялась 62,6%¹⁷. Доля КНР в иностранных инвестициях в монгольскую экономику также составляет более 50%¹⁸. В связи с этим основной интерес китайской стороны заключался в том, чтобы

была обеспечена политическая стабильность в Монголии и тем самым сохранился благоприятный инвестиционный климат в стране. Хотя официально Пекин придерживался подчеркнуто нейтральной позиции, победа М. Энхболда должна была стать наиболее приемлемым вариантом для него.

Китайская тематика фигурировала в ходе предвыборной кампании в крайне конфликтной форме. Несмотря на высокую степень значимости для монгольской экономики отношений с южным соседом, именно Китай и китайцы имеют наиболее негативный образ среди населения страны, что объясняется как историческими, так и текущими причинами¹⁹. Можно сказать, что китаефобия является одной из неотъемлемых составляющих политической культуры современной Монголии. Именно поэтому использование антикитайской риторики в монгольском политическом процессе — вещь весьма распространенная и действенная. Последние выборы не стали исключением из правил.

Центральной частью кампании Х. Баттулга, касающейся внешнеполитических проблем, стала тема китайской угрозы. Еще будучи членом правительства и парламента, Х. Баттулга стал известен как активный противник строительства узкоколейных железных дорог (китайский стандарт) от крупнейшего монгольского месторождения угля Таван Толгой до китайской границы. Свою позицию он аргументировал тем, что китайский стандарт железных дорог позволит бесконтрольно вывозить полезные ископаемые из Монголии в Китай и даже облегчит военное вторжение китайских войск²⁰.

Дополнительный импульс антикитайским настроениям придал визит в Монголию в ноябре 2016 г. Далай-ламы XIV. Пекин, подвергнув монгольские власти жесточайшей критике за выдачу въездной визы Далай-ламе, заставил Улан-Батор принести извинения и дать обязательства впредь не принимать тибетского иерарха²¹. Х. Баттулга, со своей стороны, осудил правительство за подобную «пораженческую позицию» и в одном из своих интервью дал понять, что вопрос о визитах Далай-ламы в Монголию является исключительной прерогативой монгольской стороны, и китайская сторона не должна пытаться оказывать давление на Улан-Батор²². В результате именно за кандидатом от ДП закрепился устойчивый образ «главного противника китайской экспансии и защитника национальных интересов монголов».

Помимо прочего, в ходе кампании активно использовались «обвинения» оппонента в симпатиях к Китаю и наличии у него китайских корней²³. Китайская карта использовалась и против самого Х. Баттулга, уличенного в связях с сингапурским бизнесменом китайского происхождения Билли Лимом²⁴. Все вышперечисленное не могло не вызвать крайне настороженные настроения в Пекине.

* * *

Победа Х. Баттулга породила различные прогнозы по поводу дальнейшего развития отношений Монголии с внешним миром. Его предвыборная риторика стала рассматриваться в качестве фактора возможного ухудшения монголо-китайских отношений и сближения Улан-Батора и Москвы. В то же время необходимо понимать, что даже если недавно избранный президент попытается исполнить свои предвыборные обещания, кардинальных перемен во внешней политике ожидать проблематично. Монголия остается парламентской республикой, где основная роль отводится законодательной ветви власти и формируемому ей правительству. Фигура президента не столь велика в системе принятия ключевых внешнеэкономических решений, и многие инициативы Х. Баттулга могут разбиться о стену противодействия со стороны оппозиционного ему парламента и правительства.

1. Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн 2017 оны сонгуулийн 2 дахь санал хураалтын дүн: [Результаты голосования 2-го тура выборов президента Монголии 2017 г.]. URL: <http://gec.gov.mn/details/2188>
2. Монгол Улсын Үндсэн Хууль: [Конституция Монголии]. Улаанбаатар: Хууль зүйн үндэсний төв, 2009. Х. 17–20.
3. Родионов В.А., Аюшьева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический конфликт // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 125–130.
4. Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014: [Статистический сборник Монголии 2014]. Улаанбаатар: Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо, 2015. Х. 217.
5. Ардчилсан Намаас нэр дэвшигч Х.Баттулгын мөрийн хөтөлбөр: [Программа кандидата от Демократической партии Х. Баттулги]. URL: <http://gec.gov.mn/details/2137>; Монгол Ардын Хувьсгалт Намаас нэр дэвшигч С.Ганбаатарын мөрийн хөтөлбөр: [Программа кандидата от Монгольской народно-революционной партии С. Ганбаатара]. URL: <http://gec.gov.mn/details/2138>; Монгол Ардын Намаас нэр дэвшигч М.Энхболдын мөрийн хөтөлбөр: [Программа кандидата от Монгольской народной партии М. Энхболда]. URL: <http://gec.gov.mn/details/2136>
6. Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2015: [Статистический сборник Монголии 2015]. Улаанбаатар: Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо, 2016. Х. 286.
7. «Ростех» продаст Монголии доли в двух СП. URL: <http://www.interfax.ru/business/515708>
8. Интервью с кандидатом в президенты Монголии М. Энхболдом. URL: http://www.mongolnow.com/enchbold-ard-15_06.html
9. Закончились теледебаты кандидатов в президенты Монголии. 24.06.2017. URL: http://www.mongolnow.com/tele-deb-24_06.html
10. Халтмаа Баттулга: «Монголия поддерживает итоги референдума в Крыму». URL: <http://www.firstnews.ru/opinions/655756/>
11. Ардчилсан Намаас нэр дэвшигч Х. Баттулгын мөрийн хөтөлбөр: [Программа кандидата от Демократической партии Х. Баттулги]. URL: <http://gec.gov.mn/details/2137>
12. *Chuluunbaatar G.* Problems of the contemporary socio-political transformation in Mongolia. Ulaanbaatar: Institute of Philosophy, Sociology and Law Mongolian Academy of Sciences. 2007. P. 14.
13. Монгол Улсхөрөнгө оруулагчийн төлөөюу хийжчада хаатодор хойлох хэрэгтэй: [Монголия должна четко определить, что она сможет сделать для инвесторов]. URL: <http://itoim.mn/index.php/site/news/6299>
14. *Bikales W.* Mongolia's Economic Choice. URL: <https://www.wsj.com/articles/mongolias-economic-choice-1499186721>; Mongolians fret over China investment as they prepare to vote. URL: <http://www.reuters.com/article/us-mongolia-election-china/mongolians-fret-over-china-investment-as-they-prepare-to-vote-idUSKBK№19F0S6>
15. Монгол Ардын Хувьсгалт Намаас нэр дэвшигч С. Ганбаатарын мөрийн хөтөлбөр: [Программа кандидата от Монгольской народно-революционной партии С. Ганбаатара]. URL: <http://gec.gov.mn/details/2138>
16. Н. Дашзэвэг: «Х. Баттулга устрашает иностранных инвесторов». URL: http://www.mongolnow.com/ustr-inv-3_07.html
17. Монголын улсын статистикийн эмхтгэл 2015: [Статистический сборник Монголии 2015]. Улаанбаатар: Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо, 2016. Х. 286.
18. Invest Mongolia Agency. URL: http://investmongolia.gov.mn/ru/?page_id=686
19. Об этом см., например: *Терентьев В.И.* Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 152–157.
20. Төмөр замын дайн: [Железнодорожная война] // Өнөөдөр: [Сегодня]. 26.07.2014.
21. Mongolia not to allow future visit by Dalai Lama. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1024836.shtml>
22. «Х. Баттулга: Би Хятадын эсрэг үзэлтэн биш. Харин...»: [Х. Баттулга: Я не против Китая, но...]. URL: <http://itoim.mn/index.php/site/news/10541>
23. Х. Баттулгын ялалт хийгээд М. Энхболдын ялагдлын шалтгаан: [Причины победы Х. Баттулги и поражения М. Энхболда]. URL: <http://www.photonews.mn/post/26694.html>
24. 60 тэрбум, Билли Лим, 50 сая вон: [60 миллиардов, Билли Лим, 50 млн вон]. URL: <https://www.news.mn/?id=3131>

О взаимоотношениях США и КНР в начальный период президентства Д. Трампа

© 2017

Д.В. Кузнецов

В статье рассмотрены взаимоотношения США и КНР в начальный период президентства Дональда Трампа. Представлен анализ изменений в риторике высказываний президента США в адрес Китая. Автор также касается «чувствительных» тем в американо-китайских отношениях — торгово-экономических противоречий, ситуации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, проблемы Тайваня, жесткой позиции США в отношении северокорейской проблемы и др. *Ключевые слова:* Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, Дональд Трамп, взаимоотношения США и КНР.

Победа на состоявшихся 8 ноября 2016 г. президентских выборах в США Дональда Дж. Трампа вызвала беспрецедентный по своим масштабам резонанс в мире. Несистемность Д. Трампа, брошенный им вызов всему американскому (и не только) политическому истеблишменту, а также его желание осуществить серьезную перестройку в сфере внутренней и внешней политики США — все это, безусловно, вызывает необходимость получить ответы на целый ряд вопросов, в том числе касающихся отдельных направлений внешнеполитического курса США¹.

В последние годы отношения между США и КНР — крупнейшими в настоящее время в экономическом аспекте державами в мире — достигли значительного уровня развития. Между тем Д. Трамп еще на стадии предвыборной кампании постоянно заявлял о необходимости внести значительные коррективы во внешнеполитический курс США в отношении КНР. Важнейшей составляющей предвыборной риторики Д. Трампа стала критика в адрес Китая, для чего в качестве площадки широко использовалась социальная сеть для публичного обмена сообщениями *Twitter*. Согласно подсчетам, в 2016 г. Д. Трамп опубликовал более 50 так называемых твитов, содержащих критику Китая. Особый акцент был сделан на «хищнической» политике Китая в торгово-экономической области, ответом на которую, по мнению Д. Трампа, должны стать решительные меры, вплоть до введения высокой (доходящей до 45%) пошлины на китайские товары.

В начале декабря 2016 г., вскоре после избрания Д. Трампа на должность Президента США, и вовсе вспыхнул настоящий дипломатический скандал в связи с тем, что во время интервью телевизионному каналу *Fox* он внезапно подверг сомнению политику «одного Китая», заявив, что это не более чем предмет переговоров. «Я хорошо понимаю политику “одного Китая”, но не понимаю, почему мы должны ее придерживаться, если мы не договоримся с Китаем по другим вопросам, включая торговлю», — заявил Д. Трамп. 2 декабря 2016 г. он провел телефонный разговор с Цай Инвэнь, главой Тайваня. Это еще сильнее накалило атмосферу. Ситуацию усугубило сделанное Д. Трампом заявление, что не Пекину решать, с кем ему общаться. «Я не хочу, чтобы Китай диктовал мне что-либо,

Кузнецов Дмитрий Владиславович, кандидат исторических наук, доцент Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: kuznetsov_d@mail.ru.

и это был входящий звонок. Это был очень хороший звонок. Короткий. И почему другая нация может позволить себе говорить, что я не имею права принимать вызов?», — заявил Д. Трамп, отметив, что отказ от разговора был бы проявлением неуважения.

Учитывая, что Китай считает Тайвань своей территорией, которую необходимо вернуть под свой контроль, в связи с чем постоянно демонстрируется решительный настрой, подобные действия были расценены как нарушающие право Китая на Тайвань. Более того, 3 декабря 2016 г. МИД КНР выступил с заявлением: Пекин призвал Вашингтон «осмотрительно и разумно подходить к тайваньскому вопросу во избежание лишних помех в отношениях между двумя странами».

4 декабря 2016 г. Д. Трамп, используя *Twitter*, подверг критике действия Китая в экономической и военно-политической сферах, в том числе его военную активность в Южно-Китайском море: «*Did China ask us if it was OK to devalue their currency (making it hard for our companies to compete), heavily tax our products going into...their country (the U.S. doesn't tax them) or to build a massive military complex in the middle of the South China Sea? I don't think so!*» [«Спрашивал ли Китай нашего согласия на девальвацию их валюты (затрудняя для наших компаний участие в конкуренции), на высокое налогообложение нашей продукции, идущее в их страну (США не облагают китайцев налогами), или на строительство внушительного военного комплекса в центре Южно-Китайского моря? Я так не думаю». — Неофициальный перевод редакции.]

Указанные шаги, совершенные избранным президентом США, не могли не насторожить китайцев. Нервозность добавили также события, связанные с тем, что 15 декабря 2016 г. КНР захватила у США подводный беспилотный исследовательский аппарат, который был замечен в международных водах Южно-Китайского моря, в то время как океанографическое судно ВМС США «Боудич» пыталось его вернуть.

Важно подчеркнуть, что еще до прихода к власти администрации Д. Трампа, фактически еще на стадии предвыборной кампании, были обозначены ключевые «болевые точки», затрагивающие взаимоотношения США и КНР: во-первых, проблема «одного Китая»; во-вторых, спор по поводу островов в Южно-Китайском море; в-третьих, вопрос, касающийся возвращения американских предприятий непосредственно в Америку; в-четвертых, пассивный баланс в торговле США с КНР; в-пятых, антидемпинговые меры и некоторые другие негативные моменты, связанные с развитием отношений в торгово-экономической сфере. Вся совокупность этих «болевых точек», особенно в случае их сохранения на продолжительный период, безусловно, могла существенно испортить атмосферу двусторонних отношений между США и КНР.

В первые недели после вступления Д. Трампа в должность Президента США сохранялся, в первую очередь вследствие возникших ранее проблем, определенный уровень напряженности во взаимоотношениях США и КНР, который усиливался под влиянием отдельных событий.

Довольно существенный резонанс имел получивший огласку факт развертывания на Северо-Востоке Китая межконтинентальных баллистических ракет. 24 января 2017 г., через несколько дней после церемонии инаугурации Д. Трампа и спустя всего два дня после появления публикации в одном из гонконгских изданий, в *Global Times* появилась англоязычная публикация, которая привлекла всеобщее внимание. В ней говорилось, что с появлением ракет нового типа (*DF-41*) «Китай будет больше уважать». При этом авторы статьи упомянули развертывание ракет *DF-41*, имеющих дальность до 12 тыс. км, в провинции Хэйлуцзян, примыкающей к российско-китайской границе².

Симптоматично, что информация стала публичной, в первую очередь, благодаря китайским СМИ, разместившим фотографии, на которых были изображены перемещающиеся по дорогам страны колонны пусковых установок, предназначенных для таких типов ракет. Часть фотографий были сделаны в районе города Дацин. Эти действия явно носили демонстративный характер с целью показать новому руководству США в лице Д. Трампа и его администрации решительный настрой Китая. Как заявил в связи с этими действиями

известный эксперт В.Б. Кашин, «для Китая смысл размещения ракет в этом районе мог заключаться в приближении их стартовых позиций к возможным целям на Восточном побережье США и затруднении для США планирования первого удара по позициям *DF-41*: с Севера, Востока и Юго-Востока данный район Китая прикрыт от вероятного противника территориями РФ и КНДР». И далее: «Попытка уничтожить позиции *DF-41* в районе Дачина первым ударом может быть интерпретирована системой предупреждения о ракетном нападении России как атака на российскую территорию. В условиях мирового военно-политического кризиса это может повлечь за собой непредсказуемые последствия»³.

Примечательно, что ранее, 15 января 2017 г., *Global Times* высказалась достаточно жестко в связи со сделанными до этого заявлениями избранного президента США: «Дональд Трамп не будет разочарован мощностью нашего возмездия, если осмелится повредить принципу “одного Китая”»⁴.

Между тем, спустя некоторое время администрация Д. Трампа, в отличие от периода, предшествовавшего вступлению его в должность главы государства, стала демонстрировать более взвешенный подход.

Нельзя не отметить, что довольно существенный в положительном плане фон, в частности в том, что касается развития двусторонних отношений с участием США и КНР, был сделан благодаря отказу Д. Трампа от подписанного еще при Б. Обаме соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), которое создавало в регионе динамичную зону свободной торговли и инвестиций без участия КНР. Принятое уже 23 января 2017 г. администрацией Д. Трампа решение об отказе от реализации проекта Транстихоокеанского партнерства, оформленное в рамках президентского меморандума⁵, встретило положительный отклик в Китае, где данный проект расценивался не иначе как действия, осуществляемые в Азиатско-Тихоокеанском регионе в рамках политики сдерживания КНР со стороны США.

9 февраля 2017 г. состоялся телефонный разговор президента США Д. Трампа с председателем КНР Си Цзиньпином. В пресс-релизе, опубликованном на сайте Белого дома, в частности, подчеркивалось: «Президент Дональд Дж. Трамп и Президент Китая Си Цзиньпин в четверг вечером провели длительный телефонный разговор. Лидеры двух стран обсудили множество вопросов, Президент Трамп по просьбе Президента Си согласился уважать политику “одного Китая”. Представители Соединенных Штатов и Китая будут участвовать в дискуссиях и переговорах по различным вопросам, представляющим взаимный интерес. Телефонный разговор между Президентом Трампом и Президентом Си был очень сердечным, и оба лидера выразили друг другу наилучшие пожелания народам обеих стран. Они также обменялись приглашениями совершить взаимные визиты. Президент Трамп и Президент Си с нетерпением ожидают дальнейших переговоров и надеются на их весьма успешный результат»⁶.

Ранее, 8 февраля 2017 г., Президент США Д. Трамп и Председатель КНР Си Цзиньпин обменялись письмами. Си Цзиньпин поздравил своего коллегу по случаю его инаугурации. Д. Трамп поблагодарил за поздравление. Отдельно им было высказано пожелание в адрес китайского народа в связи с наступлением Нового года по восточному календарю, а также надежда на конструктивное сотрудничество в рамках развития двусторонних отношений, имеющих выгоды как для США, так и для КНР⁷.

Очевидно, что все эти шаги были направлены на улучшение отношений двух стран, а также преодоление того негативного фона, который возник после того, как произошел дипломатический скандал в связи со звонком Д. Трампа Цай Инвэнь и вследствие других событий. Заявления, сделанные в начале февраля 2017 г. Д. Трампом, фактически свидетельствовали о возврате к традиционной политике США, вписывающейся в рамки сбалансированного подхода в отношении тайваньской проблемы, которого Вашингтон придерживался на протяжении последних десятилетий начиная с 1979 г. Более того, обе стороны просигнализировали, что вопрос в рамках политики «одного Китая» решен и они могут дальше строить нормальные, основанные на прежних договоренно-

стях отношения. «Я считаю, что Соединенные Штаты и Китай являются партнерами, стремящимися к сотрудничеству, и совместными усилиями мы можем вывести двусторонние отношения на новый исторический максимум», — подчеркнул тогда в своем заявлении Си Цзиньпин⁸.

Конкретным проявлением этого подхода стали встречи с участием представителей руководства США и КНР, которые состоялись в течение чуть более одного месяца после 9 февраля 2017 г.: встреча глав внешнеполитических ведомств — Р. Тиллерсона и Ван И в Бонне; поездка в Вашингтон Ян Цзечи и его встреча с Д. Трампом; поездка в Пекин Р. Тиллерсона и его встреча с Си Цзиньпином. Значительный вклад внесли состоявшиеся еще 9 января 2017 г. встречи Д. Трампа с крупными китайскими предпринимателями (в их числе — Джек Ма, основатель и председатель совета директоров компании *Alibaba Group*), а также неформальные контакты между представителями США и КНР, ведущую роль в которых сыграли члены семьи Д. Трампа — дочь Иванка Трамп и зять Джаред Кушнер, имеющие выход на посла КНР в Вашингтоне Цуй Тянькая. Интересен тот факт, что дочь президента США Д. Трампа Иванка вместе со своей дочерью Арабеллой Роуз посетила 2 февраля 2017 г. посольство КНР в Вашингтоне по случаю празднования Нового года по восточному календарю и приняла участие в проходивших в посольстве праздничных мероприятиях.

В этом ключе можно рассматривать факт назначения, причем еще 8 декабря 2016 г., на должность посла США в Китае Терри Брэнстеда, которого *The Economist* назвал «старым другом» Си Цзиньпина, учитывая, что их первая встреча состоялась еще в 1985 г.⁹ Занимая в течение 1983–1999 и 2011–2017 гг. пост губернатора штата Айова, Т. Брэнстед приобрел значительный опыт работы с Китаем, а также с представителями руководства КНР, акцентируя свое внимание на сфере торгово-экономического сотрудничества. С 24 мая 2017 г. Терри Брэнстед приступил к своим обязанностям, а 12 июля 2017 г. им была вручена верительная грамота руководству КНР. «Я знаю Председателя Си Цзиньпина в течение многих лет и считаю его старым другом. Я с нетерпением жду, когда, опираясь на нашу многолетнюю дружбу, мы сможем развивать и укреплять отношения между нашими двумя странами, на благо нашей экономики», — заявил Терри Брэнстед в одном из своих интервью вскоре после назначения¹⁰.

Важнейшим представляется визит государственного секретаря США Р. Тиллерсона в Пекин (18–19 марта 2017 г.), который он совершил в рамках своей поездки по странам Северо-Восточной Азии (Япония, Южная Корея и Китай). Ключевой во время этого визита стала встреча Р. Тиллерсона с Си Цзиньпином, в ходе которой обсуждались текущие вопросы взаимоотношений США и КНР, а также ряд проблем международного характера, в первую очередь северокорейская ядерная программа. Во время этой встречи Си Цзиньпин заявил, что он поддерживает хорошие контакты с Д. Трампом и разделяет с ним мнение, что Китай и США вполне могут стать очень хорошими партнерами по сотрудничеству. Кроме того, Си Цзиньпин призвал следовать духу договоренностей, достигнутых между ним и Д. Трампом, усилить связи на высшем и других уровнях, расширить сотрудничество в разных сферах на двустороннем, региональном и глобальном уровнях, а также надлежащим образом регулировать и контролировать чувствительные вопросы. Китайско-американские отношения важны для двух стран и всего мира, сказал Си Цзиньпин, отметив, что обе стороны должны следовать основному направлению развития двусторонних связей, укрепить стратегическое взаимное доверие и понимание. Общие интересы Китая и США преобладают над разногласиями, и сотрудничество является единственным правильным выбором для обеих сторон, сказал Си Цзиньпин, призвав расширить сферы сотрудничества, активизировать контакты и координацию в региональных актуальных вопросах, уважать основополагающие интересы и серьезные озабоченности друг друга, поощрять и расширять связи и обмены между людьми.

Во время встречи с главой Китая Р. Тиллерсон, передавая послание Си Цзиньпину от Д. Трампа, отметил, что Президент США «высоко ценит» контакты с Председате-

лем КНР и ожидает, что встреча двух лидеров «состоится как можно раньше», и Д. Трамп готов «при случае совершить визит в Китай». В связи с вышеуказанным, в сообщении Информационного агентства Синьхуа подчеркивалось: «Госсекретарь США отметил, что Д. Трамп уделяет повышенное внимание связям с Си Цзиньпином, надеется на скорейшую встречу глав двух государств и возможность нанести визит в Китай. Американская сторона готова в духе отсутствия конфликтов и конфронтации, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества продвигать развитие отношений с Китаем, с тем чтобы непрерывно углублять взаимное понимание, укреплять двустороннюю координацию и сотрудничество, а также совместно ответить на вызовы, стоящие перед международным сообществом, сказал Р. Тиллерсон. Си Цзиньпин поручил Р. Тиллерсону передать его привет Д. Трампу и приветствовать его будущий визит в Китай»¹¹.

Таким образом, этот визит можно считать частью подготовки к встрече на высшем уровне, которая, в соответствии с существующим протоколом, должна была состояться в Пекине, учитывая то обстоятельство, что, в соответствии с правилом чередования визитов глав государств друг к другу, настал черед не Председателя КНР совершить визит в США, а Президента США совершить визит в КНР. В 2016 г. Б. Обама приезжал в Китай лишь на саммит «Большой двадцатки», выходящий за рамки двусторонних отношений.

Тем не менее 30 марта 2017 г. на сайте Белого дома было опубликовано информационное сообщение о намеченной на 6–7 апреля 2017 г. встрече Президента США Д. Трампа и Председателя КНР Си Цзиньпина в резиденции главы американского государства, расположенной в Мар-о-Лаго (Флорида, США). «Лидеры двух стран будут обсуждать глобальные, региональные и двусторонние вопросы, представляющие взаимный интерес», — указывалось в этом сообщении¹². В тот же день, 30 марта 2017 г., на своей странице в *Twitter* Д. Трамп заявил: «Встреча с Китаем на следующей неделе будет очень сложной в том, что мы больше не можем иметь огромный торговый дефицит... и потерю рабочих мест. Американские компании должны быть готовы искать другие альтернативы».

Между тем, в отличие от Д. Трампа, Си Цзиньпин продемонстрировал дипломатичность и настроен на поиск компромисса. 6 апреля 2017 г., уже будучи в Палм-Бич, где и состоялась встреча, он заявил, что готов работать со своим коллегой для продвижения китайско-американских отношений с новой отправной точки: «Есть тысяча причин наладить китайско-американские отношения, нет ни одной причины их подрывать». Эти заявления были подкреплены многочисленными материалами, размещенными в глобальной сети Интернет на ресурсах Информационного агентства Синьхуа одновременно на китайском, английском и русском языках. В этих материалах подчеркивалась необходимость дальнейшего развития торгово-экономического сотрудничества между КНР и США, выгоду от которого получают обе страны. Подчеркивалось, что «китайско-американское экономическое и торговое сотрудничество — это стабилизирующий фактор двусторонних отношений, который уже принес огромную выгоду народам Китая и США», и, соответственно, «встреча Си Цзиньпина и Д. Трампа задаст тон дальнейшему развитию китайско-американских отношений»¹³.

Итак, первая с момента прихода к власти в США новой администрации встреча Д. Трампа и Си Цзиньпина состоялась 6–7 апреля 2017 г. в поместье Мар-о-Лаго в неформальной обстановке, что позволило лидерам более эффективно обсудить ряд вопросов, представляющих взаимный интерес.

В ходе этой встречи главы двух государств провели длившиеся более 7 часов переговоры, в рамках которых был осуществлен широкий и глубокий обмен мнениями по американско-китайским отношениям и представляющим взаимный интерес вопросам международного и регионального характера. Лидеры двух стран сошлись во мнении, что их встреча была «позитивной и плодотворной», задав конструктивный лейтмотив развитию двусторонних отношений и обозначив направления для приложения взаимных усилий.

Стороны высоко оценили исторический прогресс, достигнутый в двусторонних отношениях, и договорились содействовать дальнейшему развитию двусторонних связей, чтобы они приносили пользу как народам двух государств, так и народам всех стран мира.

Стороны выразили готовность работать друг с другом для продвижения двусторонних отношений с новой отправной точки, а также расширить взаимовыгодное сотрудничество и урегулировать разногласия на принципах взаимного уважения.

Стороны объявили о создании четырех механизмов диалога на высоком уровне: по вопросам внешней политики и безопасности, экономики, правоприменения и кибербезопасности, по социальным и гуманитарным вопросам, запустив первые два из них, а также обсудив принципы и ключевые аспекты их работы. Лидеры договорились наладить контакты в разных областях и на других уровнях, стимулировать укрепление сотрудничества и обменов между всеми ведомствами двух стран.

Стороны провели подробный обмен мнениями по вопросам экономики и торговли. Что касается вопросов экономики и торговли, в которых у двух сторон имеются разногласия, — по ним страны должны придерживаться принципов равноправия и взаимной выгоды, расширять практическое взаимодействие, открывать рынки друг другу, а также продвигать двусторонние торгово-экономические отношения в направлении более равномерного развития. При этом Си Цзиньпин призвал Д. Трампа продвигать сотрудничество КНР и США в области инвестиций, а также проектов в сфере энергетики и инфраструктуры. В результате стороны договорились углублять деловое сотрудничество в сферах торговли и инвестиций, надлежащим образом урегулировать торгово-экономические трения ради достижения взаимной выгоды.

Стороны провели также обмен мнениями по вопросам военного сотрудничества. Как заявил Си Цзиньпин: «Военная безопасность и взаимное доверие в этой сфере являются основой стратегического взаимного доверия Китая и США. Сторонам необходимо поддерживать контакты военных на всех уровнях, продолжать развивать механизм диалога и консультаций министерств обороны, диалог консультаций по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе». В данном случае имеется в виду механизм диалога между представителями министерств обороны и генеральных штабов обеих стран.

Стороны согласились усилить взаимодействие по таким направлениям, как военное дело, правоприменение, кибербезопасность, здравоохранение, борьба с нелегальной миграцией, поиск лиц, скрывшихся от правосудия за пределами страны, и возвращение незаконно выведенных за границу финансовых средств. Китай и США согласились предпринять больше конкретных мер для расширения гуманитарных и людских обменов, а также непрерывного укрепления социальной основы отношений двух стран.

Конкретным результатом стал запуск нового формата двусторонних переговоров — «Всеобъемлющего диалога между США и Китаем», который включает в себя четыре области: дипломатия и безопасность, экономика, поддержание правопорядка и кибербезопасность, социальная сфера и вопросы культуры¹⁴.

Однако, как стало позже понятно по заявлениям Д. Трампа, основная дискуссия велась по вопросам торгово-экономических отношений и северокорейской проблемы. При этом администрация Д. Трампа попыталась увязать эти два вопроса. «Я объяснил президенту Китая, что торговая сделка с США для них будет куда лучше, если они решат северокорейскую проблему», «Северная Корея напрашивается на неприятности. Если Китай решит помочь, это будет отлично. Если нет — США готовы сами решить проблему КНДР», — заявил вскоре после встречи Д. Трамп на своей странице в *Twitter*.

Так или иначе, но в обоих вопросах на саммите стороны взяли паузу. В частности, в области, касающейся торгово-экономических отношений, Вашингтон согласился с предложением Пекина о «100-дневном плане» по согласованию будущих торговых переговоров, отложив, таким образом, обещанное многими экспертами начало торговой войны как минимум на три месяца.

Интересным также оказалось то, что КНР приветствовала участие США в сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь» («Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века»).

Наконец, стороны договорились о плане высокоуровневых обменов между двумя странами и согласились поддерживать тесные связи посредством встреч, телефонных разговоров, обмена посланиями и по другим каналам. Во время встречи Д. Трампа с Си Цзиньпином первый принял приглашение нанести государственный визит в Китай уже в 2017 г.

На обратном пути во время остановки в Анкоридже состоялась встреча председателя КНР Си Цзиньпина с губернатором Аляски Б. Уокером, в ходе которой были обсуждены вопросы регионального сотрудничества¹⁵.

Между тем весьма двусмысленным оказался факт, который имел место непосредственно во время приветственного обеда, на котором присутствовали Д. Трамп и Си Цзиньпин с супругами. Ближе к его завершению пришло известие о том, что США нанесли удар по Сирии, по авиабазе ВВС САР «Эш-Шайрат», с использованием 59 крылатых ракет типа «Томогавок», выпущенных из акватории Средиземного моря с эсминцев «Росс» и «Портер». В США эти действия были расценены как «акция возмездия» в ответ на якобы применение правительственными войсками Сирии химического оружия против мирных жителей в Хан-Шейхуне (провинция Идлиб) 4 апреля 2017 г. То обстоятельство, что подобное, выходящее за рамки существующих норм международного права, использование военной силы США было осуществлено в самый разгар встречи Д. Трампа с Си Цзиньпином¹⁶, многими экспертами было расценено как демонстрация перед лицом КНР мощи США, своеобразный сигнал Китаю, России, Ирану, Северной Корее и другим странам, что администрация Д. Трампа готова действовать на международной арене жестко, опираясь при этом на военную силу¹⁷.

Подводя итоги встречи Д. Трампа с Си Цзиньпином, важно подчеркнуть, что эта встреча не была легкой, даже несмотря на весь ее внешний антураж. Очевидно, что ключевые разногласия в двусторонних отношениях между США и КНР в торгово-экономической сфере, в сфере региональной безопасности в Восточной Азии (северокорейская проблема, развертывание ПРО в Южной Корее, статус спорных территорий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях) по-прежнему остались главными раздражителями в повестке дня. Характерно, что китайская сторона подтвердила свою принципиальную позицию не только по этим проблемам, но также по вопросам Тайваня и Тибета, призывая придерживаться принципа «одного Китая». Эти, а также другие вопросы, как это следует из официальных сообщений, обсуждались на встрече Д. Трампа и Си Цзиньпина, однако ждать какого-либо существенного прорыва во взаимоотношениях и решении всех накопившихся вопросов от двухдневных переговоров американского и китайского лидеров не стоило.

Пожалуй, главным результатом явился сам факт встречи, а также заверения в готовности сотрудничать¹⁸. Другими словами, благодаря ей была заложена основа для дальнейших переговоров между США и КНР, что было подтверждено уже 12 апреля 2017 г., когда состоялся телефонный разговор между Президентом США Д. Трампом и Председателем КНР Си Цзиньпином¹⁹, а также в ходе последующих телефонных разговоров, состоявшихся 24 апреля, 2 июля и 12 августа 2017 г., и встречи, прошедшей 8 июля 2017 г. на полях саммита G-20 в Гамбурге²⁰.

Не случайно Информационное агентство Синьхуа опубликовало несколько редакционных статей, в которых итоги встречи Д. Трампа и Си Цзиньпина расценивались как позитивные, с акцентом на конструктивный диалог между КНР и США в дальнейшем. Подчеркивалось, что стороны могут поддерживать тесные связи разными способами. Указывалось, что необходимо в полной мере проявить роль четырех механизмов диалога и сотрудничества на высоком уровне, составить перечень важных совместных проектов, содействовать переговорам по двустороннему инвестиционному соглашению, про-

двинуть здоровое развитие двусторонней торговли и взаимных инвестиций, обсудить развертывание практического сотрудничества в области инфраструктурного строительства, энергетики и других сферах, надлежащим образом урегулировать чувствительные вопросы и конструктивным образом управлять разногласиями. Кроме того, отмечалось, что стороны должны укрепить контакты и координацию по важнейшим международным и региональным вопросам, совместно содействовать надлежащему урегулированию острых региональных проблем, расширить сотрудничество в преодолении таких глобальных вызовов, как предотвращение распространения оружия массового уничтожения и борьба с транснациональной преступностью, упрочить контакты и координацию в рамках ООН, «Группы двадцати», АТЭС и других многосторонних механизмов и общими усилиями защитить мир, стабильность и процветание на планете.

Очевидно, что в своих взаимоотношениях с США КНР продемонстрировала совершенно четкий настрой на диалог, желание договариваться по целому ряду сложных вопросов. Впрочем, такое же желание просматривалось тогда и в заявлениях представителей руководства США²¹. В выступлении, сделанном по итогам встречи с Си Цзиньпином, Д. Трамп подчеркнул: «Я думаю, что мы добились огромного прогресса в наших отношениях с Китаем. Мои представители были на встречах в формате один на один вместе со своими коллегами из Китая. И я думаю, что, действительно, имеется прогресс. Мы будем делать еще больше для дополнительного прогресса». И далее: «Отношения, установленные между нами, я думаю, являются выдающимися. Мы с нетерпением ожидаем наши многочисленные встречи в будущем. И я считаю, что очень многие потенциально плохие проблемы будут уходить в прошлое...»²².

В настоящее время, в том числе с учетом ключевых тенденций в сфере международных отношений на глобальном и региональном уровнях, на наш взгляд, сложилась следующая картина, которая характеризует взаимоотношения США и КНР.

Фактически, президенту США Д. Трампу пришлось отказаться от целого ряда весьма громких по своему содержанию заявлений, сделанных им в резкой и жесткой форме ранее и касающихся Китая. Причина этого заключается в необходимости учитывать сложившиеся к настоящему моменту реалии, в первую очередь в сфере торгово-экономического взаимодействия США и КНР. Сформировавшаяся модель этого взаимодействия не может быть разрушена без ущерба для обеих стран, тем более в краткосрочной перспективе. Последствия же непродуманных действий в военно-политической области могут быть еще более разрушительными, в худшем случае — и вовсе привести к серьезному конфликту с участием США и КНР.

Кроме того, важно подчеркнуть, что «повышение ставок», которое в первые несколько месяцев своего правления осуществляла администрация Д. Трампа в двусторонних отношениях, доведя их до приличного «градуса», в сущности, являлось не чем иным, как подготовкой к «торгу» по вопросу будущих взаимоотношений США и КНР. Очевидно, что администрация Д. Трампа намеревается изменить крайне невыгодный для США, в отличие от КНР, баланс в торгово-экономических отношениях, банально нагнетая атмосферу перед серьезными разговорами по вопросам, касающимся торгово-экономической сферы (дисбаланс в торговле друг с другом, пошлины на китайские товары, курс юаня и др.) В связи с вышеуказанным администрация Д. Трампа стала действовать более осмотрительно, стремясь занимать сбалансированную позицию, которая не соответствовала предвыборной риторике.

Правда, отсутствие каких-либо серьезных, с точки зрения администрации Д. Трампа, изменений, свидетельствующих об изменениях в торгово-экономической сфере взаимодействия США и КНР, причем на пользу первых, привело к частичному возвращению к той риторике, которая использовалась ранее.

Итоги первой сессии американо-китайского всеобъемлющего экономического диалога (19 июля 2017 г.), по большей части по причине того, что по американской инициативе была значительно сужена повестка дня с акцентом на решение конкретных во-

просов, оказались безрезультатными. Более того, многие эксперты и вовсе говорили о ее провале, учитывая, что делегация США отказалась подписывать совместное заявление, т.е. хотя бы создать видимость прогресса на переговорах.

Неудача попыток Вашингтона оказать давление на Пекин в рамках переговорного формата обсуждения вопросов торгово-экономического сотрудничества привела к переходу США к другой тактике. 14 августа 2017 г. президент США Д. Трамп подписал меморандум, в котором поручил изучить вопрос проведения расследования случаев дискриминации в отношении американских компаний, в частности в вопросах защиты прав интеллектуальной собственности²³. «В ходе расследования будет определено, являются ли действия, политика или практика китайского правительства в отношении трансфера технологий, интеллектуальной собственности и инноваций несправедливыми, дискриминационными или обременительными, ограничивающими торговлю США», — указывает в пресс-релизе офиса Торгового представителя США²⁴.

Симптоматично, что расследование будет проведено в рамках Раздела 301 Закона о торговле от 1974 года, и эта статья, наделяющая Президента Соединенных Штатов Америки правом принимать все меры, необходимые для борьбы с политикой или действиями иностранного государства, наносящими урон американской торговле, позволяет Вашингтону в одностороннем порядке установить барьеры на пути экспортных товаров из КНР за счет увеличения ввозных пошлин. Данный шаг свидетельствует о серьезности намерений Вашингтона в отношении Пекина и, фактически, свидетельствует о начале пересмотра торгово-экономических отношений с Китаем, а при определенных обстоятельствах может привести к торговой войне между США и КНР.

Подчеркнем, что поручение Д. Трампа, несмотря на его преимущественно символический характер, вызвало резкую реакцию со стороны Китая. Накануне подписания меморандума представитель МИД КНР Ху Чуньин предупредила, что такой шаг может привести к торговой войне, в которой «обе стороны окажутся проигравшими». Позже Министерство торговли КНР добавило, что Китай не будет «сидеть сложа руки», когда США пренебрегают правилами международной торговли в ущерб двусторонним экономическим отношениям.

В результате можно говорить о том, что взаимодействие в торгово-экономической сфере, с учетом того, что обнаружился дрейф в сторону конфликтного характера этого взаимодействия, является первым фактором риска в двусторонних отношениях между США и КНР.

Очевидным является и то, что в отношении КНР США оказались настроены продолжать осуществлять политику сдерживания с опорой на своих ключевых союзников в Северо-Восточной Азии — Японию и Южную Корею. Не случайно в первые месяцы нахождения администрации Д. Трампа у власти первые контакты на международном уровне касались взаимоотношений на уровне США — Япония, США — Южная Корея. В рамках встреч, которые прошли на высшем уровне, с участием Президента США Д. Трампа, а также государственного секретаря США Р. Тиллерсона, министра обороны США Дж. Мэттиса, совершивших поездки в регион, было подтверждено намерение нового руководства США придерживаться своих обязательств относительно важности дальнейшего развития этих взаимоотношений.

В связи с вышеуказанным были продолжены действия с целью продемонстрировать решимость США защищать своих союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в том, что касается ситуации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

Так, например, по сообщениям СМИ, 19 февраля 2017 г. авианосная группа ВМС США во главе с авианосцем «Карл Винсон» начала патрулирование в Южно-Китайском море. Это происходило на фоне растущей напряженности в отношениях Вашингтона и Пекина из-за спорных границ в регионе, после того как 15 февраля 2017 г. МИД КНР предостерег США от попыток оспорить границы в Южно-Китайском море, а спустя три дня Пекин начал собственные военно-морские учения в регионе, в которых

оказался задействован единственный китайский авианосец «Ляонин». «Мы с нетерпением ждем шанса продемонстрировать свои возможности, выстраивая прочные отношения с нашими союзниками, партнерами и друзьями в Индо-Азиатско-Тихоокеанском регионе», — заявил командир авианосной группы контр-адмирал Дж. Килби.

Ранее, 7 февраля 2017 г., государственный секретарь США Р. Тиллерсон подтвердил намерение США обеспечить выполнение обязательств по защите Японии, в том числе оспариваемых Пекином у Токио островов архипелага Сенкаку (Дяоюйдао), расположенных в Восточно-Китайском море. Он, в частности, подчеркнул, что данный архипелаг «находится под юрисдикцией Японии и на него распространяется действие пятой статьи Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности» между США и Японией.

Потенциальные риски традиционно содержит в себе проблема Тайваня. По сравнению с риторикой конца прошлого года администрация Д. Трампа в целом демонстрирует взвешенный подход, публично не подвергая сомнению принцип «одного Китая», а в некоторых случаях и вовсе действуя в благоприятном для КНР русле. Примером чего служит состоявшийся 28 апреля 2017 г. отказ Д. Трампа от телефонного разговора с Цай Иньвэй, чтобы «не причинять трудности» Си Цзиньпину. С другой стороны, 29 июня 2017 г. стало известно о том, что США продадут Тайваню оружие на общую сумму 1,4 млрд долларов. Речь идет о первой такого рода сделке с Тайванем со стороны администрации Д. Трампа, однако налицо преемственность курса, учитывая, что США продают Тайваню оружие на протяжении многих десятилетий.

Нельзя сбрасывать со счетов и намерения США разместить на Корейском полуострове один из элементов глобальной системы противоракетной обороны (ПРО) — *THAAD (Terminal High Altitude Area Defense)*. Правда, эти намерения сопряжены с жесткой позицией КНР и РФ, расценивающих действия США не столько с точки зрения необходимости противодействовать ядерной угрозе со стороны КНДР, сколько как попытку обеспечить контроль над ракетно-ядерным потенциалом КНР и РФ, сосредоточенным в Северо-Восточной Азии. С российской и китайской точки зрения, размещение в Северо-Восточной Азии комплексов ПРО *THAAD* наносит серьезный ущерб интересам стратегической безопасности региональных государств, включая Россию и Китай, не содействует достижению целей денуклеаризации Корейского полуострова, равно как и обеспечению мира и стабильности в регионе. Пекин полагает, что мощность *THAAD* избыточна для сдерживания КНДР, а его реальная цель — это слежка за северо-восточной частью КНР при помощи мощного радара. «Мы не позволим нанести ущерб своим интересам национальной безопасности», — заявлял по этому поводу представитель МИД КНР Хун Лэй.

Именно поэтому в марте 2017 г. Китай продемонстрировал весьма жесткую реакцию. В ответ на предпринятые южнокорейским руководством шаги, связанные с развертыванием на своей территории отдельных элементов ПРО США *THAAD* (первые две пусковые установки были доставлены на военную базу в районе города Пхентхэк, расположенную в 70 км от Сеула), Китай оказал на Южную Корею сильное экономическое давление, в частности ввел ограничения на торговлю, на присутствие у себя крупных корейских корпораций, например *Lotte Group*. В результате это поставило под вопрос планы развертывания *THAAD* на Корейском полуострове. Победа на внеочередных президентских выборах в Южной Корее (9 мая 2017 г.) кандидата от Демократической партии Мун Чжэ Ина только усилила эти тенденции. Будучи в оппозиции к президенту Южной Кореи Пак Кын Хе, Мун Чжэ Ин высказывался против размещения элементов ПРО США *THAAD*, подчеркивая, что он не уверен в ее эффективности защиты Республики Корея от угрозы со стороны КНДР. 6 июня 2017 г. Мун Чжэ Ин распорядился приостановить размещение элементов ПРО США *THAAD*. Формальной причиной для этого была названа необходимость проведения экологической экспертизы.

Подчеркнем, что заявления, в которых выражалось несогласие на развертывание элементов ПРО США *THAAD* на Корейском полуострове, неоднократно звучат из уст

представителей МНД КНР на протяжении последних месяцев, что свидетельствует о совершенно четкой позиции Китая по данному вопросу.

Еще один риск, который постепенно распространился на двусторонние отношения между США и КНР, связан с весьма жесткой позицией нового руководства США в отношении северокорейской проблемы с привязкой к этой проблеме Китая с акцентом на то, что последний делает слишком мало для ее урегулирования. Именно в этом ключе следует рассматривать давление, которое США оказывали на КНР во время возникшего во второй половине апреля 2017 г. кризиса вокруг Северной Кореи, объявившей о своем намерении провести очередные (шестые по счету начиная с 2006 г.) испытания ядерного оружия, после чего, по сообщениям СМИ, в район Корейского полуострова было отправлено три ударных авианосных группы ВМС США.

Хотя, с другой стороны, на поле северокорейской проблемы, при определенных обстоятельствах, возможно также и сотрудничество между США и КНР, тем более что обе страны заинтересованы в денуклеаризации Корейского полуострова.

Официальная китайская позиция по северокорейской проблеме и взаимодействию КНР и США по этому вопросу сводится к следующим четырем пунктам: во-первых, Китай и США разделяют общие интересы в достижении денуклеаризации, а также поддержания мира и стабильности на Корейском полуострове; во-вторых, заинтересованные стороны должны проявлять сдержанность и воздержаться от слов и поступков, которые могут привести к эскалации напряженности; в-третьих, окончательное решение ядерной проблемы Корейского полуострова сводится к общей приверженности в направлении диалога, переговоров и политического урегулирования; в-четвертых, Китай готов поддерживать контакты с США на основе взаимного доверия, чтобы совместно содействовать надлежащему урегулированию проблемы.

Фактически, и США, и КНР заинтересованы в ликвидации ракетно-ядерной программы КНДР, ключевые разногласия касаются способов достижения этой цели. Китай выступает категорически против использования военной силы в отношении Северной Кореи, полагая, что это приведет к катастрофическому сценарию развития событий, о чем неоднократно заявляли представители руководства КНР, однако такого варианта решения проблемы не исключает администрация Д. Трампа.

При этом еще один кризис, возникший после того, как КНДР дважды (4 и 28 июня 2017 г.) произвела успешный запуск межконтинентальной баллистической ракеты, выявил целый ряд новых моментов. Совместная инициатива РФ и КНР, основанная на предложенных китайской стороной идеях «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и «параллельного продвижения» к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также на российском поэтапном плане корейского урегулирования²⁵, вызвала возражения со стороны администрации Д. Трампа. В этих условиях сотрудничество США и КНР в рамках решения северокорейской проблемы представляется проблематичным.

Думается, что, поскольку надежды США на помощь КНР в обуздании ракетно-ядерных амбиций КНДР не сбылись, оказываемое на Китай давление не привело к ожидаемому для администрации Д. Трампа результату, а терпение последней постепенно сошло на нет, о чем сам Д. Трамп неоднократно упоминал в своих сообщениях в *Twitter*²⁶, Вашингтон, в том числе и по этой причине, в июле — августе 2017 г. значительно ужесточил свою позицию по проблемам, связанным с торгово-экономической сферой взаимоотношений США и КНР. Даже тот факт, что Китай выступил в поддержку резолюции Совета Безопасности ООН № 2371 от 5 августа 2017 г., в соответствии с положениями которой были установлены более жесткие санкции в отношении КНДР (запрет на экспорт из КНДР угля, железа, железной руды, свинца, свинцовой руды и любых морепродуктов, включая рыбу, на увеличение текущего числа рабочих из Северной Кореи, работающих за рубежом, а также на новые совместные проекты с Северной Кореей и любые

новые инвестиции в текущие совместные проекты), готовность Китая неукоснительно соблюдать ее положения, — все это не привело к смягчению американской позиции.

Наконец, говоря о взаимоотношениях США и КНР — крупнейших в настоящее время экономик мира, нельзя не упомянуть еще об одной потенциально очень опасной проблеме — так называемой ловушке Фукидида, на которую указывают некоторые как отечественные, так и зарубежные специалисты²⁷. Преодоление «ловушки Фукидида» — это общий вызов, стоящий перед США и КНР. В связи с этим руководство КНР постоянно подчеркивает, что в своем развитии Китай нацелен на улучшение качества жизни населения, а не на борьбу за мировое господство.

Между тем бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер, основоположник установления дипломатических отношений между США и КНР, выступая 19 марта 2017 г. в Пекине на саммите «Форум на высоком уровне по развитию Китая 2016 года», заявил, что между Китаем и США не существует «ловушки Фукидида», перспектива отношений двух стран — это сотрудничество и партнерство, а не соперничество. «О ловушке Фукидида часто говорят в последние годы, это выражение означает, что у укрепляющихся стран рано или поздно может возникнуть противостояние или даже война с существующими крупными державами», — сказал Г. Киссинджер, добавив, что США и КНР — это первая и вторая по величине экономики современного мира, две страны достигли конструктивных результатов в очень многих сферах сотрудничества, хотя в некоторых сферах имеются разногласия, но стороны решительно настроены на регулирование разногласий, поиск консенсуса²⁸.

Таким образом, в период президентства Д. Трампа взаимоотношения США и КНР, с одной стороны, опираются на сформированные ранее основы²⁹, а с другой — приобрели ряд качественно иных черт и особенностей. Важнейшей из них, на наш взгляд, является значительная степень непредсказуемости в развитии двусторонних отношений, связанная как с объективными, так и субъективными (имеющими, в первую очередь, отношение к личности самого Д. Трампа) факторами³⁰.

Давление США на КНР (военное, политическое, экономическое), об этом можно сказать со всей очевидностью, усилится. То обстоятельство, что в администрации Д. Трампа немало людей, относящихся к Китаю скептически и даже враждебно (в той или иной степени это можно сказать о государственном секретаре Рексе Тиллерсоне, министре обороны Джеймсе Мэттисе, советнике по национальной безопасности Герберте Макмастере, министре торговли Уилбуре Росссе, главе национального совета по торговле Питере Наварро, торговом представителе США Роберте Лайтхайзере, а также отправленном 18 августа 2017 г. в отставку главным стратегом Белого дома Стивене Бэнноне), делает вероятность усиления этого давления еще более очевидной. Цель же заключается в том, чтобы вынудить КНР искать с США компромисс, причем на условиях, которые бы в первую очередь отвечали американским, а не китайским интересам.

Внешнеполитический курс США в отношении КНР в период президентства Д. Трампа, тяготеющего к рейгановскому стилю во внешней политике, станет более жестким, чем это имело место до 2017 г. Тем не менее открытый конфликт с участием США и КНР, с обращением к военной силе, вряд ли может иметь место, учитывая, что в настоящее время ни США, ни КНР не заинтересованы в доведении ситуации до состояния открытого военного противостояния.

Не заинтересована в этом также и Российская Федерация, даже с учетом сложнейшего во многих отношениях периода в истории российско-американских отношений, который они переживают в последние годы. Вовлеченность РФ в вероятную конфронтацию с участием США и КНР исключена, однако РФ и КНР способны общими усилиями укрепить режим безопасности в Северо-Восточной Азии, деформация которого в последние годы происходит во многом под воздействием США.

1. К настоящему моменту вышло несколько научных работ, в которых рассматриваются состояние и перспективы взаимоотношений США и КНР в период президентства Д. Трампа (с 2017 г.). См., напр.: У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень № 47 (245) // Новая администрация США и вероятная трансформация двусторонних отношений США со странами АТР (По материалам круглого стола). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. URL: <http://ihaefe.org/files/pacific-ocean-map/47.pdf>; Воробьев В.Я. Будущее американо-китайских отношений при администрации Дональда Трампа // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 60–75; Степанов А.С. Перспективы военной политики США в отношении Китая при администрации Дональда Трампа // Россия и Америка в XXI веке. 2017. № 1; Морозов Ю.В. Перспективы политики США в отношениях с Китаем и Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 42–51; Труш С.М. Отношения КНР и США на рубеже Обама — Трамп: политические и военно-политические аспекты // США. Канада. Экономика — политика — культура. 2017. № 3. С. 48–67.
2. Dongfeng-41 Will Bring China More Respect // Global Times. 2017/1/23. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1030353.shtml>
3. Кашин В.Б. Китайская межконтинентальная баллистическая ракета DF-41: почему сейчас и при чем здесь Россия // РСМД. 27 января 2017 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8637#top-content
4. Inexperienced, Complacent Trump Stuns Public // Global Times. 2017/1/15. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1028870.shtml>
5. The White House. Office of the Press Secretary. January 23, 2017. Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/23/presidential-memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific>
6. The White House. Office of the Press Secretary. February 09, 2017. Readout of the President's Call with President Xi Jinping of China. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/09/readout-presidents-call-president-xi-jinping-china>
7. Ibid. February 08, 2017. Statement from the Press Secretary. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/08/statement-press-secretary>
8. Reuters. SOUTH CHINA SEA /Fri Feb 10, 2017 /11:27pm EST. Trump Changes Tack, Backs 'One China' Policy in Call With Xi. By Ben Blanchard and Steve Holland /BEIJING/WASHINGTON. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-china-idUSKBN15P0ED?feedType=RSS&feedName=topNews>
9. An "Old Friend" of Xi Jinping Will be America's Next Ambassador to China // The Economist. December 8, 2016. URL: <https://www.economist.com/blogs/democracyinamerica/2016/12/damage-control>
10. Branstad Chosen as Chinese Ambassador; Reynolds to Become First Female Governor. By Alex Hanson // Iowa State Daily. December 7, 2016. URL: http://www.iowastatedaily.com/news/politics_and_administration/state/article_0974d82c-bc8d-11e6-becc-f342b1d93159.html
11. Xinhua. President Xi meets U.S. Secretary of State // Xinhua. 2017–03–19 15:30:07. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-03/19/c_136140432.htm; Си Цзиньпин провел встречу с госсекретарем США // Синьхуа. 2017–03–19 15:30:38. URL: http://russian.news.cn/2017-03/19/c_136140434.htm
12. The White House. Office of the Press Secretary. March 30, 2017. Statement by the Press Secretary on the Visit of President Xi Jinping of China. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/03/30/statement-press-secretary-visit-president-xi-jinping-china>
13. Xinhua. Xi Says Ready to Boost China-U.S. Ties From New Starting Point With Trump // Xinhua. 2017–04–07. 15:38:25. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-04/07/c_136191039.htm; Си Цзиньпин выразил готовность работать с Д. Трампом для продвижения китайско-американских отношений с новой отправной точки // Синьхуа. 2017–04–07. 16:00:24. URL: http://russian.news.cn/2017-04/07/c_136190502.htm
14. Xinhua. Xi, Trump Pledge to Expand Win-Win Cooperation, Manage Differences // Xinhua. 2017–04–08. 12:37:12. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-04/08/c_136192297.htm; Си Цзиньпин и Дональд Трамп договорились расширить взаимовыгодное сотрудничество и урегулиру-

- вать разногласия на принципах взаимоуважения // Синьхуа. 2017–04–08. 16:20:33. URL: http://russian.news.cn/2017-04/08/c_136192547.htm
15. Xinhua. Xi Meets Alaskan Governor, Urges More Regional Cooperation // Xinhua. 2017–04–08. 17:37:07. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-04/08/c_136192640.htm: Си Цзиньпин встретился с губернатором американского штата Аляска Б. Уокером // Синьхуа. 2017–04–08. 18:40:26. URL: http://russian.news.cn/2017-04/08/c_136192676.htm
 16. Спустя несколько дней в интервью телевизионному каналу *Fox Business* Президент США Д. Трамп заявил, что предупредил Председателя КНР Си Цзиньпина об ударе по сирийской авиабазе во время десерта. «Я сидел за столом, мы закончили ужин и ели десерт. у нас был самый прекрасный кусок шоколадного торта, который вы когда-либо видели. Президент Си наслаждался им. И я получил сообщение от генералов. Тогда я сказал: «Господин президент, позвольте мне вам кое-что объяснить за десертом: мы только что запустили 59 ракет... по Ираку», — сказал Д. Трамп. «По Сирии», — поправила президента журналист. «Да, по Сирии», — сказал Д. Трамп. По словам Д. Трампа, Си Цзиньпин замолчал на десять секунд, потом попросил повторить это и сказал, что «это хорошо» в случае, если кто-то применил химическое оружие против детей.
 17. Официальная реакция КНР на эти действия оказалась выдержана в традиционном для Пекина нейтральном духе. Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин заявила: «Во-первых, позвольте мне сказать, что Китай никогда не вмешивается во внутренние дела других стран. Президент Сирии Асад был избран сирийским народом, мы уважаем выбор народа Сирии в выборе их собственного лидера, в выборе собственного пути развития. Что касается Китая, мы уважаем выбор, сделанный сирийским народом. Мы полагаем, что сирийский народ должен определять свою судьбу». При этом подчеркивалось, что Китай выражает надежду на то, что стороны «проявят хладнокровие и сдержанность, чтобы не допустить эскалации напряжения».
 18. Любопытно, что одним из результатов встречи явилось продвижение вполне конкретных интересов семейства Трампа в сфере бизнеса. По сообщениям информационного агентства Ассошиэйтед Пресс, в ходе переговоров Д. Трампа и Си Цзиньпина была достигнута договоренность, в соответствии с которой Ивanka Трамп получила от правительства Китая предварительное разрешение на три новые торговые марки для продажи товаров в стране. Речь, в частности, идет о торговле под брендом *Ivanka Trump Marks LLC* ювелирными изделиями, кожаными сумками и косметическими процедурами.
 19. The White House. Office of the Press Secretary. April 12, 2017. Readout of President Donald J. Trump's Call with President Xi Jinping of China. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/04/12/readout-president-donald-j-trumps-call-president-xi-jinping-china>
 20. Ibid. April 24, 2017. Readout of President Donald J. Trump's Call with President Xi Jinping of China. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/04/24/readout-president-donald-j-trumps-call-president-xi-jinping-china>; Ibid. July 02, 2017. Readout of President Donald J. Trump's Call with President Xi Jinping of China. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/07/02/readout-president-donald-j-trumps-phone-call-president-xi-jinping-china>; Ibid. August 12, 2017. Readout of President Donald J. Trump's Call with President Xi Jinping of China. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/08/12/readout-president-donald-j-trumps-call-president-xi-jinping-china>; Ibid. July 08, 2017. Readout of President Donald J. Trump's Meeting with President Xi Jinping of China. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/07/08/readout-president-donald-j-trumps-meeting-president-xi-jinping-china>
 21. Ibid. April 07, 2017. Briefing by Secretary Tillerson, Secretary Mnuchin, and Secretary Ross on President Trump's Meetings with President Xi of China. Tideline Resort and Spa, Palm Beach, Florida. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/04/07/briefing-secretary-tillerson-secretary-mnuchin-and-secretary-ross>
 22. Ibid. April 07, 2017. Remarks by President Trump After Meeting with President Xi of China. Mar-a-Lago, Palm Beach, Florida. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/04/07/remarks-president-trump-after-meeting-president-xi-china>
 23. Ibid. August 14, 2017. Presidential Memorandum for the United States Trade Representative. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/08/14/presidential-memorandum-united-states-trade-representative>
 24. USTR Announces Initiation of Section 301 Investigation of China. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/august/ustr-announces-initiation-section>

25. МИД РФ. 4.07.17. Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662
26. В сообщении от 4 июля 2017 г.: «КНДР только что опять запустила ракету. Неужели этому парню больше нечего делать? Трудно поверить, что Южная Корея и Япония будут и дальше мириться с этим». «Возможно, Китай сделает существенный шаг по Северной Корее и навсегда покончит с этим абсурдом!» В сообщении от 29 июля 2017 г.: «Я очень разочарован в Китае. Наши предыдущие глупые лидеры позволили Пекину ежегодно зарабатывать сотни миллиардов долларов на торговле, и пока что Китай ничего не сделал для нас в вопросе с Северной Кореей, лишь разговоры. Мы больше не позволим этому продолжаться. Китай может с легкостью решить эту проблему!»
27. Древнегреческий историк писал о войне между Спартой и Афинами. Из его работы вытекает, что главной причиной Пелопонесской войны стал страх Спарты, что стремительно растущие Афины будут представлять угрозу для них. В интерпретации современных политологов «ловушка Фукидида» — это опасение доминирующей державы перед возвышающейся новой державой. См.: *Скоцырев В. А.* США и Китай могут попасть в ловушку Фукидида // Независимая газета. 03.06.2016. URL: http://www.ng.ru/world/2016-06-03/2_us_china.html
28. Киссинджер: между Китаем и США не существует «ловушки Фукидида» // Russian.news.cn. 2016-03-20. URL: http://russian.news.cn/2016-03/20/c_135204713.htm
29. К моменту прихода к власти в США администрации Д. Трампа уровень взаимоотношений США и КНР оказался весьма высоким. Несмотря на то, что со времени установления дипломатических отношений между США и КНР в 1979 г. отношения между двумя странами пережили ряд взлетов и падений, взаимное сотрудничество остается главной темой в переговорах, особенно в условиях увеличивающейся взаимозависимости и совпадения интересов. Согласно официальным данным, в 2016 г. общий объем торговли между США и КНР достиг 519,6 млрд долл. США. В конце 2016 г. общая сумма двухсторонних инвестиций превысила 170 млрд долл. Помимо этого стоит отметить, что США и КНР тесно сотрудничают в сфере борьбы с терроризмом, изменения климата и по ряду других вопросов глобального масштаба. В 2013 г. США и КНР договорились развивать отношения, основываясь на принципах невступления в конфликт и конфронтацию, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. Представители администрации Д. Трампа заявили, что они продолжают следовать данным принципам в развитии двухсторонних отношений.
30. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». *Безруков А., Ребро О., Сушенцов А.* Дональд Трамп: профессиональный профиль нового президента США. URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/announcements/donald-tramp-professionalnyy-profil-novogo-prezidenta-ssha/>

Новая концепция безопасности Китая и ее практика в рамках ШОС в XXI веке

© 2017

Лян Чжэньцэн

В статье рассматриваются новая концепция безопасности Китая в XXI веке и ее практическое воплощение в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Проанализировано сотрудничество в сферах безопасности, экономики и гуманитарных вопросов между странами — членами ШОС.

Ключевые слова: новая концепция безопасности Китая, ШОС, сотрудничество в области безопасности, экономическое сотрудничество, гуманитарное сотрудничество.

Безопасность — один из ключевых элементов современной государственной и глобальной политики. В научном сообществе существуют различные подходы к теории безопасности. Свое понимание определения безопасности существует и в среде китайских ученых.

Заместитель директора Международного стратегического института развития Китая Чу Шулуи полагает, что объективное значение безопасности состоит в том, что субъект не подвергается внешнему нападению или вторжению, а в субъективном смысле он не страдает от чувства страха и не подвергается атакам и посягательствам извне¹.

Постоянный вице-президент Китайской ассоциации содействия внедрению культуры Ло Юань считает, что концепция безопасности отождествляется с пониманием интересов безопасности государства, осознанием обязанностей и возложенных полномочий в международном сообществе, созданием безопасной среды и подготовкой политических лозунгов в ответ на угрозы и вызовы².

Научный сотрудник Современного китайского института Лю Госинь утверждает, что трансформация концепции безопасности Китая под лозунгами «Мир и развитие — темы нашего времени» и «Масштабной войны можно избежать» прослеживается с конца 1970-х годов, в то время как официально концепция безопасности была выдвинута Китаем во второй половине 1990-х годов³.

Заместитель директора Научно-исследовательского центра ШОС Шанхайской академии общественных наук Юй Цзяньхуа считает, что в новой концепции безопасности не только уделяется большое внимание всеобъемлющей безопасности, но подчеркивается безопасность сотрудничества. Модель сотрудничества должна быть гибкой и разнообразной, включать многосторонние механизмы безопасности, имеющие сильный обязательный характер, многосторонние диалоги по вопросам безопасности, двусторонние консультации по вопросам безопасности, направленные на повышение взаимного доверия, и неофициальные диалоги научного характера⁴.

Лян Чжэньцэн, аспирант Восточного института — Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток). E-mail: 1263187243@qq.com.

Предметом рассмотрения здесь является новая концепция безопасности Китая, сформированная на рубеже XX — XXI веков. Проанализирован ее всеобъемлющий характер, который отражен в сотрудничестве по экономическим и гуманитарным вопросам в рамках ШОС.

После завершения холодной войны на фоне резко изменившейся международной обстановки возникла многополярная глобальная политическая система. Несмотря на то, что гегемонизм и силовая политика сохраняются и становятся главными источниками угрозы мирному развитию, оно по-прежнему является приоритетной глобальной тенденцией. В этой ситуации выдвигание Китаем новой концепции безопасности обосновано следующими факторами:

- США укрепили военный альянс, сформированный во времена холодной войны;
- НАТО сформировало новую стратегическую концепцию, проявив намерение расширения на Восток;
- США и Япония достигли договоренности по программе ускорения развития совместной системы ПРО в Азии;
- национальная безопасность подвергается давлению в результате наличия таких нетрадиционных угроз, как территориальные споры, международный терроризм, трансграничная преступность, незаконный оборот наркотиков и т.п.;
- экономическая глобализация и быстрое развитие международных корпораций все теснее связывают страны Запада и Востока.

Новая китайская концепция безопасности, характерная отказом от менталитета холодной войны, является одним из эффективных способов активного поддержания мира и безопасности в целях максимальной реализации государственных интересов КНР.

В конце 1990-х годов третье поколение руководства КНР во главе с Цзян Цзэмином предложило новую концепцию безопасности, основанную на понимании концепции национальной безопасности лидерами предшествующих поколений руководителей Китая — Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, главная идея которой была уточнена и усовершенствована в ходе ряда важных внутрикитайских и международных форумов.

В 1997 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь, выступая в Государственной думе Российской Федерации изложил впервые основную идею поддержания глобальной безопасности. Он отметил, «что усиление сотрудничества и обменов в экономической, технологической, культурной сфере на основе пяти принципов мирного сосуществования для совместного процветания способствует продолжительному миру. Китай выступает против гегемонизма, силовой политики и экономических санкций в любой форме». Подчеркивалась необходимость:

- отказа от менталитета холодной войны и блоковой политики,
- урегулирования споров и разногласий между государствами мирными средствами,
- содействия взаимопониманию и доверию путем диалога и консультаций путем двустороннего и многостороннего сотрудничества⁵.

При выстраивании отношений между Россией и Китаем после холодной войны использована идея новой концепции безопасности для разрешения унаследованного со времен СССР ряда спорных вопросов путем диалога и консультаций. Это способствовало политическому доверию, укреплению двусторонних отношений во второй половине 1990-х годов.

26 марта 1999 г. на переговорах по разоружению в Женеве Цзян Цзэминь выступил с речью о «содействии процессу разоружения и поддержании международной безопасности», в которой комплексно изложил суть новой китайской концепции безопасности: «Ядром новой концепции безопасности должно быть взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и сотрудничество. Взаимовыгодное сотрудничество и общее процветание составляют экономическую гарантию сохранения мира. Диалоги, кон-

сультации и переговоры на основе паритета являются правильным способом снятия споров и поддержания мира»⁶.

Впервые ядро новой концепции безопасности определялось как «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и сотрудничество». После этого многократно подчеркивались ее значение и содержание. Например, в выступлениях Председателя КНР Цзян Цзэминя на Саммите тысячелетия ООН 6 сентября 2000 г. и на учредительном заседании ШОС 15 июня 2001 г. внимание на основной идее новой концепции безопасности акцентировалось многократно.

31 июля 2002 г. на совещании министров иностранных дел регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности китайская делегация представила документ по новой концепции безопасности, в котором всесторонне интерпретировалась основная идея «взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства и сотрудничества».

«Взаимное доверие — доверие друг к другу, включая отказ от менталитета холодной войны и силовой политики, преодоление разногласий в идеологии и социальной системе. Страны должны регулярно проводить диалоги и информировать друг друга об оборонительной политике и важных мероприятиях. Взаимная выгода — создание условий для достижения общей безопасности при реализации собственных интересов на основе взаимного уважения друг друга в соответствии с объективными требованиями развития глобализации. Равенство — все страны, большие или малые, являются членами международного сообщества и должны соблюдать принципы взаимного уважения, равенства и невмешательства во внутренние дела других стран, содействовать прогрессу демократизации международных отношений. Сотрудничество — урегулирование спорных вопросов путем переговоров, расширение взаимодействия по вопросам безопасности в целях устранения скрытых угроз и предотвращения войны и прямых конфликтов»⁷.

Научный сотрудник Института исследований современного Китая Лю Госинь считает, что новая концепция безопасности является важной составляющей внешней политики КНР и имеет следующий характер:

1) новая китайская концепция безопасности отражает комплексную систему безопасности, которая включает в себя не только военную и политическую безопасность, но и безопасность в экономической, технологической, гуманитарной, социальной и других сферах;

2) по цели: новая китайская концепция безопасности нацелена на обеспечение общей безопасности. По мнению правительства КНР, гегемонизм и силовая политика являются самой большой угрозой безопасности международного сообщества после окончания холодной войны. Западные страны под руководством США настаивают на мышлении холодной войны и стремятся к собственной абсолютной безопасности, игнорируя общую безопасность и относительную безопасность других стран во всем мире;

3) новая китайская концепция безопасности способствует региональной и глобальной безопасности путем развития сотрудничества в политической, экономической, военной, технологической и других областях⁸.

В связи с этим новую китайскую концепцию безопасности можно трактовать следующим образом:

- в политической сфере — взаимное уважение друг к другу и проведение совместных консультаций; табу на навязывание своей воли другим;
- в экономической сфере — содействие совместному развитию в целях общего процветания;
- в культурной сфере — поиск объединяющего начала при наличии разногласий в интересах общего развития;
- в сфере безопасности — взаимное доверие, внедрение новой концепции безопасности, решение спорных вопросов путем диалога и сотрудничества.

28 мая 2003 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао во время визита в Москву подчеркнул необходимость «руководствоваться концепцией безопасности для достижения взаимодоверия, взаимной выгоды, равноправия, сотрудничества»⁹.

После смены руководства КНР в 2012 г. новая концепция безопасности Китая постоянно развивается и дополняется. На Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), состоявшемся в Шанхае 21 мая 2014 г., Председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении предложил взять курс на достижение «всеобъемлемости, сотрудничества, всеобщности и устойчивости»¹⁰.

В новой концепции безопасности внимание уделяется уточнению всеобъемлющей, всеобщей и устойчивой ее сущности по сравнению с тем, какой она была в период правления Ху Цзиньтао. Это не значит, что взаимодоверие, равноправие больше не важны, это значит, что они все равно являются краеугольными камнями развития китайской внешней политики при выходе ее на новый, более высокий уровень.

Стоит отметить, что в ходе внедрения новой концепции безопасности Китай придерживается принципа обеспечения государственного суверенитета и территориальной целостности. В докладе XVI съезда КПК отмечено, что защита государственного суверенитета и безопасности стоит по-прежнему на первом месте¹¹.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как новая модель регионально-сотрудничества уделяет приоритетное внимание вопросам безопасности.

Центральная Азия является одним из основных регионов сотрудничества государств — участников ШОС в сфере противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму.

Соглашение об укреплении доверия в военной сфере в районе границы, подписанное в апреле 1996 г., и Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе общей границы, подписанное в апреле 1997 г. главами России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, сформировали новую концепцию безопасности на принципах доверия, разоружения и сотрудничества, которая внесла большой вклад в региональную безопасность и стабильность, оказала серьезное влияние на международную систему безопасности и меняющееся мироустройство, постепенно став конструктивной силой в деле построения справедливого рационального международного политического и экономического порядка.

15 июня 2001 г. Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан официально подписали Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества на основе механизма «шанхайской пятерки», в которой четко прослеживались цели ШОС:

- укрепление взаимного доверия, добрососедства и дружбы между государствами-членами;
- поощрение сотрудничества стран-участников в политической, торгово-экономической, технологической, энергетической и других сферах;
- приложение совместных усилий для обеспечения мира, безопасности и стабильности региона;
- установление нового демократического справедливого рационального международного политического и экономического порядка¹².

Таким образом, ШОС не является военным блоком или экономическим союзом, а представляет собой организацию регионального многостороннего сотрудничества в различных областях для достижения общих интересов всех ее стран-членов. В то же время это способствует стабилизации власти, развитию экономики, повышению уровня жизни населения в соответствии со стремлением к развитию государств-участников организации.

По мнению заместителя директора Института международных отношений при Пекинском университете Ван Ичжоу, восприятие проблем безопасности не ограничено

национальным уровнем, а основывается на глобальной идее «человек превыше всего». В последние годы на первый план выходят такие вызовы, как нехватка ресурсов, демографический взрыв, ухудшение условий окружающей среды, этнические и религиозные конфликты, гражданские волнения, экономический и финансовый кризисы, терроризм, киберугрозы, распространение оружия и болезней, транснациональные преступления, контрабанда, незаконный оборот наркотиков и пр., которые ученые относят к нетрадиционным угрозам безопасности¹³.

На саммите ШОС, состоявшемся в Санкт-Петербурге 7 июня 2002 г., было подписано Соглашение о региональной антитеррористической структуре и принято решение о создании постоянного регионального антитеррористического органа со штаб-квартирой в столице Киргизии Бишкеке. Цель создания постоянной антитеррористической структуры ШОС состоит в содействии сотрудничеству сторон в борьбе против «трех зол» — терроризма, сепаратизма и экстремизма и укреплении взаимодействия государств-участников в области безопасности.

На этой встрече были определены конкретные направления, средства и принципы противодействия трем вышеуказанным «злам», что заложило прочную правовую базу сотрудничества сторон и подняло ШОС на обновленный, более высокий уровень на международном арене.

На заседании министров обороны государств — участников ШОС в 2012 г. министр обороны КНР Лян Гуанле предложил четыре основных принципа дальнейшего развития обороны и сотрудничества в области безопасности:

1) неуклонно придерживаться «шанхайского духа», разворачивать работу по обороне и сотрудничеству в сфере безопасности на основе равенства, взаимного уважения, консенсуса;

2) настаивать на развитии сотрудничества в борьбе с «тремя злами» в целях усиления противоборства с актуальными вызовами для укрепления организационного оперативного потенциала ШОС;

3) сосредоточить внимание на институциональном строительстве, стремиться к созданию и совершенствованию нового открытого и гармоничного механизма обороны и сотрудничества в области безопасности;

4) рассматривать оборонное сотрудничество в сфере безопасности как связующее цивилизационное звено стран — членов ШОС¹⁴.

Китайская концепция безопасности отличается всеобъемлющим характером, соответствует актуальным требованиям национальных интересов, общим интересам в вопросах выживания и развития человечества во всем мире на разных уровнях. С 2001 г. постепенное разворачивание сотрудничества в сфере безопасности и содействие военному и политическому доверию в рамках ШОС весьма актуальны для сохранения региональной безопасности, подтверждением чему является:

1. Обеспечение безопасности и стабильности в Центральной Азии — одно из приоритетных направлений ШОС. Данная организация активно реагирует на различные вызовы и угрозы региональной безопасности, придерживаясь концепции доверия, взаимной выгоды, равенства и сотрудничества. В 2002 г. Устав ШОС обозначил защиту мира, укрепление безопасности и доверия в регионе как важнейшее направление¹⁵.

2. Укрепление дружественных отношений стран-членов. В 2007 г. государствами-членами ШОС был подписан договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в котором зафиксирована идея вечного мира и дружбы в правовой форме, установлены неконфронтационные отношения сотрудничества между странами¹⁶.

3. Решение важных вопросов региональной безопасности путем консультаций и диалога. Активный поиск основ для регионального сотрудничества в сфере безопасности и поддержание безопасности и стабильности в регионе путем равноправного диалога.

4. Сдерживание экспансии США и НАТО в Центральную Азию. 5 июля 2005 г. было принято заявление глав государств — участников ШОС. В нем отмечалось, что с учетом завершения крупномасштабных военных операций по борьбе с терроризмом в Афганистане сторонам антитеррористической коалиции необходимо определить последний срок использования инфраструктур стран-членов ШОС и пребывания военных баз в этих странах¹⁷.

5. Деятельность в целях содействия региональной безопасности и стабильности. С момента создания Шанхайской организации сотрудничества проведен целый ряд двусторонних и многосторонних совместных антитеррористических учений. Например, в 2002 г. состоялись многократные двусторонние совместные военные учения, в 2007 г. были проведены многосторонние совместные военные учения «Мирная миссия-2007». Эти военные учения в рамках ШОС сыграли сдерживающую роль в противодействии «трем злам», а также незаконному обороту наркотиков и транснациональной преступности в Центральной Азии, и оказали содействие развитию региональной среды в благоприятном направлении.

Кроме того, активно улучшается общая система безопасности, приложены усилия для сохранения общей безопасности государств-членов за счет расширения сфер сотрудничества в рамках ШОС. ШОС как стратегический центр в Центральной Азии достигла выдающихся результатов в плане взаимного доверия, установления механизмов безопасности, укрепления экономических и культурных обменов и повышения своего международного влияния¹⁸.

Экономическое сотрудничество — одно из приоритетных направлений многосторонней деятельности ШОС. Развитие экономики соответствует общим стремлениям государств-участников, которые находятся в процессе структурной перестройки своей экономики и сталкиваются с неотложной задачей экономического развития. Экономические механизмы сотрудничества ШОС заложили прочную правовую базу дальнейшего взаимодействия в этой сфере.

14 сентября 2001 г. на первой встрече глав правительств государств — членов ШОС было предложено считать общей целью безопасного экономического сотрудничества развитие регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС, повышение экономической мощи региона, улучшение места региона в мировой политэкономической структуре в соответствии с экономической глобализацией и региональной экономической интеграцией¹⁹.

Значение развития экономического сотрудничества в рамках ШОС видно из нижеперечисленных пунктов.

- 1) содействие общему развитию региональной экономики;
- 2) укрепление добрососедских отношений между государствами-членами;
- 3) повышение конкурентоспособности ШОС на международной арене;
- 4) совместное реагирование на внешние вызовы.

После «цветных революций» в Центральной Азии в 2003 г. США подкорректировали стратегию в данном регионе, уменьшив военную поддержку и укрепив экономическое сотрудничество. С учетом американского экономического и военного превосходства Китай активно развивает сотрудничество со странами региона, максимально используя собственные преимущества.

Отношения Китая со странами Центральной Азии имеют давнюю историю: известный древний Шелковый путь тесно связал 2000 лет назад их цивилизационное многообразие. Развитие гуманитарных связей на основе исторических корней имеет большую перспективу для Китая. Тем не менее гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС существенно уступает темпам экономического развития. Как считают исследователь Азиатско-Тихоокеанского регионального и глобального стратегического института исследований при Академии общественных наук Китая Сюй Липин и профессор Института международных

отношений при Пекинском университете Вэй Минь, культурные обмены между Китаем и соседями во многом отстают от развития торгово-экономической сферы²⁰.

В рамках ШОС активно осуществляется культурное сотрудничество в духе «уважения к культурному разнообразию и процветания культурного многообразия». В 2005 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао отметил на саммите в Астане, что определение «гуманизм» охватывает культурную, образовательную, технологическую и туристическую сферы. 16 августа 2007 г. состоялся саммит глав государств стран — членов ШОС в Бишкеке, в ходе которого было подписано Соглашение о сотрудничестве в области культуры. В нем определены сфера, механизм, формы и способ разрешения спорных вопросов²¹. Это заложило прочную правовую основу гуманитарного сотрудничества стран — членов ШОС.

Значение культурного сотрудничества, осуществляемого в рамках ШОС, состоит в следующем:

1) укрепление традиционной дружбы и взаимопонимания государств-членов организации;

2) сдерживание проникновения внешних сил;

3) содействие сотрудничеству в области безопасности, экономики и торговли.

Следует отметить, что в последние годы в ШОС значительно усовершенствована комплексная составляющая и усиливается создание механизмов в разных сферах.

На современном этапе новая китайская концепция безопасности показывает, что усиление политического взаимодоверия, содействие общему процветанию в процессе развития глобализации приносят практические преимущества всем народам.

ШОС как инструмент внедрения новой концепции безопасности Китая в Центральной Азии стремится к построению всеобъемлющей, всеобщей и устойчивой безопасности в регионе. Большое внимание уделяется продвижению процесса экономического развития, укреплению стратегического партнерства, расширению сфер сотрудничества, усилению взаимодействия в энергетической, гуманитарной, технологической и других сферах. Прилагаются усилия для формирования мирного и стабильного региона в интересах устойчивого общего процветания.

ШОС демонстрирует мирный, открытый и прогрессивный стиль, придерживаясь «шанхайского духа взаимного доверия, взаимовыгоды, равенства, уважения к культурному многообразию, стремления к общему развитию», играет важную роль в региональном сотрудничестве в разных областях и становится одной из реальных сил, оказывающих влияние на современные международные отношения.

-
1. *Chu Shulong*. The basic content of international relations // Beijing: Tsinghua University Publishing House, 2003. P. 290.
 2. *Luo Yuan*. Two concepts of security, two security regimes // Journal of World Economy and Politics. 2001. No. 3. P. 30.
 3. *Liu Guoxin*. Formation and practice of the new concept of China's security // Journal of Ideological and Theoretical Education. 2006. № 1. P. 63.
 4. *Yu Jianhua*. Shanghai Cooperation Organization and the new concept of security // Journal of the theory of Mao Zedong and Deng Xiaoping. 2005. № 3. P. 79.
 5. *Jiang Zemin*. Applications of joint efforts to create a just and rational new international order [N] // People's Daily. 24.04.1997.
 6. *Jiang Zemin*. Speech at the Conference on Disarmament in Geneva — Advancing the disarmament process to preserve international security [N] // People's Daily. 27.03.1999.
 7. Position paper on China's new security concept [N] // People's Daily. 02.08.2002.
 8. *Liu Guoxin*. Op. cit. P. 65–66.

9. *Hu Jintao*. Eternal good-neighborliness and friendship, common development and prosperity. // Xinhua website. 28.05.2003. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2003-05/29/content_891423.htm (дата обращения: 04.10.2017).
10. Three important speeches by Chairman Xi Jinping at the CICA // People's network. 04.24.2016. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2016/0429/c1002-28313020.html> (дата обращения: 04.10.2017).
11. *Jiang Zemin*. Report of the 16th Congress of the CPC. 08.11.2002 // Base of the next all-China congresses of the CPC. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429125.html> (дата обращения: 25.04.2017).
12. Declaration on the establishment of the Shanghai Cooperation Organization // People's network. 15.06.2001. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/8198/136846/136849/8219047.html> (дата обращения: 10.04.2017).
13. *Wang Yizhou*. Great attention is paid to research on non-traditional security // People's network. 17.05.2006. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/40764/63787/63791/4380641.html> (дата обращения: 10.04.2017).
14. The meeting of the SCO defense ministers was held in Beijing // Xinhua website. 04.04.2012. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2012-04/24/c_111836306.htm (дата обращения: 04.04.2017).
15. The charter of the Shanghai cooperation organization // People's network. 15.06.2002. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/8198/136846/136849/8219057.html> (дата обращения: 10.04.2017).
16. Long-Term Neighborhood Treaty on Friendship and Cooperation // People's network. 16.08.2007. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/1026/6123742.html> (дата обращения: 04.10.2017).
17. Declaration of the heads of the SCO member countries // People's network. 06.07.2005. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/1024/3519776.html> (дата обращения: 10.04.2017).
18. *Zhang Xiao*. The situation in Central Asia and the development trend of the SCO // Journal of International Observation. 2010. № 5. P. 14.
19. "A joint communique was adopted at the meeting of the heads of state of the SCO member states" // Xinhua News Agency. 14.09.2001.
20. *Xu Liping, Wei Min*. Current situation, problems and solutions in the course of China's humanitarian exchanges with neighboring countries // The international strategic research institute of Beijing university. No. 2. P. 3.
21. SCO member states signed an agreement on intergovernmental cultural cooperation // Xinhua News Agency. 16.08.2007.

Дискуссионная трибуна

Ситуация вокруг Корейского полуострова: время трудных выборов

© 2017

К.В. Асмолов

Проведение очередного северокорейского ядерного испытания и запуск в КНДР межконтинентальных баллистических ракет подвели черту под периодом неопределенности, когда великие державы могли рассчитывать, что ядерная проблема Корейского полуострова разрешится сама собой. В сложившейся ситуации КНДР, США, КНР, РФ, Южная Корея и Япония оказываются перед неотвратимым и неприятным выбором. В статье анализируются причины и последствия подобного выбора и факторы, способные повлиять на него.

Ключевые слова: ядерное оружие, КНДР, геополитика, проблема безопасности, выбор большего или меньшего зла.

Суть принятой в США во времена Обамы политики «стратегического терпения» основывалась на трех тезисах: а) что ядерную программу Северная Корея сдаст только одновременно со сменой режима; б) что находящаяся в условиях экономического кризиса КНДР вряд ли обеспечит серьезный прогресс своей ядерной программы; в) что КНДР является «колоссом на глиняных ногах» и вполне может развалиться от внутренних потрясений.

«Стратегическое терпение» заключалось в том, чтобы не предпринимать каких-либо попыток серьезного урегулирования проблемы, одновременно усиливая санкционное давление в расчете на то, что режим развалится и вопрос будет снят сам собой.

Северная Корея, однако, вполне осознавала, что с ней собираются сделать, и удвоила усилия по строительству оборонного потенциала.

Выбор КНДР

Северная Корея видит себя «в кольце врагов» и имеет достаточно резонанс воспринимать ситуацию именно так. С точки зрения официальной позиции Республики Корея, закрепленной в конституции страны и в ряде актов наподобие Закона о национальной безопасности, Северной Кореи как государства попросту не существует. Территория РК состоит из Корейского полуострова и прилегающих островов (ст. 3 Конституции РК,

редакция 1987 г.¹), однако северные провинции страны контролирует «антигосударственная организация»². Тем не менее Республика Корея формально осуществляет управление на захваченных территориях через так называемое Управление пяти северных провинций³, чиновники которого займут свои места, как только «порядок будет восстановлен».

Официальной стратегией Юга в отношении Севера является «поглощение», и в течение последних 10 лет объединенная страна рассматривалась только как «еще большая Республика Корея». Даже проводимая Ким Дэ Чжуном и Но Му Хёном «политика солнечного тепла» предполагала достижение той же цели лишь несколькими иными средствами. При этом установка на ликвидацию КНДР находит отражение не только в заявлениях политиков, но в систематических крупномасштабных южнокорейских и южнокорейско-американских военных учениях, на которых отрабатываются не оборонительные, а наступательные действия.

Северокорейская концепция объединения также включает в себя весьма эфемерный вариант «Демократической Конфедеративной Республики Корё», но не предполагающий «коммунизацию Юга». Хотя государственная идеология КНДР в значительной мере замешана на национализме, в ней отсутствуют установки на «расширение жизненного пространства» или рассуждения «о нашей Маньчжурии»⁴, которые занимают существенное место в концепциях националистов РК.

В течение долгого времени Северная Корея была и остается объектом демонизации со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Любая, даже самая безумная информация о КНДР, опубликованная в западной печати, бывает воспринята некритически и находит свою аудиторию. С точки зрения значительной части американской аудитории атеистический коллективизм и культ вождей Северной Кореи безоговорочно воспринимается как империя Зла.

Добавим к этому достаточно искаженное представление о соотношении военных потенциалов Севера и Юга. То, что Северная Корея занимает 4-е место по численности армии, упоминают часто, забывая, что значительная часть Корейской народной армии (КНА) — это не столько боевые части, сколько универсальный мобилизационный резерв. В то же время армия Республики Корея занимает 6-е место по численности, а военный бюджет РК превосходит северокорейский в среднем в 25 раз, что отражает ее преимущество и делает изначально бесперспективными попытки Севера сравняться с Югом на этом поприще. Помимо этого, согласно Договору о взаимной обороне, подписанному между США и РК в 1953 г., в случае агрессии КНДР США не просто обязаны защищать Юг всеми возможными средствами, но южнокорейская армия подчиняется не президенту РК, а американскому командованию. Наконец, со времени, когда КНДР была записана в страны-изгои, она находится в списке целей американского стратегического ядерного оружия, несмотря на то, что изначально не была ядерным государством.

Аналогичных союзников у КНДР нет. Хотя формально у КНДР и КНР имеется договор, согласно которому Пекин может оказать Пхеньяну военную помощь, внутри Китая эта тема дискуссионная, и рассчитывать на его немедленную помощь без предварительных условий Северная Корея не может.

Примечательно, что «железный занавес» работает в обе стороны. Подобно тому, как закрытость страны порождает странные представления о том, как выглядит ее внутренняя жизнь, взгляды принимающих решения северокорейских лидеров имеют сходный уровень искажений относительно политики США и их союзников в корейском вопросе. Тем более что они получили ряд предметных уроков, увеличивающих их недоверие к мирным инициативам вероятного противника. Можно вспомнить судьбу Рамочного соглашения 1994 г., которое не было выполнено американской стороной (дипломатического признания не произошло, поставки мазута были прекращены по политическим соображениям, был построен только фундамент реакторов на легкой воде, исключаяющих их использование в военных целях)⁵; перечеркнутый комплекс итогов межкорейских самми-

тов 2000 и 2007 г. и судьбу договоренностей в рамках шестисторонних переговоров, принятых в 2007–2008 гг.

Другие предметные уроки северокорейцы черпают из опыта стран, которым попытались «принести демократию на кончиках ракет». Урок Ирака состоял в том, что если «у мирового сообщества» возникли подозрения в тайной разработке оружия массового поражения, попытки убедить его в обратном будут безуспешны. Урок Сирии показывает, что, даже несмотря на наличие влиятельных и серьезных союзников, ситуация может закончиться долгой гражданской войной с неопределенными шансами на победу. В Ливии за сданную ядерную программу режим Каддафи получил существенно больше, чем в свое время предлагали Ким Чен Ир (включая полное забвение былых прегрешений). И вплоть до начала арабской весны ливийский сценарий постоянно муссировался как положительный пример того, как можно решить ядерную проблему КНДР, если бы Пхеньян был более сговорчивым. Свержение режима Каддафи и то, что происходит в современной Ливии, разом пресекло все подобные разговоры.

Есть сложности и с возможным «уроком Ирана». Да, там не ставился знак равенства между отказом от ЯО и ликвидацией режима, а Иран хотел поднять экспорт газа и нефти, повышая свое благосостояние. Но, во-первых, ядерная программа Тегерана была в самом начале, и он мог разменять ее на снятие санкций, ничего не теряя⁶. Во-вторых, КНДР не является страной, живущей за счет экспорта стратегического ресурса, структура ее экономических связей совсем иная. В-третьих, наблюдая за отношением к иранской сделке представителей нового руководства США, не исключен вариант, когда ее условия будут внезапно пересмотрены по аналогии с судьбой поставок мазута согласно Рамочному соглашению.

Таким образом, руководство КНДР имеет право предполагать, что не только режим, но и национальный суверенитет страны собираются уничтожить и сделают это при первой возможности. При этом Северная Корея не может апеллировать к институтам международного права, которые дискредитировали себя со времен вторжения в Югославию, или к союзникам, способным гарантировать ее защиту.

Такое положение не оставляет Северной Корее выбора. Ее стратегия заключается в том, чтобы, максимально вложившись в создание ракетно-ядерного потенциала, выйти на тот уровень «надежного сдерживания», при котором попытка решить северокорейский вопрос силой оружия однозначно встретит ядерный ответ, способный обнулить любые успехи противника.

Считая себя ядерной державой⁷, Северная Корея рассчитывает, что когда она «проскочит» окно уязвимости, Соединенные Штаты будут вынуждены договариваться с ней хотя бы из-за невозможности силового ответа, и затем отношения двух стран будут развиваться по модели американо-советского или американо-китайского противостояния.

Однако подобная стратегия весьма рискованна. Во-первых, действия КНДР наносят серьезный удар по существующей архитектуре безопасности. В первую очередь, это демонстративное игнорирование резолюций СБ ООН, которые имеют юридическую силу и обязательны к исполнению. Во-вторых, желание Северной Кореи объявить себя ядерной державой подрывает модель миропорядка, при которой ядерное оружие разрешено только тем, «кому следует»⁸. К тому же Северная Корея успела побывать членом Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). С формальной точки зрения это является неприятным прецедентом.

Если проблема Северной Кореи не будет решена, успех северокорейской стратегии приведет к тому, что по пути создания ядерного оружия пойдут практически все видные региональные игроки, которые решат таким образом обеспечить свою безопасность. Применительно к Северо-Восточной Азии это могут оказаться Южная Корея⁹, Япония, а в перспективе — и Тайвань, что является страшным сном для Пекина и ставит крест на концепции «одного Тайваня». При этом, учитывая наличие мирного атома и общего

инженерно-технического состояния РК и Японии, после принятия соответствующего решения эти страны могут обзавестись первыми плодами своей ракетно-ядерной программы в течение полутора-двух лет.

Подобная угроза ставит Москву и Пекин в очень неприятное положение. С одной стороны, мотивы, вынуждающие Северную Корею двигаться в данном направлении, весьма понятны, как и то, что ЯО КНДР не направлено против России или Китая. С другой, как члены постоянного комитета Совбеза ООН, Россия и Китай не могут не осуждать северокорейские амбиции, категорически не признавая статус КНДР как ядерной державы. Именно поэтому санкционные резолюции Совбеза ООН всякий раз принимались единогласно.

Северокорейская активность создает региональную дилемму безопасности, усиливающую гонку вооружений в АТР. Отражением этого является и постепенная ремилитаризация Японии, и использование северокорейской угрозы для усиления американских стратегических позиций в регионе, которое направлено не только против КНДР. Наиболее яркий пример последнего времени — размещающаяся в РК система американского ПРО THAAD, что вызывает явное недовольствие Китая.

Выбор США

Вопрос о том, какой должна быть американская стратегия по данному поводу, начал широко обсуждаться еще до Трампа, и эксперты, естественно, предлагают разные варианты¹⁰. Однако, несмотря на кажущийся широкий спектр «ответов на северокорейский вызов», выбор вариантов на деле сводится к двум. Либо признание ядерного статуса КНДР, либо тот или иной вариант смены режима, неизбежно ведущий к открытой конфронтации. Учитывая, что ядерный статус внесен в основной закон страны, денуклеаризация без ликвидации нынешнего политического строя Северной Кореи невозможна.

Оставить все как есть, усиливая санкции и рассчитывая, что рано или поздно режим развалится, — эта тактика уже не сработала и вряд ли будет работать. Ужесточение санкционной политики пока не дает ожидаемых результатов: Северная Корея научилась существовать в режиме санкций, частично обходя их, частично используя импортозамещение. Кроме того, далеко не все страны готовы соблюдать санкционный режим. Если же превратить санкции в полномасштабную финансовую торговую и транспортную блокаду, это будет фактически попыткой смены режима путем провоцирования внутренних беспорядков или внешней конфронтации.

Превентивный удар по ядерным объектам КНДР не останется безнаказанным. На «покушение» там не смогут не отреагировать. Если атаковать не только ядерные объекты, но и средства потенциального «ответного удара», речь пойдет о крупномасштабной военной операции.

То же касается попытки сбить северокорейскую МБР во время ее испытаний. Ответная реакция Пхеньяна на такую атаку может быть аналогична атаке на ядерные объекты.

Не получится и сменить режим малой кровью. Серьезная работа по дестабилизации режима и организации там «цветной революции» вряд ли будет успешна в КНДР: для гипотетического майдана не хватает предпосылок, не говоря о возможной инфраструктуре¹¹. Более того, оптимизация оборонных расходов в сочетании с комплексом иных внутривнутриполитических мер, начала повышать качество жизни северокорейского народа, что позволяет населению сравнить ситуацию с временами «трудного похода» и сохранять лояльность существующему строю.

Если ядерный статус КНДР будет признан, неприятные последствия этого решения можно суммировать следующим образом.

1. Это будет серьезный удар по режиму нераспространения ядерного оружия. Особенно с учетом того, что КНДР сначала вступила в ДНЯО, а потом вышла из него. Кроме того, признание ядерного статуса КНДР может привести как минимум к региональной ядерной гонке.

2. Падение режима НЯО наносит удар по возможностям Америки как мирового гегемона — существующий миропорядок во многом строится на американском доминировании, в том числе за счет ядерного потенциала. Даже если Америка и останется гегемоном, навязывать свою волю ядерному государству и исполнять роль мирового полицейского ей станет гораздо сложнее.

3. Нет никакой гарантии того, что после признания ядерного статуса КНДР «северокорейская угроза миру» не будет увеличиваться. В США многие уверены, что в этом случае КНДР будет и далее «шантажировать» мировое сообщество, начнет продажу ядерных технологий международному терроризму или решит атаковать Юг.

4. Кроме того, признание ядерного статуса означает и признание существования КНДР, с которой у Америки до сих пор нет дипломатических отношений. Между тем, наблюдая позицию Сеула в отношении попыток Японии установить диалог с КНДР, любой шаг вперед к установлению официальных экономических и политических связей Севера и Америки может привести к существенному ухудшению американо-южнокорейских отношений.

Если США всерьез переходят к конфронтации с Севером, то:

1. Слишком велик риск затяжной войны, которая повлечет ряд последствий, включая риск потерь, и высокую вероятность серьезного ущерба, который может быть нанесен Южной Корее. «Превентивный обезоруживающий удар» может не достичь цели. Не случайно значительная часть американских военных отмечает, что военная операция против КНДР не только не будет «легкой прогулкой», но может оказаться не менее тяжелой противостоянием, чем Корейская война 1950–1953 гг.

2. Существует риск того, что региональный конфликт перерастет в нечто большее. Как минимум, КНДР удастся нанести ответный (и потенциально ядерный) удар по континентальной территории США. Максимум сведется к вовлечению в конфликт КНР и РФ с перерастанием войны в третью мировую. Москва и Пекин вряд ли поддержат инициирование конфликта Севером, но что будет, если войну начнут США?

3. Даже победа США и их союзников в таком конфликте не принесет немедленного благолепия и демократии. Восстановление разрушенного войной. проблемы беженцев, еще большие проблемы с обеспечением лояльности населения Севера — все это сделает процесс послевоенной стабилизации ситуации долгим, трудным и дорогим.

4. Потенциальное восстановление Японии и РК после северокорейских ударов ставит вопрос: «Будет ли американское руководство готово к такому количеству ущерба у своих союзников?». Только атаки на атомные электростанции данных стран могут стать причиной экологической катастрофы, превосходящей Чернобыль или Фукусиму.

5. Наконец, если приготовления к конфликту будут очевидны и станут понятно, что он неизбежен, руководство КНДР может и действительно заняться ядерным распространением или ядерным терроризмом.

Куда в такой ситуации склонятся весы? Выбор сложен, но у воинственного подхода больше аргументов, чем у диалога, и причин тут несколько.

1. Личностный фактор, связанный с определенной зависимостью политиков от общественного мнения.

2. Последствия демонизированности режима: политик, побеждающий «патентованное зло», будет иметь более высокий рейтинг, чем тот, кто посмеет с этим «злом» договариваться.

3. Проблема дезинформированности. Возможности собирать реальные данные о положении дел в КНДР Америка не имеет. В лучшем случае, речь идет о данных технической разведки, но и они нуждаются в интерпретации¹².

4. Иллюзия защищенности, связанная с разработками ПРО. Не военные, но политики могут полагать, что население США будет наблюдать конфликт по телевизору.

Подобное потенциальное скатывание к силовому решению не связано напрямую со сменой власти в Белом доме и приходом Дональда Трампа в Овальный кабинет. Это лишь катализировало процесс, но не следует думать, что в сложившейся ситуации администрация Х. Клинтон вела бы себя иначе.

Как влияет на вероятность силового решения «фактор Трампа»? Во-первых, речь идет о недостаточном экспертном сопровождении принимаемых решений. Администрация президента еще не сформирована полностью, и это означает, что ее экспертно-аналитический аппарат не может работать с должной степенью эффективности. Вероятность волюнтаристских решений, принимаемых в подобной ситуации, повышается.

Внутриполитическая ситуация в США существенно сокращает Трампу пространство для маневра. Первичной для него является программа внутриполитических реформ, но для того, чтобы ее осуществить, президент должен достичь минимального консенсуса с общественным мнением, СМИ и теми бюрократическими кругами, которые фактически саботируют его внутриполитические решения. Таким образом, оптимальной для Трампа остается позиция «решительного президента», что повышает вероятность силового решения.

Понятно, что тяжелый выбор делать не хочется, и американская администрация пытается искать некий третий путь. Пока он сводится к тому, что, заявляя о крахе политики «стратегического терпения», американское руководство продолжает ее, лишь слегка видоизменив «обертку». Север по-прежнему пытаются придушить при помощи санкций, как международных, так и односторонних. Ставка во многом сделана на так называемый вторичный бойкот, когда любая страна или компания, которая пытается вести дела с КНДР, ставится перед жестким выбором: «ты кому друг, мне или ему?». В первую очередь, объектом подобного давления является Китай.

Выбор Китая

В Пекине понимают, что «хорошего» решения у проблемы нет. Призывать к ее решению политико-дипломатическим путем можно долго, но безрезультатно. Восстановление процесса шестисторонних переговоров связано с вопросом, что теперь на них обсуждать: в сложившейся ситуации денуклеаризация возможна только вместе со сменой режима, зафиксировавшего ядерный статус в своей конституции. Но действия северокорейского руководства диктуются не злой волей Ким Чен Ына, а геополитическим трендом, менять который не менее сложно, чем добиваться смены северокорейской позиции.

Северокорейская карта играет роль и во внутриполитической ситуации в КНР. Осенью 2017 г. на XIX съезде КПК ожидается довольно жесткое обсуждение путей развития страны и борьба за власть между Си Цзиньпином и его противниками, и Китаю желательно определиться с выбором стратегии по северокорейскому вопросу до указанного срока.

Кроме того, на фоне становления Китая как ответственной глобальной державы его участие в войне 1950–1953 гг. приобретает важное пропагандистское значение. Во-первых, Корейская война позиционируется как одна из войн, в которой Китай спасал или пытался спасти корейскую государственность от внешнего вторжения и внутренней смуты. Во-вторых, войной 1950–1953 гг. закончился «век позора». Новый Китай не просто встал на ноги, но нанес поражение захватническим планам Запада — впервые со времени опиумных войн.

Как и США, КНР пытается определить ту «красную линию», за которой Китай будет вынужден любой ценой защищать безопасность и стабильность Северо-Востока. Судя по статье в «Хуанцю шибао» от 5 апреля 2017 г.¹³, таковой является ситуация когда:

- а) северокорейская ядерная активность «загрязняет» китайский Северо-Восток, включая радиоактивные осадки после применения ЯО;
- б) в результате гуманитарной катастрофы или внутренней нестабильности образуется большой поток беженцев из КНДР;
- в) на границе с Китаем появляется враждебный КНР режим или американские войска выходят на реку Ялу/Амнокан.

Можно вспомнить и о том, что в 2006–2007 гг. в Китае разрабатывали планы вторжения в КНДР. Правда, введение войск рассматривалось только как ответ на уже случившийся коллапс режима для предотвращения потока беженцев или обеспечения безопасности оказавшихся бесконтрольными ядерных боезарядов и расщепляющихся материалов¹⁴.

В среднесрочной перспективе существует три варианта принятия решений.

1. Китай сохраняет Северную Корею, но меняет тамошний режим на прокитайский.
2. Китай признает ядерный статус КНДР и отказывается от мер, направленных на ее сдерживание, содействуя таким образом существенным изменениям миропорядка.
3. В союзе с Соединенными Штатами Китай ведет дело к смене режима, предполагающей неизбежное поглощение Севера Югом.

Более реально рассматривать второй и третий варианты, поскольку в первом встает вопрос о методах. Как показывает опыт, политические уговоры не действуют, потому что когда речь идет об обеспечении суверенитета страны, КНДР не слушает никого, а развитие ракетно-ядерной программы воспринимается Пхеньяном как единственный способ избежать силовых действий по смене режима.

Если Пекин будет поддерживать Север против США, неприятности могут заключаться в следующем.

1. Используя северокорейскую угрозу как повод, Соединенные Штаты будут усиливать свои позиции в регионе и наращивать там военную инфраструктуру, направленную не столько против КНДР, сколько против КНР. ТНААД в этом контексте воспринимается как «первая ласточка».

2. Упорствование в поддержке Севера «сжигает мосты» и окончательно переводит отношения двух стран в состояние конфликта. Существенно снижается возможность того, что в краткосрочной или среднесрочной перспективе во взаимоотношениях Пекина и Вашингтона сотрудничество возобладает над конфронтацией. Ведь сотрудничество означает относительное сохранение статус-кво, когда разногласия между двумя странами, если и существуют, то на допустимом уровне, а потенциал экономического взаимодействия нивелирует политические разногласия.

3. Активизация поддержки Северной Кореи может повлечь за собой распространение на Китай тех или иных санкционных мер.

4. По мнению ряда китайских экспертов, открыто бросать вызов Америке Китай пока не готов. Теоретически время работает на него, но чем раньше дело дойдет до военного столкновения, тем меньше Китай будет готов к нему. Существует опасение, что американцы уже используют северокорейский козырь, чтобы навязать Китаю противостояние на более выгодных условиях.

5. Кроме того, поддержка ядерных амбиций Севера размывает статус-кво, построенный на авторитете ООН и на концепции нераспространения ЯО, теоретически ограничивающей ядерный клуб большой пятеркой. При существующем порядке КНР занимает довольно весомое место, и вопрос в том, насколько в случае противостояния новый миропорядок будет для Пекина выгоднее прежнего.

Соответственно, главный риск для КНР в этом варианте — втянуться в конфликт в невыгодной для себя позиции либо разрушить тот миропорядок, который дает ему определенные бонусы.

Вроде бы, отказаться от поддержки Севера хватает весомых причин. Однако возникает вопрос: что если линию на противодействие Китаю Соединенные Штаты будут продвигать вне зависимости от того, какова будет китайская политика в северокорейском вопросе? Если уступки будут восприниматься как должное, а политика США по сдерживанию КНР останется неизменной? Совершенно не очевидно, что в ответ на новый раунд уступок или совместных действий против КНДР Вашингтон свернет критику Китая по другим направлениям.

Если Китай начинает сотрудничать с США против Севера, что может привести к смене режима, а точнее, к ликвидации КНДР, его ждут другие неприятности.

1. Для Пекина мало приемлем вариант, при котором в ходе военного конфликта на территории северной части полуострова или поглощения Севера Югом Китай становится объектом не только для потока беженцев, но и для организованной преступности или террористических организаций, которые будут пытаться «бороться с южнокорейскими оккупантами с его территории». Все это будет вынуждать Китай тратить на урегулирование проблем большой объем сил и ресурсов, которые гораздо нужнее дома.

2. В случае «расширения РК на Север» буферная территория в лице КНДР теряется, а Соединенные Штаты получают чрезвычайно удобный плацдарм, с которого можно эффективно угрожать китайским интересам в Северо-Восточном регионе. Вряд ли в случае объединения Кореи американские войска немедленно покинут ее. Скорее всего, они переберутся и на Север, например, «для борьбы с незаконными вооруженными формированиями прежнего режима», а американские военные базы могут оказаться на границах КНР. В случае конфликта это очень серьезное усиление американской позиции.

3. Объединенная Корея сама по себе не очень устраивает Китай как региональную державу. Во-первых, утрата условного вассала — большой удар по престижу, чем неспособность его полностью контролировать. Во-вторых, идеологией объединенной Кореи, скорее всего, будет агрессивный национализм, и это может означать интенсификацию попыток превращения корейской диаспоры КНР в пятую колонну. Можно ожидать и оживления территориальных споров вплоть до реанимации претензий на район Цзяньдао, или, как минимум, государственной поддержки исторических претензий, включающих представления о том, что древнекорейские государства занимали значительную часть современного Китая.

4. После исчезновения Северной Кореи следующей по «уровню нарушений прав человека» страной оказывается КНР, в отношении которой уже существует целый ряд расхожих мифов, начиная от поедания младенцев и заканчивая распиливанием на органы политических заключенных. Фалуньгун может оказаться куда более серьезным дестабилизирующим фактором, чем «христианское сопротивление» в КНДР, существование которого пытаются доказать борцы с Пхеньяном.

Теперь о факторах, которые могут склонить мнение китайского руководства в ту или иную сторону. В целом оно достаточно хорошо информировано о внутривнутриполитической ситуации в КНДР и принимает свои решения, не завися от популистской реакции общественного мнения.

Тактика Китая определяется соотношением и взаимозависимостью двух тенденций. Первая связана с противостоянием КНР и США, в рамках которого Северная Корея не столько союзник, сколько враг врага или некое буферное пространство между американскими войсками в Южной Корее и Северо-Востоком КНР. Вторая — усиливающиеся «державные настроения» и переход Китая к внешнеполитической модели, в рамках которой окружающие «малые страны» должны учитывать интересы Пекина и не противоречить им: с этой точки зрения можно говорить об уровне раздраженности Пекина дейст-

виями Пхеньяна, который, проводя самостоятельную политику, не желает учитывать китайские интересы.

Кроме того, внутри китайского руководства может сохраняться определенное противоборство между сторонниками идеологического и прагматического подходов, хотя прагматический подход доминирует. Несмотря на то, что Китай всегда старается действовать проактивно, в определенных ситуациях он вынужден «играть вторую скрипку», отвечая на шаги США по «решению корейского вопроса» так, как они считают нужным. Поэтому в случае, если Соединенные Штаты пойдут по пути эскалации, политика Пекина будет вынужденно сориентирована на принятие ответных мер.

Пока китайская позиция сводится к жестким заявлениям как в отношении КНДР, так и в отношении США. В каждом из случаев Пекин пытается использовать определенные рычаги давления.

В случае с КНДР это определенный набор угроз экономического характера¹⁵, хотя непонятно, насколько эти угрозы возымели действие.

Что касается США, то Китай старается, как минимум, довести до Вашингтона некую информацию, а также предлагает проект «двойной заморозки»¹⁶, который на определенном этапе был северокорейской инициативой. Однако реализация подобного плана находится под вопросом даже с поправкой на перемену власти в Сеуле. В результате Соединенные Штаты, похоже, недооценивают решимость Пекина, считая, что им удалось перетянуть китайское руководство на свою сторону.

Факторы иррациональности

К ситуации двойного трудного выбора, который стоит перед Вашингтоном и Пекином, добавляется формально незначительный, но важный компонент. Дилемма безопасности и увеличивающееся напряжение повышают вероятность конфликта на полуострове в результате не только рационального решения, принятого руководством страны, но и вследствие тех факторов, которые можно условно назвать «иррациональными»¹⁷.

Такой термин используется потому, что обычно, анализируя модель взаимодействия двух государств, предполагается, что:

а) каждая сторона внимательно изучает другую, стремится ее постичь, обрести максимально полный объем информации о ней, соответствующий объективной реальности;

в) политические деятели исходят из модели рациональных действий, и личные предпочтения, эмоции, идеологические шоры имеют дополнительное, но не определяющее, значение;

с) центральная власть обладает достаточным уровнем контроля своих региональных подразделений, чтобы пресекать «дурацкие инициативы» и опасную самодеятельность, так что ключевые решения, особенно способные привести к обострению, принимаются после консультаций с Центром.

К сожалению, в отношениях Северной Кореи с окружающим миром это далеко не так. «Железный занавес» работает в обе стороны, порождая искаженное представление о том, что находится по другую его сторону.

На примере КНДР это виднее. Количество людей, допущенных к информации о внешнем мире, невелико, и она строго фильтруется. В такой ситуации уровень правильного понимания информации об окружающем мире и принципах его функционирования невысок. А это означает, что действия оппонентов могут трактоваться исходя из неверного целеполагания.

Но похожая проблема существует и для представителей Запада применительно к КНДР. Заключение экспертов основывается на данных, которых обычно бывает недостаточно для того, чтобы делать выводы, опираясь исключительно на них. Поэтому в определенной степени эксперты полагаются на свои представления о целях и мотивациях

северокорейского руководства, что напрямую зависит от того, какой образ Северной Кореи представляет себе данный эксперт. Показания перебежчиков надо перепроверять, а степень разрешения фотографий, сделанных со спутников, все-таки не всегда достаточна. Это значит, что информационные лакуны между фактами по-прежнему заполняются умолчаниями, а умолчания во многом строятся на образе страны в интерпретации экспертов — так формируется порочный круг.

В итоге каждая из сторон видит искаженный образ партнера и не пытается улучшить ситуацию. Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации стороны не могут быть осведомлены должным образом о проблемах друг друга или будут неверно интерпретировать то или иное явление.

Обычно даже состояние обострения предполагает наличие между противоборствующими сторонами «горячей линии», но совокупными стараниями Севера и Юга все контакты между ними по военной линии практически оборваны, и в случае инцидента у сторон может не оказаться времени и возможности предупредить друг друга.

Пестование «образа врага» накладывается на определенные идеологические шаблоны, из-за чего стороны не могут и не хотят видеть реальность. Подобный подход приводит к «охоте на ведьм», когда страна, группа лиц или отдельная личность, на которую уже навешен определенный ярлык, неспособна избавиться от подозрений, поскольку любые варианты ее поведения интерпретируются соответствующим образом. На такого врага не распространяются нормальные правила взаимоотношений, с ним принципиально нельзя и не имеет смысла договариваться. Наоборот, можно нарушать правила и не выполнять обещания.

Так к недопониманию добавляется демонизация, имеющая несколько опасных следствий применительно к попыткам наладить диалог. Партнер на переговорах воспринимается, в первую очередь, как противник, и, значит, сам процесс рассматривается как силовое противоборство и игра с нулевой суммой, а не стремление к достижению консенсуса.

Демонизация ведет к взаимному накручиванию, которое имеет два следствия. Во-первых, стороны берут на вооружение концепцию диспропорционального ответа: на вражеские провокации он должен быть стократно мощнее. Во-вторых, накручивание создает обстановку стресса, который сильно давит на участников конфликта, повышает вероятность того, что реакция на какие-то непонятные или необычные события может оказаться заведомо неадекватной. В результате существенно повышается вероятность конфликта по несущественной или несуществующей причине.

Сегодня ни в КНДР, ни в США нет идеально работающей бюрократической системы. Поэтому следует помнить, что структуры, занимающиеся анализом и прогнозированием, далеко не всегда выполняют свою работу должным образом, разумные предупреждения могут быть проигнорированы, и в фаворе окажутся не те, кто пытается выявить реальное положение дел, а те, кто ублажает «приятными новостями».

Наконец, продолжительная ситуация взаимной напряженности повышает общий уровень стресса и напряжения, в результате чего опасные и важные решения могут быть приняты не на холодную голову, а под влиянием иррациональных факторов или эмоций. В такой обстановке, как отмечает китайский военный аналитик Цзя Сюйдун, «любой непроизвольный выстрел, недопонимание или неправильное решение могут стать причиной развития ситуации, которая станет необратимой»¹⁸.

Что думает Сеул?

9 мая 2017 г. к власти в Южной Корее пришел Мун Чжэ Ин — представитель тех сил, которые принято воспринимать как левые. Его программа включала неприятие проекта ТНААД, необходимость улучшения межкорейских отношений и целый ряд иных

инициатив, которые стали поводом для определенных иллюзий, сходных с теми, которыми сопровождалось восхождение Трампа у ряда российских экспертов. Однако в южнокорейской ситуации речь идет не столько о выборе, сколько о попытке усидеть на двух стульях, стараясь не портить отношения ни с одним из влиятельных игроков.

Будучи представителем левого лагеря, Мун обязан, с одной стороны, отрабатывать его повестку с поправкой на сильные популистские тенденции, которые он демонстрирует, к примеру, в решении экономических задач.

С другой стороны, связи южнокорейского и американского истеблишментов гораздо крепче, чем кажутся. Хотя южнокорейский режим никогда не был марионеточным, внешнеполитический курс Сеула всегда зависел от Вашингтона¹⁹. Вся современная южнокорейская элита выросла из той прослойки либеральной интеллигенции, которая еще во времена колониализма находилась под крышей американских миссионерских организаций. В результате у нее нет альтернативной системы ценностей, в рамках которой они могли бы отказаться от ориентации на США²⁰.

Как следствие, политические и экономические связи между Сеулом и Вашингтоном куда значительнее, чем любые связи между Сеулом и Пекином. Вздумаем администрация Муна разорвать договоренности с Америкой, у Соединенных Штатов найдутся свои весомые аргументы.

Поэтому если, с одной стороны, 8 июня 2017 г. размещение ТНААД было, вроде, приостановлено до завершения полноценной экологической экспертизы земельного участка, передаваемого американским военным для развертывания комплексов²¹, то, с другой стороны, уже 9 июня в администрации Муна сообщили, что несмотря на смену политической власти в РК новое правительство сохраняет серьезное отношение к ТНААД и готово к продолжению тесного сотрудничества с США.

Похожая ситуация складывается и с вопросом межкорейских отношений. 16 июня 2017 г. специальный помощник президента по вопросам внешней политики и безопасности Мун Чжон Ин озвучил новую стратегию межкорейских отношений, которая фактически дублировала китайские предложения двойной заморозки²². СМИ РК немедленно представили это как «подтверждение предложения Мун Чжэ Ина возобновить межкорейский диалог без каких-либо условий в случае прекращения Севером ракетных и ядерных провокаций»²³. Но как только представитель госдепартамента США заявила, что позиция, озвученная Муном, может отражать его личное мнение, а не официальную политику властей, в администрации президента РК немедленно сообщили, что Мун не согласовывал содержание своего заявления с правительством²⁴.

В целом, тон выступлений Муна сильно зависит от обстановки и аудитории. Если, объявляя «берлинскую декларацию», он заявил, что выступает против объединения путем поглощения и готов встретиться с лидером КНДР, то во время визита в США глава РК заявил, что если Трампу удастся решить проблему Севера, то это будет огромным успехом, которого не удалось достичь ни одному из прежних американских президентов: все говорили о серьезности этой проблемы, не предпринимая реальных действий. «Великий союз РК и США может стать еще более великим в случае, если он не отступит перед ядерной угрозой Севера».

Громкие заявления в Южной Корее не тождественны их немедленному воплощению в жизнь еще и потому, что первый период своего правления новый президент тратит на то, чтобы провести радикальную кадровую чистку, расставив на ключевые места своих сторонников и обеспечив работающую вертикаль власти. На это уходит от года до полутора, и только после этого можно говорить о полномасштабном проведении в жизнь политического курса нового лидера. Судя по тому, с каким противодействием оппозиции Мун столкнулся при назначении нового премьер-министра и министра иностранных дел²⁵, можно ожидать, что период расстановки им своих людей на ключевые посты может занять довольно много времени.

Хорошей новостью, однако, является назначение нового руководителя Национальной службы разведки. Выдвинутый на этот пост Со Хун (проработавший в разведке 28 лет в качестве специалиста по Северу), похоже, собирается принять меры к тому, чтобы его подчиненные выдавали на гора не взятые с потолка или основанные на показаниях сомнительных лиц отчеты о скором крахе северокорейского режима, а более реалистичные материалы. Это может, во-первых, частично снизить уровень демонизации, а во-вторых, повлиять на курс США в сторону от стратегии, чреватой крупномасштабным региональным конфликтом.

Таким образом, даже если Мун проявит себя как последовательный левый, снизить межкорейскую напряженность смена власти в Сеуле сможет только в среднесрочной перспективе. В краткосрочной перспективе она остается, поскольку новому президенту может потребоваться довольно много времени, чтобы изменить политический курс с целью разработки комплекса мер укрепления доверия, снижения уровня демонизации Севера или обеспечения обмена информацией, снижающего вероятность стычки в результате недопонимания или недоразумения. Однако, учитывая потенциальную скорость развития регионального кризиса, вопрос состоит в том, успеет ли новая администрация РК начать проводить свой новый курс до того, как ситуация войдет в критическую фазу.

Выбор России

В сложившейся ситуации Российская Федерация не может оставаться в стороне. Любой серьезный конфликт на Корейском полуострове задевает нашу страну, даже если ни один из образцов американского высокоточного оружия не залетит на ее территорию. Речь о комплексе последствий, связанных с издержками войны: от потока беженцев до маловероятного, но существующего шанса загрязнения части российской территории в результате применения ядерного оружия либо атаки на ядерные объекты КНДР или те элементы ее промышленной структуры, которые способны стать причиной серьезной экологической катастрофы.

Безусловно, Россия не считает КНДР ядерной державой, осуждает ее амбиции и строго придерживается резолюций СБ ООН. Вместе с тем односторонние санкции или вторичный бойкот мы считаем неприемлемыми, как и попытки наносить экономические удары не по ракетно-ядерной программе, а по уровню жизни населения в надежде на «раскачивание лодки»²⁶. РФ, как и КНР, против военного присутствия внерегиональных сил в Северо-Восточной Азии и его наращивания под предлогом противодействия ракетно-ядерным программам КНДР, включая размещение комплексов ПРО ТНААД.

Однако при всей насущности проблемы корейское урегулирование не является для Москвы вопросом главного приоритета. Основным стратегическим направлением нашей внешней политики остается пространство бывшего СССР, в первую очередь — Украина.

У нас не так много возможностей воздействовать на КНДР. Да, северокорейское руководство стремится поддерживать активные и добрососедские отношения с Россией (хотя бы из желания уравновесить Китай), а в российском посольстве в Пхеньяне работает, возможно, наиболее профессиональная команда специалистов за всю российскую историю. Однако и политическое, и экономическое вовлечение Москвы в северокорейские дела существенно ограничены, хотя нельзя сказать, что в этом вопросе Москва находится во втором ряду после Пекина. Наши интересы в целом совпадают, но определенный уровень расхождений тоже присутствует. Даже с точки зрения экономических интересов можно говорить об ограниченном соперничестве, в первую очередь, в свободной экономической зоне «Расон».

Контуры российского варианта урегулирования проблемы хорошо показывает разработанная нашими дипломатами «дорожная карта», которая предлагает «двигаться

без предварительных условий, поэтапно, начав с очевидных вещей — проявления взаимной сдержанности, непровоцирования друг друга, начала переговоров об общих принципах взаимоотношений, таких, как ненападение, отказ от применения и угрозы силой».

Эти предложения нашли отклик в Пекине, и на московском саммите 2017 г. В.В. Путин и Си Цзиньпин «договорились активно продвигать нашу общую инициативу, основанную на российском поэтапном плане корейского урегулирования и китайских идеях параллельного замораживания ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных военных учений США и Республики Корея», стремясь «и далее наращивать нашу внешнеполитическую координацию»²⁷.

Суть договоренности отражает совместное заявление МИД РФ и КНР²⁸, где помимо сочетания российских идей с китайской инициативой двойной заморозки стороны отметили, что «справедливые озабоченности КНДР следует уважать». Другие государства должны прилагать соответствующие усилия для возобновления переговоров, совместно создавать атмосферу миролюбия и взаимного доверия.

Таким образом, позиция Россия и ее активные действия могут склонить чашу весов в сторону максимально благоприятного для мировой безопасности развития событий.

1. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=35>
2. Определенное дано Законом о национальной безопасности РК. См.: URL: http://antinsl.jinbo.net/nsl_full_text_en.html
3. См., в частности, официальный сайт управления: URL: <http://www.ibuk5do.go.kr/>
4. См.: URL: <http://old.russ.ru/politics/20020916-lan.html>
5. Желаящие могут ознакомиться с текстом документа на: URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13508169390.pdf>; сравнить, что было сделано, и обратить внимание на то, что доказательства того, что в указанный период КНДР тайно разрабатывала ядерную программу, на данный момент так и не представлены.
6. Условно, иранский уровень можно уподобить развитию ядерной программы КНДР в 2005–2007 гг. — как раз, когда КНДР вела себя вполне конструктивно и могла, например, разрушить градирню в Енбене.
7. Данный момент даже был специально внесен в Конституцию страны.
8. С формальной точки зрения, ядерным оружием могут обладать только страны, которые получили его до 1968 г., и являющиеся, по понятному совпадению, членами постоянного комитета СБ ООН. С неформальной точки зрения, к ним добавляются Индия и Пакистан, которые в определенной мере считаются «клиентами» США и Китая, а также Израиль, обладающий «ядерным статусом Шредингера» и позицией «бомбы у нас нет, но если надо, мы ее применим». Таким образом, Северная Корея как ядерное государство оказывается абсолютно внесистемным игроком, что вызывает понятную реакцию.
9. РК разрабатывала ядерную программу в 1970-е годы, но была остановлена США; в настоящее время разговоры о необходимости обретения собственного ЯО для прогивостояния Северу уже активно ведутся в радикально-консервативных кругах.
10. Обзор основных концепций см.: *Асмагов К.* США—КНДР: американские эксперты предлагают стратегию // ИВО. 12.11.2016. URL: <http://ru.journal-neo.org/2016/11/12/ssha-kndr-amerikanskie-eksperty-predlagayut-strategiyu/>
11. Более подробно о том, почему в КНДР маловероятна «арабская весна», см.: *Асмагов К.* Стоит ли ждать коллапса КНДР? // ИВО, 16.10.2013. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/10/16/stoit-li-zhdet-kollapsa-kndr/>
12. Собственное подразделение, занимающееся агентурной разведкой, США создают только сейчас. См.: URL: <http://k-window.com/army/ssha-sozdadut-v-yuzhnoj-koree-podrazdelenie-agenturmoj-razvedki-humint/>
13. URL: <http://w.huanqiu.com/r/MV8wXzEwNDI0Nzc0XzI4Ml8xNDkxMzIzNDYw;>
URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1040827.shtml> (англ. яз.)
14. URL: http://www.usip.org/pubs/working_papers/wp6_china_northkorea.pdf

15. Международное радио Кореи.
URL:http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=47948&id=In
16. Сообщение Российского информационного агентства.
URL:<https://ria.ru/world/20170408/1491814312.html>
17. Подробнее см.: *Асмолов К.В.* Иррациональный фактор и безопасность на Корейском полуострове // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество. М., 2014. С. 359–371.
18. Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0417/c95181-9203953.html>
19. При Ли Мён Баке и в последние годы правления Пак Кын Хе консерваторы активно пытались подвести Вашингтон к необходимости силового варианта, желая ликвидировать КНДР американскими руками. Бывало и так, что Сеул играл в собственные игры, но подобное мог позволить себе только Пак Чжон Хи с его попыткой ядерной программы. Но даже тогда речь не шла о действиях, которые радикально расходились бы с точкой зрения Соединенных Штатов.
20. Что же до распространенного среди левых антиамериканизма, то на деле он во многом используется как средство выпуска пара. Вспомним демонстрации 2008 г. против американской гоядины, которые с точки зрения достигнутого эффекта не закончились ничем. А бурные антиамериканские выходки, которыми сопровождалось восхождение Но Му Хена во власть, были «выключены» по первому окрику из Вашингтона.
21. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10071598
22. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?lang=r&id=Po&No=48723¤t_page=
23. На самом деле, нечто очень похожее выдвигали в начале своего правления и Ли Мён Бак, и Пак Кын Хе — «утром деньги, а вечером, возможно, стулья».
24. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?lang=r&id=In&No=48728¤t_page=
25. По кандидатуре премьер-министра Муну удалось достичь определенного консенсуса с представителями ряда оппозиционных партий, рассматривавших его кандидатуру с не меньшей придирчивостью, с которой демократы, в бытность оппозиционерами, докапывались до кандидатур Пак Кын Хе. Однако с министром иностранных дел эта попытка не удалась, после чего она была назначена без парламентского обсуждения, благо в этом случае дискуссия в Национальном собрании желательна, но не обязательна.
26. URL: http://www.mid.ru/web/guest/nota-bene/-/asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/2729503
27. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/595b9c369a7947abb1193197?from=newsfeed>
28. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662

Выбор или отложенный выбор?

© 2017

Г.Д. Толорая

В рамках полемики с предыдущим текстом К. Асмолова автор высказывает мнение о текущей ситуации и вариантах решения северокорейской ядерной проблемы. Анализируются позиции ключевых участников с точки зрения безопасности в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: ракетно-ядерная проблема КНДР, полемика, проблема выбора, региональная безопасность.

Десятилетия, прошедшие после прекращения боевых действий в рамках Корейского конфликта — одновременно и гражданской войны, и межсистемного столкновения в рамках биполярного мира — несколько не изменили суть происходящего на Корейском полуострове. Наступающие с неизбежностью смены сезонов обострения выпукло подчеркивают тот факт, что Корейская война (как по сути, так и юридически) не закончена. Ни одна из сторон в ходе событий шестидесятилетней давности не добилась желаемого, но каждая надеется, что находящаяся, по ее мнению, на ее стороне «историческая справедливость» рано или поздно восторжествует. Вместе с тем сегодня это скорее «идеологическая подкладка» выработки внешнеполитических доктрин, а последние ориентированы на более приземленные и реалистичные цели. Для КНДР это — выживание. Для РК — подчинение оппонента и его «мягкая посадка», то есть спокойное продвижение к включению Севера в зону своего влияния.

При этом РК и США (особенно в период президентства консервативных лидеров РК Ли Мён Бака и Пак Кын Хе) исходили не только из исторической предопределенности «коллапса коммунистического режима», но и веры в то, что одномоментное объединение Кореи (читай — ликвидация КНДР как государства и оккупация ее территории) случится в обозримом будущем. Из-за этого администрация Б. Обамы тоже не считала необходимым предпринимать что-то для решения ядерной проблемы КНДР в надежде на то, что со сменой режима она решится сама собой, и этот процесс надо лишь сделать минимально болезненным путем изоляции и удушения режима в целях его ослабления и естественного отмирания. Хотя здравомыслящие политики в обеих странах опасались неизбежного хаоса даже в случае «мягкой посадки» режима и негативных последствий для РК, они все же смиренно принимали неизбежность такого «исторического выбора».

Резкое обострение кризиса вокруг корейской проблемы, которое произошло в 2017 г, когда благодаря неуклюжим попыткам Д. Трампа решить ее «с наскока» и авантюрной игры Ким Чен Ына на повышение ставок, по сути, лишь подчеркнуло неизбежность трудного выбора, рассмотрению которого посвящена статья К. Асмолова. Выбор этот до примитивности прост — воевать или договариваться. Главные действующие ли-

Георгий Давидович Толорая, доктор экономических наук, руководитель Управления региональных программ фонда «Русский мир», исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС), заведующий Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: asiacenter@inecon.ru.

ца на сегодня — США и КНДР. Сеул в силу ряда причин оказался в положении «водителя на заднем сидении», а Китай и Россия обладают возможностью лишь влиять на выбор, но не определять его.

КНДР готова и к тому, и другому исходу — и в этом сила ее позиции. Она торопит выбор. Автор справедливо отмечает, что Северная Корея рассчитывает на то, что когда она «проскочит» окно уязвимости, Соединенные Штаты будут вынуждены договариваться с ней ввиду невозможности силового ответа, и затем отношения двух стран будут развиваться по модели американо-советского или американо-китайского противостояния. КНДР полагает, что для нее вполне достижим пакистанский статус.

Так что со стороны Северной Кореи выбор сделан, и он однозначен: принудить, на основе стратегического равенства, а не с позиции «младшего» собеседника, противников к формальному подведению итогов Корейской войны. Это предполагает существование КНДР как самостоятельного государства, ее признание и предоставление ей реальных гарантий безопасности, а также возможностей для развития.

Тем не менее, автор упустил из виду, хотя и кратко упоминает об этом, возможность качественного скачка — получение КНДР способности не только закрепить, но и изменить статус-кво на Корейском полуострове. Благодаря созданию МБР и термоядерной боеголовки (хотя пока что реальность этого подвергается сомнению) она получит возможность (под прикрытием своего «термоядерного зонтика») и способности ко второму ответному удару) совершить насильственные действия в отношении Юга Кореи и попытаться завершить «историческое дело воссоединения Родины». Никто не поручится, что у Кима-третьего нет амбиций стать великим объединителем Кореи.

Если пофантазировать в духе голливудских боевиков, расчет может быть сделан на то, что если КНДР проведет молниеносную десантную операцию по захвату власти в Сеуле, американцы побоятся и не успеют среагировать из-за угрозы того, что ядерная ракета КНДР прилетит в Лос-Анджелес. А деморализованная южнокорейская армия, понимая, что на помощь опасаящихся возмездия заокеанских союзников рассчитывать не приходится, просто не станет драться. Да и население может особо не протестовать, если новая «истинно национальная» власть гарантирует в рамках конфедеративного устройства («одна страна — две системы») сохранение собственности, экономической системы, привычных ценностей и образа жизни (за исключением разве что политических прав), а еще и накажет «коррупционеров и олигархов», особой любовью в обществе не пользующихся. Китай и Россия с облегчением признают новую реальность, понимая, что с ядерным государством лучше не связываться, а влияние американцев в Азии в результате ослабнет.

Одна такая возможность («страшилка») позволит КНДР шантажировать окружающих, чувствуя свой иммунитет за ядерным щитом. Таким образом, мы имеем дело с ситуацией нового стратегического баланса.

США же не готовы ни к одной из альтернатив: ни воевать, ни договариваться они не хотят. Как правильно указывает автор, политика «стратегического терпения», то есть пассивность в принятии стратегического решения, пока никуда не делась. Со стороны США она продолжается, лишь слегка изменив «обертку»: Север по-прежнему пытаются придушить при помощи как международных, так и односторонних санкций.

Накал этих попыток достиг невиданной остроты, вовлекая в противостояние не только США и КНДР, но и другие государства, включая Китай и Россию. По логике США — «кто не с нами, тот против нас». США, таким образом, идут ва-банк, утверждая, что экономическая блокада заставит КНДР «попросить пощады» (или, может быть, просто ведут предвоенную подготовку по ослаблению противника). Принятие очередного пакета санкций СБ ООН 11 сентября 2017 г. на 90% лишило КНДР легальных источников получения валюты, хотя благодаря усилиям России энергетическая блокада все же КНДР пока не грозит, есть лазейки и в отношении экспортно-импортных операций.

Вместе с тем вряд ли стоит поддаваться панике и принимать за чистую монету психологическое давление с обеих сторон — как обещания «моря огня», «боли и страданий для Америки» с северокорейской, так и «огня и ярости» с американской. Не хотелось бы соглашаться с точкой зрения автора, что у воинственного подхода больше аргументов, чем у диалога, поскольку ни личностный фактор, ни дезинформированность лиц, принимающих решения, все же не могут перевесить элементарного инстинкта самосохранения американского военно-политического истеблишмента.

Конечно, полностью силовой сценарий не исключен, и это может быть не только непреднамеренная эскалация случайного конфликта. На наш взгляд, даже попытка США сбить северокорейскую ракету не обязательно перерастет в полномасштабную войну: КНДР в ответ может нанести ограниченный симметричный удар по американскому или «военному активу», и стороны вовремя одумаются.

Значит, остается договариваться, что для США безумно сложно. Во-первых, в США есть иррациональные внутривластные фобии, которые культивировались там десятки лет — демонизация режима, его ядерное оружие. Во-вторых, как указывают эксперты Стратфор, «позволить Северной Корее обрести ракетно-ядерное оружие большой дальности после десятилетий заверений в том, что этого не случится, фундаментально меняет ситуацию в обеспечении безопасности США. Дело в изменении восприятия силы и влияния США и способности выполнить обязательства перед союзниками. Слова мало что стоят без подкрепления конкретными действиями, и такая ситуация чревата ущербом»¹.

Конечно, фактическая «капитуляция» перед северокорейским шантажом, признание де-факто ядерного статуса КНДР и переход к политике «холодного сдерживания» в отношении Севера чреват весьма неприятными для США последствиями, которые автор правильно вычленяет: серьезный удар по режиму нераспространения ядерного оружия и «эффект домино», удар по возможностям Америки как мирового гегемона на основе ядерной монополии, негативные внутривластные / репутационные последствия («сделка с дьяволом»), отсутствие при этом гарантий того, что такая сделка остановит рост «северокорейской угрозы миру» и «шантажа» мирового сообщества, ослабление или даже распад военных союзов в Азии. Но все же это — меньшее зло по сравнению с угрозой физического уничтожения значительной части Южной Кореи, Японии, а может быть, и американских территорий, и гибели миллионов граждан, в том числе и США.

Наиболее интересен, хотя и спорен, раздел статьи, анализирующий возможные опции для Китая, выбор которого может решающим образом повлиять на развитие ситуации и поведение «главных дуэлянтов» Таких вариантов автор предлагает три:

«1. Китай сохраняет Северную Корею, но меняет тамошний режим на прокитайский.

2. Китай признает ядерный статус КНДР и отказывается от мер, направленных на ее сдерживание, содействуя таким образом существенным изменениям миропорядка.

3. В союзе с Соединенными Штатами Китай ведет дело к смене режима, предполагающей неизбежное поглощение Севера Югом».

Нам представляется, что наиболее вероятным выбором Китая все же будут усилия по сохранению статус-кво, недопущение военного решения со стороны США на фоне отказа от реальных попыток жестко повлиять на северокорейский режим и нежелания создавать прецедент смены режима. Китай четко заявил, что вмешается в случае агрессии США, тем самым обозначив неизбежность превращения локального конфликта в мировой, если США попытаются статус-кво изменить. Вместе с тем китайцы все более жестко «нагибают» Пхеньян, не останавливаясь даже перед ущербом для себя, в том числе и возникновения напряженности в отношениях с союзниками, включая Россию.

Автор правильно описывает дилеммы, стоящие перед китайским руководством. В случае поддержки режима, к чему КНР по-прежнему склоняется, несмотря на аллегрию к нему, неизбежно ухудшение отношений с главным геополитическим противником, усиление позиций США в регионе под предлогом северокорейской угрозы, распростра-

нение на Китай тех или иных санкционных мер, размытие «статус-кво, построенного как на авторитете ООН, так и на концепции нераспространения ЯО, теоретически ограничивающей ядерный клуб большой пятеркой» (появление ядерных Японии, РК и Тайваня вряд ли в китайских интересах).

В случае «предательства условного вассала» удара по престижу КНР и потери лица тем более не избежать, а последствия еще хуже: это потеря буферной территории и серьезное усиление американской позиции, возможное возникновение агрессивного корейского национализма. Китай становится объектом не только для потока беженцев, но и для потенциальной организованной преступности или террористических организаций, считает автор. Китай вынужден лавировать, чтобы режим сохранить.

Однако реальная политика строится по гораздо более простой логике: часто эта логика находится под воздействием случайных или иррациональных факторов, а поэтому сложные многоходовые комбинации и построения, как правило, не больше, чем «игра ума» или компьютерная игра. Поэтому надо исходить из того, что для Китая Северная Корея важна как «враг врага» или некое буферное пространство между американскими войсками в Южной Корее и территорией Северо-Восточного региона КНР, и китайское руководство видит главную угрозу в том, что используя северокорейскую угрозу как повод. Соединенные Штаты будут усиливать свои позиции в регионе и наращивать там военную инфраструктуру, направленную не столько против КНДР, сколько против КНР. Китай скорее будет избегать втягивания в конфликт на невыгодных для себя условиях, чем подыгрывать США в реальности, пусть на словах такая поддержка может даже усилиться.

Что касается Южной Кореи, весьма точным является наблюдение автора, что «речь идет не столько о выборе, сколько о попытке усидеть на двух стульях, стараясь не портить отношения ни с одним из влиятельных игроков». Прошедшие месяцы показали противоречивость и реактивность политики избранного в мае 2017 г. президента Мун, предлагающего (пусть это, возможно, и продиктовано благими намерениями) взаимноисключающие решения.

С одной стороны, он хочет сделать приятное Китаю в самых разных областях, с другой — форсирует размещение ТНААД, что для Китая «красная тряпка». По той же модели, приезжая во Владивосток (в сентябре 2017 г.), он возобновляет полузабытые предложения о вхождении РК в российско-северокорейский проект Раджин — Хасан и трехстороннем логистическом и инфраструктурном сотрудничестве, и при этом говорит о безусловной необходимости денуклеаризации Северной Кореи и даже войны с ней (включая отработку операций по физическому устранению руководства), что совершенно исключает всякое участие Пхеньяна в совместных проектах.

«Добавленная стоимость» анализа — рассмотрение проблемы «черного лебедя»: иррациональных факторов, связанных с искаженным представлением сторон друг о друге, недостатком правдивой информации и оценок, демонизации оппонента с обеих сторон, личностных особенностей элит.

Все это без должного анализа и глубоких знаний истории и особенностей северокорейского устройства, как показывает опыт, не в состоянии обеспечить базы принятия верных решений. Если говорить об американских и южнокорейских прогнозах политики КНДР, ситуация становится комичной и трагической одновременно: США и РК просто не в состоянии элементарно предсказать реакции режима. Такая ситуация накладывается на сохраняющееся непонимание противниками схемы поведения и мотивов друг друга, как в силу разности «операционных систем», так и предубеждений и штампов. Немудрено, что всерьез можно опасаться «прилета черного лебедя», когда непонимание и просчеты политиков приведут к непоправимой катастрофе, которую, вроде бы, никто не желал. Такого рода примеров в истории, и не только корейской, немало.

Даже в случае попыток дипломатического решения может стать, что партнер на переговорах воспринимается, в первую очередь, как противник, и значит — сам про-

цесс рассматривается как силовое противоборство и игра с нулевой суммой, а не стремление к достижению консенсуса. Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации тренд на ее раздувание будет преобладать над трендом на ее смягчение, а любые действия другой стороны будут трактоваться максимально превратно и исходя из того, что на «той» стороне — негодяи, желающие нам зла. Соответственно, любая активность будет восприниматься как подготовка к провокации или уже как провокация. Так что возможности дипломатического решения тоже не стоит переоценивать. К сожалению, приходится прийти к циничному выводу о том, что политического решения корейской ядерной проблемы нет: пока режим сохраняется, страна будет ядерной.

Автор намеренно схематично рассматривает выбор России, поскольку он уже сделан. Российский выбор — безальтернативность переговорного решения и недопустимость одностороннего давления (включая «удушающие санкции») и тем более военного решения, которому Россия, видимо, будет готова противостоять самыми решительными мерами.

В отличие от Китая, Россия (правда, ей меньше терять, так как отношения с США и так хуже некуда) вынуждена работать только на сохранение статус-кво, пусть даже это будет означать появление де-факто ядерной державы на ее границах — это все же лучше полномасштабного разрушительного конфликта.

Инициированная Россией совместно с Китаем дорожная карта имеет «двойное дно»: важно начать дипломатический процесс и заморозить как северокорейскую ракетно-ядерную программу, так и наращивание военного потенциала США и союзников, а там можно добиваться результатов годами. Не факт, что позиции удастся сблизить до достижения формального консенсуса и перехода ко «второй» (договорной) стадии «дорожной карты», но сам по себе дипломатический процесс будет означать консервацию конфликта — вариант не лучший, но и не самый плохой.

При таком развитии событий останется надеяться, что смена поколений в Корее приведет в свое время к ослаблению гражданского конфликта и национальному примирению внутри Кореи, а установление нового геополитического баланса сил в результате возвышения Китая и ослабления роли США в регионе в итоге увенчается снятием угрозы военного сценария и нахождением компромисса на многосторонней основе — создания коллективной системы безопасности в Северо-Восточной Азии. Правда, и в этом случае безъядерный статус Корейского полуострова вряд ли достигим.

Но до этого далеко, а пока задача российской и китайской дипломатии — приложить скоординированные усилия, чтобы заставить противников сесть за стол переговоров. Ключ — принудить США принять соответствующее стратегическое решение, и новая геополитическая реальность, навверное, позволяет союзу России и Китая поставить перед собой столь амбициозную задачу, поскольку она жизненно важна для обеих граничащих с Кореей стран.

1. URL: https://worldview.stratfor.com/article/negotiating-path-dialogue-north-korea?utm_campaign=B2C_LL_Push&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=56153982&_hsenc=p2ANqiz-_VEMAzOQD

Корейский полуостров: хождение по замкнутому кругу (комментарий)

Мир реально обеспокоен ситуацией на Корейском полуострове. Это не впервые, но теперь все очень серьезно. Не зря для рассмотрения проблемы неоднократно собирался Совет Безопасности ООН. Тема конфронтации США и КНДР не сходит с телеэкранов и первых полос СМИ в разных странах.

Диапазон мнений по поводу конфликта нельзя назвать широким, и сводится он в основном к двум точкам зрения, одна из которых состоит в том, что «кровавый диктаторский режим» своими действиями бросает вызов мировой общественности и, попирая все нормы международного права и Устав ООН, ставит мир на грань ядерной катастрофы. Другая, осуждающе журая Ким Чен Ына за ракетно-ядерные «шалости», в создавшейся ситуации упирает на вину Соединенных Штатов, якобы спровоцировавших эти «вынужденные шаги» Пхеньяна своим агрессивным поведением на Корейском полуострове.

И у той, и у другой есть сторонники и противники. И у каждой из них имеются очевидные и существенные изъяны. С большей или меньшей степенью согласия стороны дискуссии сходятся в том, что военного решения проблемы либо не существует вовсе, либо оно станет той крайне нежелательной мерой, которая повлечет неисчислимые бедственные последствия. Причем не только для конфликтующих сторон и всей корейской нации в целом, но для ее ближайших соседей — Японии, Китая и России.

С этим трудно спорить, как и с тем, что США и КНДР, не желаяшим пока в силу внутренних причин напрямую общаться друг с другом, было бы нелишне всерьез прикинуть возможные варианты достижения взаимного компромисса, будь то пресловутая «двойная заморозка» или что-то еще в этом роде. Другое дело, что это не решит проблемы радикально и явится некоей временной мерой экстренного характера, которая призвана всего лишь замедлить «падение горящей спички в бочку с бензином». Но даже если нечто подобное удастся реализовать, ни спичка, ни бочка никуда не исчезнут.

Вообще конфликт на Корейском полуострове, то ненадолго затухающий, то вспыхивающий с новой силой, уже на протяжении шести с половиной десятилетий напоминает бесконечный бег по замкнутому кругу. И если его военного решения, как утверждается, нет в принципе, то четких подходов к иному решению — мирному — в ближайшей перспективе тоже пока не просматривается.

Кто виноват?

Примечательно, что анализируя текущую фазу конфликта, практически никто из российских или зарубежных экспертов не углублялся в его исторические корни или причины. Видимо, не до того. А ведь именно они, на наш взгляд, могли бы подсказать магистральный выход из давно существующей взрывоопасной ситуации.

И если в поисках ответа на вопрос «Что делать?» обращаться к истории, то в первую очередь предстоит ответить на другой извечный вопрос: «Кто виноват?» А виноваты все — и США, и Китай, и Советский Союз, правопреемником которого выступа-

ет нынешняя Россия. С исторической точки зрения виновата и Япония, оккупировавшая и колонизировавшая Корею еще в начале XX века. Впрочем, вина страны-агрессора не требует особых доказательств, поскольку и так очевидна.

Что касается трех других участников послевоенного корейского конфликта — бывших союзников по антигитлеровской коалиции, которых начавшаяся за два года до корейской войны «война холодная» развела по разные стороны баррикад, то каждая из них сыграла в возникновении очага напряженности на Корейском полуострове свою особую роль.

США несут ответственность за то, что, выйдя победителем войны в Европе, разделившись с Японией в Азии и отомстив ей за Пёрл-Харбор и другие унижения двумя атомными бомбами на Хиросиму и Нагасаки, возомнили себя мировым властителем и решили заодно «потеснить» СССР в обоих этих регионах, где советское влияние тогда постепенно усиливалось.

Персонафицированный в лице Сталина Советский Союз, переживавший эйфорию победителя, не мог на ее волне не поддаться соблазну претендовать на статус мировой державы со всеми вытекающими последствиями — насаждением по миру собственной марксистско-ленинской идеологии и сколачиванием на ее основе военно-политических блоков в Восточной Европе и Азии.

Более того, по утверждению некоторых аналитиков, решение Сталина дать санкцию на начало наступления северокорейской армии на Сеул было мотивировано его желанием сковать военные силы США вдали от европейского континента, где Сталин рассчитывал значительно расширить зону социалистического лагеря включением в нее Германии, Италии и Греции. Именно по этой причине он якобы и запретил тогдашнему представителю СССР в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке накладывать вето на резолюцию Совета Безопасности о направлении состоявших преимущественно из американского контингента «ооновских войск» на Корейский полуостров.

Что уж говорить о том, что правителем Северной Кореи был назначен бывший капитан советской армии Ким Ир Сен, хорошо освоивший науку «ставирования» между Пекином и Москвой и извлекавший из этого свои особые выгоды!

Маоцзэдуновский Китай следует винить в постоянном шантаже СССР на почве «слабости КНР перед лицом американского империализма и гоминьдановского Тайваня», результатом которого стало «выбивание» Мао Цзэдуном у Сталина крупных советских поставок вооружений, технического оборудования, а заодно и согласия на «территориальное расширение сферы влияния социализма в Азии».

В итоге сложных военно-политических перипетий возникло то, что сохраняется и поныне: Корейский полуостров расколот на две части по линии, совпадающей с прохождением 38-й параллели. Единая корейская нация оказалась разделенной и ведущей существование в рамках двух противоборствующих друг с другом государств — носителей враждебных политических, идеологических и социально-экономических систем. По сути, именно руками политиков США, СССР и КНР корейский народ был разъединен, разобщен и стал заложником их геополитических игр и державных амбиций.

Так возник очаг напряженности, представляющий не региональную, а глобальную опасность. Он стал одним из четырех подобных очагов, сформировавшихся в период существования послевоенной мировой биполярной системы. Три другие, как известно, находились в Германии, Вьетнаме и Китае. Их главной отличительной чертой был, как отмечалось выше, раскол некогда единой нации, выразившийся в образовании на принадлежавшей ей территории двух самостоятельных идеологически противоборствовавших друг с другом государств.

Наряду с Корейским полуостровом три другие очага напряженности оставались в условиях сохранения глобальной биполярности потенциальными источниками угрозы возникновения взрывоопасных конфликтов. Противостояние в Тайваньском проливе,

вьетнамские войны с участием Франции и США, постоянный алармизм вокруг Западного Берлина, материализовавшийся в сооружении символа антагонизма двух систем — Берлинской стены — держали мир в страхе и напряжении.

Некоторое расслабление мировое сообщество ощутило в 1970-е годы, когда в результате поражения США в Юго-Восточной Азии Вьетнам добился воссоединения, а после визита Никсона в КНР было опубликовано Шанхайское коммюнике, регулировавшее на тот момент проблему «двух Китаев». Почти одновременно Хельсинкский процесс привел к смягчению ситуации в центре Европы. Правда, проблема мирного воссоединения Германии окончательно решилась лишь на рубеже 1980-х — 1990-х годов в преддверии распада «постперестроечного» СССР и биполярной системы в целом. Таким образом, из всех очагов глобальной напряженности, возникших в ходе холодной войны, реально сохранился один единственный — корейский.

Суммируя вышеизложенное, подчеркнем, что нынешнее положение на Корейском полуострове является следствием и наследием биполярного противостояния во второй половине XX века, неким ее «отголоском», не устраненным до сих пор. Пока ситуация, сложившаяся там на сегодня, будет сохраняться, любые меры по ее урегулированию, пусть самые взвешенные и гуманные, но не направленные на воссоединение разобренного корейского народа, будут обречены на провал.

Что делать?

Крах биполярности покончил с идеологическим размежеванием в системе глобального мироустройства, но не привел к ликвидации идейного многообразия политических систем, избираемых любой страной для собственного политико-экономического развития. Негласное табу действует лишь для религиозно-экстремистских террористических режимов и тоталитарных фашистских диктатур. Но и те могут существовать достаточно долго, если не экспортируют свои порочные порядки и «ценности» вовне. Подобные примеры имеют место.

Однако Корея — случай особый. На территории расселения этой некогда единой нации противоборствуют две антагонистические политические системы. При этом цель и смысл существования одной из них заключаются не столько в заботе о благе собственного народа, хотя пропаганда Пхеньяна ее усиленно декларирует, и даже не в доказательстве своих политических, экономических или любых иных преимуществ перед визави, а в самосохранении правящего режима, причем любыми средствами, вплоть до военной силы. Управление Северной Кореей осуществляется на основе династийного принципа, прикрываемого ортодоксальной коммунистической идеологией, именуемой в ней идеями чучхэ.

Любая подобная система до поры до времени выживает за счет применения одного из двух методов — максимального повышения благосостояния собственного народа либо жесткого подавления внутреннего недовольства в нем средствами полицейского террора и наращивания военной силы для противодействия посягательствам извне. Крах ее происходит в тот момент, когда резервы подпитки избранного ею способа самосохранения оказываются исчерпаны.

И нам, и Китаю глупо отрицать очевидное — правление «династии» Кимов в КНДР было «организовано» в свое время руками наших прежних вождей — Сталина и Мао. В условиях биполярного противостояния такому шагу можно было даже найти оправдание, но и в ту пору не следовало забывать, что любой пестуемый режим нуждается не только в финансовых подпитках и покровительстве, но в строжайшем контроле и наставлении. В какой-то момент «вожжи», управлявшие Пхеньяном, были выпущены из рук.

До сих пор, однако, сохраняется впечатление, что геополитически, стратегически, а в какой-то степени даже идеологически, мы и сегодня не в состоянии распрощать-

ся с Кимами. Не только сами породили эту «династию», но втайне подкармливаем, поддерживаем и обхаживаем 25 млн северных корейцев. Постоянно прощаем долги, в последний раз списали Пхеньяну 11 млрд долл. займов, которые и для нашего бюджета были бы нелишними. Уже без былого восторга, но с плохо скрываемым умилением наблюдаем, как великовозрастный дитя радостно хлопает в ладоши, забавляясь игрой с ракетно-ядерными пусковыми кнопками

Кстати стоит озадачиться вопросом: откуда у Северной Кореи, страны экономически отсталой и попросту бедной, появился собственный ракетный и ядерный комплекс. Многочисленные военные эксперты, как зарубежные, так и отечественные, прямо утверждают, что помощь в этом КНДР, скорее всего, оказали СССР, Пакистан и... современная Россия. На определенном этапе не исключается участие Китая. Хотя вероятность этого значительно меньше.

Предположим, что изначально, в советское время, такая помощь оказывалась под «благородным предлогом» развития в Северной Корее собственного «мирного атома». Но даже в этом случае следовало учитывать особенности существующего в стране режима и, тем более, характер личностей его лидеров. Если дед и отец нынешнего вождя все-таки отличались определенной сдержанностью (возможно, в силу ограниченных в ту пору технических и финансовых возможностей), то их внук и сын разбушевался не на шутку.

Известно, что при Ким Ир Сене КНДР произвела всего 15 ракетных запусков, при Ким Чен Ире — 16. Ким Чен Ын санкционировал уже около 90(!) ракетных пусков — втрое больше общего количества испытаний, осуществленных при дедушке и папе. Сюда же следует приплюсовать успешный взрыв водородной бомбы.

Интенсификацию северокорейской ракетно-ядерной программы ее адвокаты обычно мотивируют угрозой, исходящей якобы от американской системы ПРО THAAD, размещенной на территории Южной Кореи. В этом кроется некая доля лукавства, поскольку их оппоненты ссылаются на зеркально противоположную причину ее развертывания — совершенствование и наращивание ракетно-ядерного потенциала КНДР. И с ними можно согласиться, если учесть, что развитие северокорейских средств массового уничтожения началось намного раньше установки на юге Кореи американской системы ПРО.

Давно сложилось впечатление, что слова и действия сторон, конфликтующих на протяжении десятилетий по обе стороны 38-й параллели, ассоциируются с бесполезным и бессмысленным «вращением белки в колесе»: создавая время от времени имитацию продвижения вперед, оппоненты топчутся на одном месте. Сдвинуть ситуацию с мертвой точки возможно единственным способом — мирным объединением разделенной нации. Идея эта в свое время дискутировалась на межкорейском уровне, и ее реализация фигурировала в повестке двустороннего диалога Севера и Юга как цель, достижение которой обеспечит мир и согласие не только внутри Кореи, но и в регионе Северо-Восточной Азии. Однако впоследствии по целому ряду причин от нее отказались.

В нынешней обстановке очевидно, что она не только не утратила актуальности, но становится все более востребованной. Однако ее реализация должна осуществляться уже не на уровне двух Корей, а международным сообществом в целом. В свое время (1974 г.) «корейский вопрос» был исключен из повестки дня сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Его необходимо восстановить в ней. Но прежде...

США, КНР, Россия и Япония как страны, причастные к ситуации, сложившейся вокруг Кореи около 70 лет назад, должны быть официально утверждены Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН ответственными за ее урегулирование. Однако действовать в этих целях они обязаны с согласованной единой позиции и в едином ключе, отставив в сторону все свои внутренние разногласия, распри и противоречия.

В таком случае искренность намерений и поведения каждой из четырех стран станет очевидной. К примеру, если РФ и КНР втайне рассчитывают ослабить или даже уничтожить США руками Северной Кореи, сдерживать ее они откажутся. Аналогичным

образом поведут себя американцы в Южной Корее, если запланируют «взять на прицел» Китай и Россию с ее территорией.

Далее события должны развиваться по следующей схеме.

1. Поскольку многие, особенно российские, наблюдатели считают, что свои провокации Ким Чен Ын затеивает исключительно с целью «привлечь к себе внимание», ему от лица мирового сообщества должно быть предложено вступить в переговоры с «группой четырех» для изложения его требований при условии запрета новых ракетно-ядерных испытаний и инициации любой другой военной деятельности с территории КНДР.

2. В случае достижения определенных договоренностей ему будет предложено включиться в процесс объединения, рассчитанный на срок от пяти до семи лет, и в качестве предварительного согласия санкционировать проведение на территории Северной Кореи всеобщего референдума по этому вопросу под независимым международным контролем.

3. В случае отказа или срыва переговоров северокорейской стороной против нее вводятся не очередные ограничительные санкции, а режим тотальной международной изоляции. В такой ситуации в повестку дня ставится вопрос замены династийной основы правящего в КНДР режима на более «демократичную» — задача, которая требует теснейшей координации спецслужб четырех взаимодействующих государств и реального прекращения Соединенными Штатами, Китаем и Россией любых геополитических и силовых «игр» на Корейском полуострове.

У нынешних противников объединения главным является аргумент о том, что этого не хочет население ни на Севере, ни на Юге. Представляется, что приводящиеся в его подтверждение ссылки на некие мифические «опросы общественного мнения» попросту несостоятельны, поскольку никакие объективные опросы на Севере до сих пор невозможны по определению, а на Юге, если и проводилось нечто подобное на выборочной основе, то даже с учетом погрешностей их результаты не являются репрезентативными.

Официальным должен считаться результат, полученный только в ходе общенационального референдума на всей территории обоих корейских государств. В случае проведения такового при участии ООН под строгим международным контролем есть основания верить, что его результат может оказаться положительным.

Объединение должно быть осуществлено в установленные сроки, первоначально в форме широкой свободной конфедерации с максимально возможным сохранением государственных структур, действующих как на Севере, так и на Юге. Следующими шагами станут проведение на полуострове свободных демократических выборов и осуществление конституционной реформы в единой и независимой Корее. Что касается проблемы взаимной адаптации двух частей новой Кореи, то она будет, естественно, непростой и даже болезненной, но, как показывают примеры Германии и Вьетнама, постепенно все будет налаживаться. Во всяком случае любая самая мучительная адаптация намного лучше, чем ядерная война.

Возникает вопрос: каковы будут последствия межкорейского объединения для самих корейцев, «курирующих» его стран «четверки» и региона СВА в целом? Не нарушится ли в результате него баланс их сил и интересов?

Главным и безоговорочно позитивным итогом межкорейского объединения станет устранение очага напряженности на полуострове, что благоприятно отразится не только на политико-экономических условиях воссоединенного корейского государства, но и на ситуации в регионе СВА в целом. Возникнут реальные предпосылки для создания давно необходимой в нем системы коллективной безопасности — цели, которая ранее выглядела недостижимой.

Объединенная Корея не просто укрупнится, а существенно увеличит свою экономическую и ресурсную мощь, повысит политический и военный потенциал. Обретет нейтральный статус, она расширит свою открытость не только по отношению к традиционным союзникам — США и Японии, но, благодаря снятию «барьеров напряженности»,

получит возможность еще большего углубления разнообразных связей с крупнейшими государствами региона — Китаем и Россией.

Что касается Японии, то она как островное государство выиграет, прежде всего, от ликвидации реальной угрозы ее безопасности, исходящей и усиливающейся сегодня в результате интенсивных ракетно-ядерных испытаний, инициируемых властями Северной Кореи. Отсутствие такой угрозы, безусловно, поспособствует дальнейшему углублению и расширению политических, торгово-экономических и культурных отношений Японии с ее соседями по региону.

Свою долю выгод от объединения Кореи получит и Россия. Прежде всего, исчезнет дестабилизирующий фактор, постоянный источник региональной и глобальной напряженности. Будет устранена некая «геополитическая двусмысленность», в силу которой Россия, унаследовав от СССР «квазисоюзнический статус» Северной Кореи, была вынуждена постоянно проявлять в отношении нее сдержанность и «действовать с оглядкой», в то время как КНДР, не считаясь с нами, вела свою игру, создав ядерную опасность вблизи наших границ.

Кроме того, помимо относительно дешевой рабочей силы, которая никуда не денется, большого экономического интереса как инвестор или источник природных ресурсов Северная Корея для нас не представляет, а отдача от помощи ей со стороны России практически сведена к нулю.

Некоторые российские и зарубежные эксперты твердо настаивают на том, что воссоединение Кореи невыгодно как США, так и Китаю. Что касается КНР, возможно, раньше подобную точку зрения можно было считать обоснованной, и Китай рассматривал КНДР как некоего гаранта обеспечения его интересов в регионе. Но тогда он еще не обладал нынешней мощью одной из двух первых экономик мира и сегодняшним потенциалом. В его новом качестве и в изменившейся ситуации северокорейский «рычаг» постепенно утратил для Пекина свою актуальность.

Еще раньше из просочившихся в печать документов сайта Wikileaks явствовало, что в ходе закрытых китайско-американских консультаций по северокорейскому вопросу китайские представители охарактеризовали КНДР как «бесполезного союзника». Учитывая неуклонное стремление КНР к воссоединению с Тайванем, логично предположить, что если дело дойдет до «торга» с Америкой по этой проблеме, от такого союзника, как Северная Корея, Пекин вполне может предпочесть избавиться.

По нашему мнению, идеальным и приемлемым для всех стал бы комплексный подход к решению рассматриваемого вопроса: объединение Кореи и ликвидация очага напряженности на Корейском полуострове должны осуществляться одновременно с присоединением к КНР Тайваня. Китай нацелен на решение тайваньской проблемы и, хотя открыто об этом в последнее время заявляет не часто, налицо много признаков того, что он к этому постоянно стремится. Лозунг «возрождение великой китайской нации» говорит сам за себя.

США, «отпустив» Тайвань к Китаю по схеме Гонконга и Макао и распространив взамен свое влияние на север Корейского полуострова, сами фактически ничего не теряют в США, получая относительный мир и спокойствие в регионе. Все это, безусловно, должно осуществляться на условиях полной демилитаризации Кореи и вывода с ее территории американских противоракетных систем.

Провозглашенная недавно Ким Чен Ыном цель достижения Северной Кореей ядерного паритета с США свидетельствует, что время «хождений по замкнутому кругу» стремительно близится к концу. Раскачки и промедления недопустимы и смерти подобны. Северокорейское руководство может завести ситуацию в безвыходный тупик.

Экономика

Российско-китайское научно-техническое сотрудничество

© 2017

П.Б. Каменнов

В статье рассматриваются основные направления научно-технического сотрудничества России и Китая в начале XXI века и его значение для инновационного развития. Отмечены активность, всесторонний характер и разнообразие форм сотрудничества, в котором, по мнению автора, определяющая роль должна принадлежать академической науке. Среди имеющихся проблем автор выделяет различия во взглядах на роль науки у стран-партнеров, неудовлетворительные итоги реформирования РАН в 2013–2016 гг., недофинансирование российской науки.

Ключевые слова: научно-техническое сотрудничество, РАН, АН Китая, фундаментальная наука, отраслевая наука, вузовская наука, инновационный потенциал, интеллектуализация производства.

У российско-китайских научно-технических связей многолетняя история. Установившиеся вскоре после образования КНР, они обрели официальное оформление с подписанием в 1954 г. первого межправительственного советско-китайского соглашения о научно-техническом сотрудничестве, реализация которого сыграла в последующие годы большую роль в строительстве фундамента современной экономики Китая и в ее дальнейшем развитии. Причем, еще в октябре 1952 г. на расширенном заседании Академии наук Китая было принято «Решение АН КНР об изучении и распространении передовой науки СССР». Начиная с 1949 г. 66 китайских вузов наладили научный обмен с 85 советскими вузами — сотрудничество осуществлялось по 124 совместным проектам. Согласно документу, сохранившемуся в архиве АН КНР, в 1951–1958 гг. Китай командировал в СССР 7439 студентов, аспирантов, преподавателей, стажеров, учеников средних специальных учебных заведений¹. В январе 1958 г. в Москве было заключено новое двустороннее соглашение о важнейших исследованиях в области науки и техники и оказании в этом советской помощи. Предусматривалось совместное проведение в 1958–1962 гг. работ по решению 122 важнейших научно-технических проблем, имевших большое значение для КНР, а также дальнейшее укрепление связей между научно-исследовательскими учреждениями двух стран².

В начале XXI века, в условиях глобализации и интенсификации международной конкуренции за рынки сбыта, когда ресурсы экстенсивного развития в значительной мере исчерпаны, инновационное развитие становится единственно возможным путем повышения конкурентоспособности. Это в полной мере осознается в Китае, который направляет усилия к переходу от сохраняющейся экстенсивной ресурсозатратной модели экономического роста к интенсивной ресурсосберегающей модели и одновременно — к уменьшению зависимости страны от импорта зарубежных технологий. Задачи науки (прежде всего, фундаментальной) были изложены в июне 2010 г. тогдашним председателем КНР Ху Цзиньтао на общем собрании Академии наук Китая (АНК) и Академии инженерных наук Китая (ИАК). Президент АНК Лу Юнсян тогда обозначил важнейшие направления научных исследований академической науки, ее усилий по обеспечению экономической мощи и национальной безопасности КНР:

1. Развивать науку и технику по использованию источников энергии и материальных ресурсов; создать систему ее возобновляемых источников, осуществляя единое планирование, добиваясь устойчивого обеспечения экономики источниками энергии и ресурсов и их эффективного использования.

2. Создавать новые материалы, уделяя внимание их экологичности, экономному использованию; способствовать интеллектуализации отрасли.

3. Развивать науку и технику, необходимые для создания информационных сетей.

4. Развивать сельскохозяйственную технику, обеспечивающую безопасность сельхозпродукции.

5. Развивать науку и технику в сфере здравоохранения.

6. Развивать технику защиты окружающей среды.

7. Вывести Китай на передовые рубежи в космической и морской науке и технике; повышать научный потенциал по изучению, освоению и использованию космоса, ресурсов морей и океанов.

8. Всемерно развивать направления науки и техники, касающиеся обеспечения государственной и общественной безопасности, развивать технические средства защиты воздушного и морского пространства, биосферы, информационных сетей; вести разработку и производство технических средств контроля, прогнозирования, противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам; создавать единую систему защиты окружающей среды и информационных сетей, обеспечения государственных интересов, суверенитета, социальной стабильности.

По нашей оценке, вышесказанное обусловлено усилением внимания к фундаментальной науке, как основе инновационного обновления отраслевой науки, осуществления перехода от заимствованных инноваций к отечественным, создания инновационного технологического потенциала в реальном секторе экономики.

Согласно Плану национальных научно-технических инноваций на период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) Китай намерен к 2020 г. подняться с 18-го на 15-е место в мировом рейтинге инновационных возможностей; научно-технические достижения будут обеспечивать до 60% роста национальной экономики (в 2015 г. этот показатель составил 55,3%). При этом доля добавленной стоимости в сфере наукоемких услуг в национальном ВВП вырастет с нынешних 15,6 до 20%.³ Наряду с увеличением финансирования науки, существенным фактором, благоприятствующим реализации Плана, является растущая эффективность интеграции в гражданскую сферу научно-технических и технологических достижений военно-промышленного комплекса.

Актуальной задачей развития как для Китая, так и для России становится осуществление широкомасштабной модернизации основных секторов экономики и создание передовых высокотехнологичных производств — драйверов инновационного развития. Очевидно, что выполнение этих задач невозможно без активных внешних контактов, международной технологической кооперации и участия в развитии мировой науки. При

этом и для России, и для Китая весьма актуален вопрос выбора партнера для привлечения и разработки передовых технологий и выбор рынка для продвижения плодов модернизации (т.е. для роста экспорта наукоемкой продукции).

Серьезное препятствие на пути реализации принятого Китаем курса на создание инновационной экономики и сокращение зависимости от иностранных технологий: недостаточная развитость фундаментальной науки. Решению данной проблемы могло бы способствовать его широкое участие в международном научно-техническом сотрудничестве. Между тем, в индустриально развитых странах, прежде всего в США, есть множество законодательных и административных ограничений, нацеленных на сдерживание технологического развития Китая, ослабление его конкурентных позиций в борьбе за технологии и ресурсы.

В Китае понимают, что политика стран Запада в основном направлена на поддержание и увеличение технологического отставания Китая, перенос туда трудо-, ресурсо- и капиталоемких морально устаревших производств, имеющих пониженные технические характеристики, особенно в части воздействия на окружающую среду и безопасности труда. Ввиду этого китайцы стремятся активно использовать богатый российский опыт по созданию и использованию передовых научно-технических и опытно-конструкторских разработок.

Российская традиция глубины фундаментальных научных исследований, что являются источником первоначальных инноваций, в сочетании с обширным китайским рынком, способностью Китая к трансферу научных достижений, его успешным многолетним опытом создания специальных экономических зон (СЭЗ) и особых зон по промышленному освоению новых и высоких технологий — вот фундамент, на котором РФ и КНР могли бы объединить свои преимущества в двустороннем научно-техническом сотрудничестве. Постоянное углубление их взаимовыгодного сотрудничества в сфере инноваций и высоких технологий явилось бы мощным импульсом для развития взаимоотношений на благо народов обеих стран⁴.

Российско-китайское взаимодействие в области науки и техники строится на основе межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве 1992 г., межправительственного протокола о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность 1999 г., протоколов Российско-Китайской подкомиссии по научно-техническому сотрудничеству. Благоприятные факторы: установившиеся между двумя державами отношения стратегического партнерства и углубление взаимного доверия в политической области. Расширяются сферы и постоянно увеличивается количество субъектов сотрудничества, обновляются формы, постепенно формируются многоканальные структуры взаимодействия. В отношениях между двумя странами наука и технологии суть именно те сферы, где выгода от взаимодополняемости наиболее очевидна, а потенциал дальнейшего развития поистине огромен.

Двусторонняя Программа научно-технического сотрудничества по состоянию на 2000 г. включала 79 совместных проектов фундаментальных и прикладных исследований по таким важным направлениям, как автоматика, новые материалы, биотехнологии, атомная физика и физика высоких энергий, химия и нефтехимия, экология, телекоммуникации, информатика, ресурсосберегающие технологии, сейсмология, строительство, сельское хозяйство, машиностроение, горная и металлургическая промышленность, геология, океанография и др. В ходе совместных исследований получены конкретные результаты, имеющие большое научное и хозяйственное значение.

В последнее время обе стороны наибольший акцент делают на развитии инновационных форм сотрудничества, ориентированных на скорейшее внедрение результатов НИОКР в производство и коммерциализацию научно-технических разработок. Правовой основой такого взаимодействия стал Меморандум о взаимопонимании между Министерством промышленности, науки и технологий РФ и Министерством науки и технологий

КНР по сотрудничеству в области инновационной деятельности, подписанный сторонами в 2000 г. Работа по внедрению российских технологий на китайском рынке ведется через такие структуры, как российско-китайский консорциум «Центр науки и высоких технологий» (создан в 1995 г. при поддержке Минпромнауки России), а также созданная по инициативе российской стороны Международная компания рискованных инвестиций. Стороны приступили к созданию совместных инновационных структур. В октябре 2000 г. была учреждена Российско-Китайская показательная база промышленного освоения новых и высоких технологий в г. Яньтай (пров. Шаньдун), основная задача которой — коммерциализация преимущественно российских высокотехнологических разработок и их продвижение на рынки Китая, России и третьих стран. К яньтайскому опыту был проявлен значительный интерес со стороны промышленных центров КНР. В мае 2001 г. в г. Цзюйчжоу (пров. Чжэцзян) был учрежден Парк российско-китайского научно-технического сотрудничества, ориентированный на внедрение разработок в области промышленной химии⁵. В настоящее время *более 30 институтов РАН⁶* осуществляют научное сотрудничество с различными научными организациями Китая в рамках межинститутских прямых договоров, например:

– Институт высоких температур РАН по договору с Институтом электротехники Китая ведет работы по МГД — преобразованиям энергии на угле;

– Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН совместно с Институтом физики высоких энергий АН Китая проводит аэростатные исследования по физике космических лучей, астрофизике высоких и сверхвысоких энергий, астрофизические исследования в инфракрасной и субмиллиметровой областях;

– Физико-технический институт им. Иоффе РАН и Пекинский университет совместно разработали новые методы локальной диагностики материалов и структур для микро- и оптоэлектроники;

– Институт физики атмосферы РАН и Институт физики атмосферы АН Китая проводят совместные исследования по проблемам промышленного загрязнения атмосферы крупных промышленных центров России и Китая;

– Нейтронно-физический отдел ФИАН и пекинский Университет Цинхуа работают над созданием мощных импульсных источников рентгеновского и нейтронного излучений;

– Институт математического моделирования РАН и Институт прикладной физики и вычислительной математики АН Китая создали программы для численного решения задач физики плазмы;

– Институт прикладной физики РАН совместно с учеными Университета электроники и технологий (г. Чэнду, пров. Сычуань) разработали гидроклистронный комплекс и релятивистский источник СВЧ-излучения. Одновременно с Институтом акустики (г. Пекин) был заключен контракт на разработку и изготовление гидроакустических излучателей и их программного обеспечения;

– Институт проблем химической физики РАН и Китайская академия инженерной физики создали совместную китайско-российскую промышленную компанию «Сычуань Маньян ЛИЭР», деятельность которой основывается на использовании в производстве совместных наукоемких технологических разработок (по химическим средствам защиты растений, техническим изделиям из полимерных материалов и пр.);

– Успешно работает совместное предприятие «Тигол», созданное Институтом высоких температур РАН и корпорацией «Чанчэн» для производства оборудования по нанесению покрытий из нитрида титана и других перспективных материалов;

– Институт металлургии Уральского отделения РАН и Институт химической металлургии АН Китая создали совместное предприятие по производству антикоррозионных покрытий на основе технологии порошковой металлургии.

– Институт Дальнего Востока РАН поддерживает научный обмен по широкому кругу проблем современного Китая и российско-китайских отношений с учеными институтами АН Китая, Университета Цинхуа, Шанхайской академии общественных наук, академий наук провинциального уровня и других научных центров (среди совместных трудов российских и китайских ученых: Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем — главные редакторы: академик РАН М.Л. Титаренко, д.э.н. В.Я. Портяков);

– в июне 2015 г. состоялось обсуждение перспектив взаимодействия и подписание протокола о сотрудничестве между Институтом океанологии (ИО) им. П.П. Ширшова РАН и Национальным центром океанских технологий Китая (г. Тяньцзинь), что, по нашей оценке, обусловлено повышенным интересом Китая к ресурсам Мирового океана и реализацией установки XVIII съезда КПК на превращение Китая в морскую державу.

В интересах дальнейшего повышения уровня и степени двустороннего научно-технического сотрудничества, удовлетворения требований постоянно развивающихся двусторонних отношений, стороны постепенно переходят от краткосрочных, раздробленных, мелких проектов к реализации средне- и долгосрочных крупномасштабных проектов. Еще в ноябре 2007 г., в рамках состоявшейся в Москве 12-ой регулярной встречи глав правительств РФ и КНР был подписан «Меморандум о сотрудничестве в области реализации совместных проектов по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники между министерством науки и техники КНР и Федеральным агентством по науке и инновациям РФ». Было принято решение о развитии сотрудничества на основе принципов взаимовыгоды и объединения обоюдных преимуществ по крупным проектам в таких областях, как нанотехнологии и новые материалы, наука о жизни, энергетика и энергосбережение, рациональное использование природных ресурсов, информационно-коммуникационные технологии и других приоритетных сферах развития. Отметим, что на данный момент уже осуществлено более десяти таких совместных крупномасштабных проектов. Российско-китайское сотрудничество играет важную роль в таких крупномасштабных проектах, как, например, строительство первой в Китае сверхвысоковольтной линии электропередач («Опытно-образцовое строительство сверхвысоковольтной линии электропередач 1000 киловольт Шаньси — Наньян — Цзинмэнь»), создание первого реактора на быстрых нейтронах («Китайский экспериментальный реактор на быстрых нейтронах» (CEFR) и других.

Еще на 13-й регулярной встрече глав правительств двух стран (октябрь 2008 г., Москва) было заявлено о намерении сторон реализовывать совместные проекты с наибольшим инновационным потенциалом и коммерческими перспективами (по нанотехнологиям, авиационному, энергетике, информационно-коммуникационным технологиям, энергосбережению, экологии, рациональному природопользованию). Данное намерение нашло отражение в ряде подписанных документов¹, среди которых:

– Соглашение «Российской корпорации нанотехнологий» с Министерством науки и техники КНР о стратегическом сотрудничестве по нанотехнологиям;

– Меморандум между госкорпорацией «Росатом» и Китайской госкорпорацией ядерной промышленности о сотрудничестве в сооружении в КНР двух блоков согласно проекту расширения Тяньваньской АЭС и демонстрационного реактора на быстрых нейтронах коммерческого назначения;

– Протокол о намерениях между ОАО «Вертолеты России» и Китайской компанией по экспорту-импорту авиационных технологий о поставке в КНР гражданских вертолетов;

– Меморандум о взаимопонимании между ОАО «Вертолеты России» и Вертолетной компанией «АВИКоптер» (КНР) о совместной разработке гражданского тяжелого вертолета.

Стороны подтвердили намерение углублять сотрудничество в энергетической сфере по таким направлениям, как сооружение второй очереди Тяньваньской АЭС и де-

монстрационного реактора на быстрых нейтронах, строительство завода по обогащению урана, разведка урановых месторождений, изготовление топлива для АЭС и реакторов на быстрых нейтронах, переработка отработавшего ядерного топлива и обращение с радиоактивными отходами.

В последние годы научно-технический прогресс шел в КНР быстрыми темпами и ныне вступил в фазу стремительного подъема. В таких областях, как космические и информационные технологии, новые источники энергии, новые материалы, биотехнологии, нанотехнологии, строительство высокоскоростных железных дорог, защита окружающей среды Китай ныне обладает достаточным потенциалом для того, чтобы взаимовыгодное научно-техническое сотрудничество с Россией развивать на равноправной основе. Оно стабильно и неуклонно продвигается вперед к все более полному воплощению в жизнь принципа «обоюдной выгоды». Новым примером этого является область нанотехнологий: Министерство науки и технологий КНР и ОАО «РОСНАНО» заключили стратегический союз по совместным научным исследованиям в данной сфере и по внедрению новых разработок в производство. По одному из проектов — производству литиевых батарей — строится завод в Новосибирске, который в ближайшем будущем вступит в эксплуатацию⁸.

В марте 2017 г. «Объединенная авиастроительная корпорация» РФ и «Китайская корпорация гражданского авиастроения» учредили совместное предприятие для разработки, производства, реализации и послепродажного сервиса широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета⁹, который должен составить конкуренцию авиалайнерам ведущих мировых авиастроительных корпораций «Боинг» и «Эйрбас». Первый полет ожидается в 2023 г.

Активно развивается сотрудничество региональных отделений РАН с научно-техническими организациями Китая, а также межотраслевое сотрудничество, в основе которого важное место занимает долговременное деловое взаимодействие АН Китая и РАН. Последняя подписала ряд соглашений с АН Китая и ее филиалами, правительствами нескольких провинций и городов Китая. Взаимодействие осуществляется в таких сферах, как геология и геофизика, биология, ядерная физика, новые материалы, экология, химия различных направлений и другие. В числе форм сотрудничества — совместные семинары, конференции и выставки, совместные центры и лаборатории, подготовка научных кадров¹⁰.

Важное место в российско-китайском научно-техническом обмене занимает Санкт-Петербургский научный центр РАН (СПбНЦ), реализующий ныне несколько десятков совместных российско-китайских межправительственных, межведомственных и межрегиональных проектов в области научных исследований и высоких технологий. Они включают полупроводниковую физику, макромолекулярную химию, новые материалы, океанологию, геологию, судостроение, гидродинамику. Эффективное развитие получает сотрудничество в области энергетики и энергосбережения, современных технологий изготовления и др. Наряду с этим множатся обмены по линии академического сотрудничества и науковедения. Так, в феврале 2005 г. делегация СПбНЦ посетила ряд научных учреждений АН Китая в Пекине, Шанхае и Сиане (институты микроэлектроники, полупроводников, физики и химии, оптики и точной механики, керамики). В Шанхае было подписано Соглашение о научном сотрудничестве СПбНЦ с Шанхайским отделением АН Китая.

В октябре того же года в Университете Цинхуа состоялся Международный форум «Реформы науки и техники в КНР и РФ: теория и практика».

Ярким примером в области обмена технологиями стал совместный проект «Пилотируемый глубоководный аппарат на глубине 7000 метров», осуществляемый при поддержке Министерства науки и технологий КНР и Министерства образования и науки РФ

силами НИИ № 702 Китайской группы компаний судостроения, Центрального НИИ им. академика А.Н. Крылова и Балтийского судостроительного завода.

К примерам плодотворного и эффективного взаимодействия в сфере разработки и производства наукоемкой продукции можно отнести изготовление важнейшего химико-промышленного стратегического сырья — политетрафторэтилена, осуществляемое в рамках взаимодействия предприятий Санкт-Петербурга с технопарком «Чжэцзян Цзюйхуа»; выпуск серийных изделий «НС» для систем с числовым программным управлением, разработанных Институтом вычислительной техники АН Китая (г. Шэньян) совместно с компанией «Балтийская система» (Санкт-Петербург). Кооперационные отношения с НИИ и учреждениями Санкт-Петербурга установили представители провинций Цзянсу, Шаньдун, Хубэй, Ляонин, Хэбэй, Аньхой, Хунань, Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ), Гуанси-Чжуанского АР, городов Шанхай, Шэньян, Харбин и др.¹¹

Уральским отделением РАН (УрО РАН) в феврале 2017 г. заключено Соглашение о научно-техническом сотрудничестве с пров. Хэйлуцзян, главные задачи которого — фундаментальные и прикладные исследования, взаимодействие с АН Китая и ИА Китая. В ходе подписания Соглашения китайская сторона представила информацию о входящих в состав АН пров. Хэйлуцзян научных учреждениях: Дацинском отделении АН пров. Хэйлуцзян, Институте высоких технологий, Институте нефтехимии, Институте микробиологии, Институте технической физики, Институте автоматизации и механотроники, Институте природы и экологии, Институте вулканологии и минеральных источников, Институте энергетики и окружающей среды, а также о Центре промышленно-технического сотрудничества со странами СНГ, Центре биоудобрений, Центре научно-технической инкубации и трансферта технологий. После посещения научных учреждений УрО РАН китайская сторона проявила заинтересованность в установлении сотрудничества с этими организациями, а также в создании совместных внедренческих центров¹².

Большой опыт взаимодействия с КНР накоплен в Сибирском отделении РАН (СО РАН), которое подписало ряд документов с АН Китая, определяющих приоритетные направления научно-технического сотрудничества и, наряду с этим, отражающих вопросы защиты прав интеллектуальной собственности как при двустороннем взаимодействии, так и по отношению к третьим странам. В числе приоритетных областей сотрудничества — новые материалы, в том числе строительные (производство стройматериалов из промышленных и сельскохозяйственных отходов на основе высокоэффективных связующих), производство моторных топлив (особенно из нетрадиционных источников — угля, природного газа, битума), геология, химия и материаловедение (в том числе, редкоземельных элементов); каталитические процессы, промышленные и медицинские лазеры; энергетика (в том числе теплоэнергетика), горячее водоснабжение на основе эффективного использования угольного топлива, а также утилизации городских и сельскохозяйственных отходов; технологии программного обеспечения в области разработки обучающих программ, развивающих игр, адаптации современных систем к китайской иероглифической основе и др.; силовая электроника (в том числе интеллектуальная электроника для автомобилей), научное и контрольное приборостроение; геологоразведочные работы на нефть, газ, твердые полезные ископаемые.

Значительных успехов добились ученые Объединенного института геологии, геофизики и минералогии им. А.А. Трофимука СО РАН и Института геотектоники АН Китая. На собранных ими материалах геологии Южного Китая, Северного Вьетнама и прилегающих частей Мьянмы разработана оригинальная модель тектоники Юго-Восточной Азии. Проведена оценка перспектив региональной нефтегазоносности бассейна Янцзы на основе геотектонической модели активизированной платформы. Важные результаты, имеющие практическое значение, получили ученые Института физики атмос-

сферы РАН и Института физики атмосферы АН Китая, которые провели работы по изучению загрязнения воздушного бассейна Пекина газовыми и аэрозольными примесями.

Особого внимания заслуживает установление постоянных связей и развитие тесной кооперации СО РАН с Национальным центром нанотехнологий АН Китая в Пекине. Важным механизмом перевода научно-технического сотрудничества в практическую плоскость определено создание с участием структур СО РАН и АН Китая на территориях КНР и РФ совместных лабораторий, НИИ, учебно-образовательных и производственно-внедренческих центров, производственных и коммерческих предприятий, технопарков¹³.

В июне-июле 2014 г. делегация ученых СО РАН участвовала в 5-й Харбинской международной выставке научно-технических достижений, получившей статусное название «Первое Российско-Китайское ЭКСПО». Выставка явилась правопреемником Харбинской международной торгово-экономической ярмарки, ставшей за 24 года своего существования не только важным проектом российско-китайского сотрудничества в выставочной сфере, но и совместной международной выставочной платформой. Организаторами ЭКСПО выступили Министерство коммерции КНР, народное правительство пров. Хэйлунцзян, Министерство экономического развития РФ, Министерство промышленности и торговли РФ. Масштабные проекты на ЭКСПО представили Саха (Якутия), Амурская область, Приморский и Хабаровские края, Новосибирская область, Бурятия, Чукотский автономный округ, Тульская область, Камчатка и другие регионы РФ. В работе выставки участвовали делегации Уральского отделения РАН, Национальной академии Белорусской Республики, а также делегации ученых Кореи, Англии, Японии, Тайваня¹⁴.

С 2006 г. развиваются плодотворные научные связи Института биологии моря (ИБМ) им. А.В. Жирмунского Дальневосточного отделения (ДВО) РАН (г. Владивосток) с Институтом океанологии (ИО) АН Китая (г. Циндао). В 2007 г. в ИО АН Китая проводилась совместная научная конференция по исследованиям биоразнообразия в Северо-Восточной Азии, активное участие в которой приняли сотрудники ИБМ. В апреле 2009 г. специалисты по различным группам морских организмов ИО АН Китая осуществляли совместную работу и обмен опытом с учеными ИБМ. В ходе встречи в октябре 2009 г. в рамках договора о сотрудничестве 2006 г. стороны обсудили направления совместных исследований на ближайшие годы. В частности, это касается работ по анализу и сопоставлению имеющихся данных, проведения полевых исследований по наиболее «чувствительным» проблемам, связанным с экологическим моделированием, биоразнообразием и т.п. Большое внимание было уделено обмену информацией через проведение совместных совещаний и визиты специалистов. Для сотрудников ИО АН Китая было организовано посещение Тихоокеанского океанологического института ДВО РАН и Тихоокеанского рыбохозяйственного научно-исследовательского центра (г. Владивосток), где китайские ученые ознакомились с основными направлениями исследований и обсудили перспективы сотрудничества¹⁵.

Министр науки и технологии КНР Вань Ган считает, что сейчас необходимо на основе принципов равноправия и взаимной выгоды шире привлекать к научно-техническому сотрудничеству наших стран молодые научно-технические кадры, воспитывать новое поколение специалистов, знающих языки и разбирающихся в технике, чтобы они расширяли нынешние и открывали новые сферы сотрудничества, обеспечивали его продолжительное развитие. По его словам, «от этого зависит будущее развитие китайско-российского научно-технического сотрудничества, это есть важный фактор, питающий отношения нашего сотрудничества в научно-технической сфере. Путем осуществления различных форм сотрудничества и постоянного повышения его уровня мы закладываем фундамент для того, чтобы наши страны и народы из поколения в поколение сохраняли отношения добрососедства, дружбы и партнерства»¹⁶.

Взаимодействие России и Китая в научно-технической сфере осуществляется в различных формах, включая совместные проекты и предприятия, обмен студентами,

научные конференции. Одно из приоритетных направлений сотрудничества — инновации, а также расширение практического сотрудничества в научно-технической области между академическими институтами, научными центрами и технопарками. Так, в Шанхае в октябре 2014 г. прошел седьмой Международный инновационный форум «Пуцзян», организованный Министерством науки и технологий КНР и мэрией Шанхая. В состав российской делегации вошли представители Дальневосточного, Уральского и Юго-Западного федеральных университетов, технопарка «Сколково», «НТГ Геотех», ЦНИИ робототехники и технической кибернетики, ОАО «РВК», Научного центра «Прометей», группы компаний «Генезис знаний». В апреле 2014 г. на базе Амурского госуниверситета состоялся российско-китайский студенческий научно-исследовательский лагерь Ассоциации технических университетов России и Китая (АТУРК). Тема этой встречи: «Создание малых спутников»¹⁷.

Активное сотрудничество с Государственным фондом естественных наук Китая осуществляется по линии Российского фонда фундаментальных исследований. В 2013 г. из 171 заявки было поддержано 50 совместных проектов по таким научным направлениям, как ядерная физика, нанотехнологии, энергосберегающие технологии, математика, экология, биофизика, биотехнология, фотохимические процессы, материаловедение, лазерные технологии, исследования плазмы.

Одно из важных направлений продвижения российских технологий на зарубежные наукоемкие рынки — участие региональных исследовательских структур, промышленных предприятий и компаний в проводимых в Китае выставках и ярмарках высоких технологий.

В ноябре 2014 г. на 16-й Международной выставке-ярмарке высоких технологий China Hi-Tech Fair (CHTF) в Шэньчжэне, являющейся на сегодняшний день одной из крупнейших в мире выставок в области высоких технологий и самым крупным мероприятием, представляющим высокие инновационные технологии в Китае, была представлена объединенная российская экспозиция. Основные направления выставки соответствовали государственным приоритетам научно-технической политики КНР, к которым относятся информационные и коммуникационные технологии, робототехника, энергосберегающие технологии, технологии альтернативной энергетики, новые материалы, тонкие химические технологии, современное приборо- и машиностроение, интеллектуальное автомобилестроение, микроэлектроника и бионформатика, биотехнологии, технологии охраны окружающей среды и предотвращения природных и техногенных катастроф, технологии безопасности и противодействия терроризму. Российская экспозиция под эгидой Министерства образования и науки РФ ежегодно организуется на China Hi-Tech Fair в течение последних 15 лет; в 2014 г. она включала более 50 высокотехнологичных разработок ведущих российских вузов, национальных исследовательских университетов, государственных научных центров, институтов РАН, инновационных научно-производственных предприятий. Российская экспозиция получила высокую оценку представителей Правительства КНР¹⁸.

Как в Китае, так и в России злободневной является проблема соединения научно-технического прогресса с экономикой, ускорения внедрения высоких технологий в производство. В целях ее решения проведены совместные изыскания. Признано необходимым, с одной стороны, поощрять участвующие в сотрудничестве организации при реализации совместных проектов, создавать совместные лаборатории, предприятия и базы для внедрения технологий. В Китае уже создано свыше ста особых зон промышленного освоения высоких технологий государственного значения. Эти зоны становятся важной платформой для внедрения в производство проектов научно-технического сотрудничества Китая и России. С другой стороны, в обеих странах создано несколько новых центров и баз для научно-технического сотрудничества и внедрения технологий. На территории Китая созданы: китайско-российская база промышленного освоения новых и высоких

технологий в г. Яньтае (пров. Шаньдун), китайско-российский технопарк «Цзюхуа» в пров. Чжэцзян, китайско-российский технопарк в г. Чанчунь (пров. Цзилинь), а также центр по научно-техническому сотрудничеству и внедрению в пров. Хэйлуцзян; на территории России — российско-китайский технопарк «Дружба» в Москве.

В июне 2015 г в Москве состоялся Первый Российско-Китайский форум высоких технологий. Его организаторами выступили Министерство образования и науки РФ и Международный Союз приборостроителей и специалистов по информационным и телекоммуникационным технологиям (МСП ИТТ), с китайской стороны — Правительство г. Шэньчжэня и Оргкомитет Китайской выставки высоких технологий (СНТФ). Особый интерес на форуме вызвали представленные российской стороной разработки в актуальной для Китая области защиты экологии «Региональный мониторинг состояния атмосферы с использованием беспилотных летательных средств», «Мобильное устройство для получения биогумуса» и «Технология комплексной переработки крупномасштабных отходов производства минеральных удобрений с получением товарных продуктов многофункционального назначения», получившие высокую оценку со стороны китайских ООО «Научно-техническая компания Цзюйсинь» и «Пункт обработки опасных отходов».

В ноябре 2016 г. Россия приняла участие в 18-й Международной выставке высоких технологий China Hi-Tech Fair (СНТФ) в г. Шэньчжэнь. В российской экспозиции, организованной Минобрнауки РФ, было представлено 20 российских научно-исследовательских учреждений и научно-производственных компаний; многие из представленных на выставке 40 технологий были разработаны в рамках федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России». Большим вниманием посетителей российского стенда пользовались технологии обеспечения безопасности и противодействия терроризму, в числе которых — решения Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого для анализа и обеспечения безопасности Интернета Вещей, а также представленная НИИ «ГЕОТЕХ» технология бесконтактного обнаружения взрывчатых веществ, в том числе пластических (пластитов, или plastic explosives), входящих в состав самодельных взрывных устройств. Китайские коллеги провели для российской делегации обзорную экскурсию по Павильону АН Китая, обращая особое внимание на разработки в области энергетики, космоса, автомобилестроения; представили реализованную программу разработки двигателей первой ступени для космических кораблей, решения для электромобилей, в разработке концепта которого принимали участие академические институты, 3D принтеры и т.д. МСП ИТТ подписало соглашения о сотрудничестве с двумя Инновационными центрами Университета Цинхуа (г. Пекин)¹⁹.

Весьма важны для развития сотрудничества — обмен данными об инновационных разработках в России и Китае и перспективах их внедрения в экономики обеих стран. Большое значение здесь принадлежит Байкальскому экономическому форуму, проводимому регулярно на межрегиональном уровне. Поочередно в РФ и КНР проводятся международные российско-китайские симпозиумы по проблеме создания новых материалов и технологий их производства. Одним из направлений сотрудничества является производство институтами РАН научного оборудования и наукоемкой продукции по заказу китайских организаций. Так, институты СО РАН поставляют в КНР промышленные ускорители и приборы для физики высоких энергий, оборудование для холодного газодинамического напыления порошковых материалов, уникальное высоковольтное оборудование, установки для упрочнения поверхностей металлов, оборудование для тепловых электростанций²⁰.

Китайская сторона уделяет большое внимание вопросам инновационной экономики и динамике модернизации в России, особенно деятельности российского инновационного центра Сколково и развитию нанотехнологий. При этом выделяются два

направления сотрудничества: во-первых, формирование необходимого механизма и платформы сотрудничества в Китае; например, строительство центров индустриализации высоких технологий в Харбине, Яньтае, Цзюйчжоу и других китайских городах, что способствует выходу российских высоких технологий на китайский рынок и в страны АТР, сотрудничеству в сфере НИОКР и осуществлению индустриализации в Китае; во-вторых — активное продвижение участия китайских предприятий в развитии российских промышленных парков высоких технологий, включая проект Сколково²¹. С целью активизации российско-китайского сотрудничества в области научно-технических инноваций по линии вузовской науки в июне 2013 г. в Китае учреждена Ассоциация технических университетов Китая и России (Association of Sino-Russian Technical Universities — ASRTU) с штаб-квартирой в научно-техническом парке Харбинского политехнического университета. В рамках Ассоциации вузы Китая и России будут вести подготовку инновационных специалистов высшего уровня. Проектом предусмотрено создание в научно-техническом парке базы для обмена специалистами, имеющей соответствующую инфраструктуру. В перспективе стороны планируют на основе взаимодействия вузов двух стран создать комплекс «образование — научное исследование — производство», а также сеть китайско-российского научно-технического сотрудничества. К настоящему времени к ассоциации присоединились 15 китайских и 14 российских технических университетов²².

На наш взгляд, при оценке перспектив российско-китайского научно-технического взаимодействия в ближайшие годы следует иметь в виду, что на нынешнем этапе Китай последовательно реализует курс на превращение страны из мирового «сборочного цеха» в государство с современной высокотехнологичной промышленностью. В связи с этим расходы Китая на НИОКР возрастают с темпами, опережающими темпы экономического роста: так в 2016 г. они возросли на 9,4% (до 221 млрд. долл.)²³ против увеличения ВВП за тот же период на 6,7%.

Выполнение поставленных руководством КНР задач перед АН Китая и ИА даст возможность для КНР к 2020 г. в основном осуществить переход от экстенсивной к интенсивной модели экономического роста. В результате Китай сможет догнать и обогнать США и в дальнейшем выйти на первое место в мире по объему ВВП, что позволит решить задачу построения общества «малого благоденствия» («сяокан»). Развитие российской науки и техники и ее выход на качественно новый уровень позволит России совершить качественный технологический и экономический скачок, обеспечить более высокие темпы экономического роста и уменьшить зависимость страны от экспорта энергоресурсов. Весьма ценным для России может стать использование китайского опыта коммерциализации научно-технических достижений для продвижения российской высокотехнологичной продукции на быстро развивающиеся рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона, на долю которого приходится около 59% мирового ВВП (2015 г.)²⁴ Вместе с тем совершенно очевидно, что при движении по этому пути, в условиях обострения конкуренции на рынках сбыта шансы на успех может иметь только продукция, создаваемая на основе достижений высокоразвитой фундаментальной науки.

В заключение можно отметить, что Россия и Китай имеют взаимную заинтересованность в развитии отношений научно-технического сотрудничества. Они прошли в этом направлении значительный путь, в ряде случаев добиваясь существенных практических результатов. Однако на дальнейшее продвижение вперед, по нашей оценке, могут оказать негативное влияние некоторые *проблемы*, среди которых можно выделить различия во взглядах на роль науки в современном обществе в Китае и в России. Если в Китае наука рассматривается как главный фактор общественного развития и имеет, как и во многих странах мира, приоритетное финансирование, то в России она близка к утрате такого статуса. Затянувшееся реформирование РАН, в результате которого финансирование академической науки с 2013 по 2016 г. существенно сократилось, а перспективы остаются

ся неопределенными, не внушает оптимизма. Согласно оценкам аналитиков США в рейтинге стран мира по расходам на НИОКР, рассчитанному как общий объем государственных и частных расходов на НИОКР в процентах от ВВП, в 2016 г. Китай занял 2-е место с показателем 1,98, в то время как Россия — 8-е место с показателем 1,50.²⁵ В этой связи вице-президент РАН академик А.Л. Асеев отмечает: «По мнению руководителей академии, ведущих ученых, реформа не ускорила развитие российской науки, а резко затормозила. Более того, реформа зашла в тупик»²⁶.

Тем не менее, исходя из предположения, что возможности позитивных перемен в российской науке не утрачены, полагаем, что они должны быть реализованы на новом этапе ее реформирования, что укрепит статус России как мировой державы и позволит в полной мере использовать потенциал РФ и КНР для повышения эффективности российско-китайского научно-технического сотрудничества в контексте развивающихся между нашими странами отношений стратегического партнерства.

1. URL: <http://ru.apircenter.org/archives/1561>.
2. URL: <http://helpiks.org/7-40051.html>.
3. Ван Фан. Сильная держава — передовая наука и техника // Китай. 2016. № 10. С. 16.
4. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/kjhz/kjxx/t970437.htm>.
5. URL: <http://www.mid.ru/BDOMP/bl-raz.nsf/7b27b40957ce8e5743256a2c00350999/e5730189ca34b99a43256c7d006aa139!OpenDocument>.
6. URL: <http://www.ras.ru/about/cooperation/internationalcooperation4.aspx>.
7. URL: www.viperson.ru.
8. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/kjhz/kjxx/t970437.htm>.
9. URL: <http://aviation21.ru/oak-i-comac-uchredili-sp-dlya-sozdaniya-shirokofyuzelyazhnogo-samolyota/>
10. URL: <http://china.inconnect.ru/?id=50>.
11. URL: <http://saint-petersburg.china-consulate.org/rus/kjhz/t311611.htm>.
12. URL: <http://www.uran.ru/node/4846>.
13. URL: <http://www.sbras.ru/HBC/hbc.phtml?10+446+1>.
14. URL: <http://archhive.sb-ras.ru/expo/instal-cont.asp?id1=289>.
15. URL: http://www.imb.dvo.ru/arch/r_291009.htm.
16. URL: http://russian.china.org.cn/international/archive/chinarussian60/2009-09/16/content_18539425.htm.
17. URL: <http://thewallmagazine.ru/rch-economics/>
18. URL: <http://многобранауки.рф/с/новости/4657>.
19. URL: <http://e-expo.ru/index.php/2010-07-23-11-37-45/chtf-2016-menu1.html>.
20. URL: <http://e-expo.ru/index.php/2010-07-23-11-37-45/chtf-2016-menu1.html>.
21. Жэньминь жибао. 22.11.2010.
22. CRIRussian.ru. «Международное радио Китая». 26.06.2013.
23. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2017/03/08/kitaj-nacelilsja-na-tehnologicheskij-proryv-43646.html>.
24. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=440622>.
25. 2016 GlobalR&DFundingForecast.
URL: https://www.iriweb.org/sites/default/files/2016GlobalR%26DFundingForecast_2.pdf.
26. URL: <http://www.sib-science.info/ru/sbras/predsedatel-sibirskogo-otdeleniia-ran-nazval-glavnuu-problemu-nauki-19042016>.

Трудовая миграция из Северной Кореи как важное направление ее внешнеэкономических связей

© 2017

Л.В. Захарова

Статья содержит анализ современной ситуации в области временной трудовой миграции из КНДР, значения для ее экономики этого вида международного сотрудничества и его перспектив в условиях действующих санкций Совета Безопасности ООН. Представлена оценка масштабов и направлений экспорта северо-корейской рабочей силы.

Ключевые слова: КНДР, экономика, сотрудничество, трудовая миграция, рабочая сила, санкции.

В условиях действующих международных ограничений в торговой, финансовой, логистической и прочих сферах руководство КНДР изыскивает альтернативные возможности диверсификации внешнеэкономической деятельности. Одно из важных направлений развития экономических связей с другими государствами для Северной Кореи на современном этапе — экспорт рабочей силы. Значение данного вида сотрудничества обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. С одной стороны, в КНДР налично избыток трудовых ресурсов из-за нехватки рабочих мест внутри страны. С другой стороны, во многих странах (включая соседствующие с КНДР) лучше платят, и у них есть потребность в привлечении дополнительных рабочих рук. Благодаря этому рабочие из КНДР оказываются конкурентоспособными на региональном рынке, особенно в трудоемких отраслях промышленности, строительстве, сельском хозяйстве.

Восприятие в мире экспорта северо-корейских трудовых ресурсов

Последние годы отмечены заметным ростом внимания к данной теме, особенно в Южной Корее. Фокус публикаций, в том числе научных, обычно смещен к поиску нарушений прав человека со стороны северо-корейских властей. В СМИ, в реляциях правозащитников, даже в научных исследованиях отправку из КНДР рабочих за рубеж принято квалифицировать как «рабство, спонсируемое государством».

В 2012 г. в Сеуле Стратегический центр по Северной Корее (North Korea Strategy Center) огласил доклад «Условия работы северных корейцев за рубежом» (The Conditions of the North Korean Overseas Labor). Своей целью авторы ставили «описание действующей системы и условий жизни северо-корейских рабочих за рубежом и выявление нарушений прав человека в этой системе». На основе опросов граждан КНДР, поработавших

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: ludmila_hph@ Rambler.ru.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10126 «Трансформация социально-экономической системы КНДР как фактор мирного урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове»).

за границей, были представлены оценочные данные по количеству и статусу «отходников», объему зарабатываемой ими валюты и т.д.

Два года спустя Комиссия по расследованию нарушений прав человека в Северной Корее, созданная в 2013 г. Советом по правам человека ООН, огласила на сайте Верховного комиссара ООН по правам человека Доклад ООН о правах человека в КНДР, в котором акцентировалось внимание на «многочисленных преступлениях северо-корейского режима против собственных граждан и человечности» (хотя тема «принуждения к труду в невыносимых условиях на зарубежных объектах» в Докладе затронута не была). Этот пробел был вскоре заполнен южнокорейским Институтом политических исследований Асан (Asan Institute for Policy Studies) в трактате «За рамками доклада комиссии ООН по правам человека в Северной Корее» («Beyond the UN COI Report on Human Rights in North Korea»). В нем северо-корейский режим обвинялся в том, что к своим гражданам относится как к бесплатному трудовому ресурсу и принуждает их работать в условиях, близких к рабству. По версии авторов, именно вынужденные работать за рубежом северные корейцы, а также работники ядерных объектов в КНДР должны являться ключевыми объектами воздействия, чтобы добиться прекращения ядерной программы Северной Кореи. В 2015 г. вышел доклад «Права человека и рабочие Северной Кореи за рубежом: дилеммы и изменения политики» («Human Rights and North Korea's Overseas Laborers: Dilemmas and Policy Changes») за авторством южнокорейской правозащитной организации Центр базы данных по правам человека в Северной Корее (Database Center for North Korean Human Rights).

Тогда же достоянием гласности стал доклад «Воля государства: принудительный труд северных корейцев» («The Will of the State: North Korean Forced Labour»), составленный неправительственной организацией Европейский союз за права человека в Северной Корее (European Alliance for Human Rights in North Korea). В 2016 г. было опубликовано исследование, подготовленное в Лейденском университете под названием «Рабы системы: исследование принудительного труда северных корейцев в ЕС» («Slaves of the system: Research on North Korean forced labour in the EU»), посвященное положению северо-корейских рабочих в странах Евросоюза (преимущественно, в Польше). Внимание здесь акцентировалось на том, как трудовые практики, принятые в КНДР, применяются к северо-корейским рабочим за рубежом. В частности, указывалось, что экономическая выгода от их труда идет напрямую государству, которое потом возвращает рабочим ее небольшую часть, обычно достаточную лишь для того, чтобы поддерживать необходимый уровень существования (однако этот заработок в реальном выражении может быть лучше, чем в самой КНДР)¹.

В российской науке теме трудовой миграции из КНДР на Дальний Восток России традиционно отводилось особое место в силу значимости этого аспекта взаимодействия двух стран. Вклад в исследование проблемы внесли Бок Зи Коу, А.Т. Кузин, Г.Б. Дудченко, А.В. Друзяка, И.В. Безик, а также Л.В. Забровская и А.С. Вашук, предложившие свои варианты периодизации сотрудничества КНДР и России в данной сфере. В монографии Н.Е. Бажановой «Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика» указывалось на перспективность экономического сотрудничества между Россией и КНДР через развитие «производственной специализации и кооперации с последующим созданием совместных предприятий» — прежде всего в лесной промышленности и сельском хозяйстве². Предусматривалось, чтобы корейская сторона главным образом предоставляла рабочую силу, а российская — сырье, земли, технику, технологии.

Своей целью автор данного исследования ставит следующее: представить объективный анализ современной ситуации в области временной трудовой миграции из КНДР, значения этой формы международного сотрудничества для Северной Кореи и, наконец, его перспектив в условиях действующих санкций Совета Безопасности ООН. Рассмотр-

ные вопросы соблюдения прав северокорейских рабочих за рубежом в рамки настоящей статьи не входит.

В процессе исследования были использованы такие методы как анализ имеющихся в открытом доступе материалов по теме на русском, английском и корейском языках, а также экспертные консультации со специалистами, имеющими доступ к северокорейским рабочим за рубежом.

Исторический экскурс

Первые официальные соглашения между Правительством СССР и северокорейскими властями, а затем, после формального провозглашения независимости, и Правительством КНДР, о привлечении корейцев для работы на Дальнем Востоке были заключены еще во второй половине 1940-х годов³. В 1946–1949 гг. на Сахалин прибыли около 26 тыс. жителей Северной Кореи (из них около 20 тыс. были рабочими, остальные — члены семей)⁴. В 1952 г. в Приморье на предприятиях Приморрыбпрома трудились 935 граждан КНДР. Документы фиксируют их добросовестную и без нареканий с советской стороны работу. На конец 1952 г. в крае насчитывалось в общей сложности 1253 северокорейских рабочих и членов их семей. Во второй половине 1950-х годов значительное число северокорейцев трудилось в сфере народного хозяйства Хабаровского края, в состав которого до 1956 г. входила и Камчатская область⁵. Въезд трудовых мигрантов из КНДР осуществлялся в упрощенном порядке, по специальным разрешениям.

На начальном этапе корейцы работали главным образом в рыбной промышленности Дальнего Востока России, а потом сфера их занятости расширилась за счет лесоповала, деревообработки и пр. В условиях острого дефицита трудовых ресурсов в этом регионе СССР Москва считала привлечение иностранной силы одним из способов решения проблемы. При этом именно северокорейцы доставляли местным властям намного меньше проблем по сравнению с китайскими рабочими и даже гражданами СССР, приезжавшими на Дальний Восток по рабочим контрактам⁶. Первая волна трудовой миграции из КНДР с концентрацией главным образом на Сахалине завершилась последующей отправкой большей части рабочих на родину, в 1962 г. выехала последняя партия. При этом часть из въезжавших по трудовым контрактам северных корейцев получила советское гражданство и осталась жить в СССР к большому неудовольствию КНДР⁷.

В 1957 г. КНДР и СССР заключили соглашение о заготовке леса, по которому советское правительство предоставило корейским рабочим возможность в 1957–1962 гг. (в 1960 г. был подписан протокол о продлении срока действия соглашения до 1972 г.) заготавливать древесину в количестве 1,5 млн куб. м в леспромхозе Хабаровского края. При этом за каждый кубометр КНДР обязывалась заготавливать 1,33 куб. м для СССР, советская сторона оказывала необходимую техническую помощь в проведении работ и доставке леса до границы⁸. Это ознаменовало начало новой волны трудовой миграции из КНДР с концентрацией в Хабаровском крае и последующим распространением на территорию Амурской области. А.С. Вашук отмечает, что этот этап характеризуется новым порядком привлечения северокорейских рабочих, который можно определить как «компенсационную модель международной трудовой миграции»⁹.

Из-за нарушений правил рубки леса с северокорейской стороны (на фоне обострения советско-северокорейских политических отношений) в 1965–1966 гг. лесозаготовительное представительство КНДР в СССР прекратило свои операции. Но уже в 1967 г. стороны подписали новое соглашение, и заготовительные работы были возобновлены, поскольку Северная Корея остро нуждалась в лесоматериалах, а для СССР в условиях дефицита рабочей силы в районах Дальнего Востока такая форма сотрудничества была экономически рентабельной¹⁰.

За 1964–1974 гг. численность корейских работников на территории Хабаровского края увеличилась почти в 1,6 раза и достигла 14,5 тыс. человек. В 1975 г. было заключено межправительственное соглашение о привлечении северокорейской рабочей силы к лесозаготовкам и на территории Амурской области¹¹.

К середине 1980-х годов силами корейских рабочих в Хабаровском крае были созданы десять леспромхозов с годовой мощностью около 5 млн куб. м древесины и в Амурской области пять леспромхозов с годовой мощностью 2,4 млн куб. м¹². В 1989 г. на лесоповалах Дальнего Востока России работали 20 550 человек из КНДР (в том числе 13 550 человек — в Хабаровском крае и 7000 человек — в Амурской области)¹³.

В постсоветскую эпоху КНДР продолжила отправлять рабочих на Дальний Восток России, обеспечивая себе таким образом возможность для заработка иностранной валюты. Существенно изменились условия въезда (перевод на визовую основу взаимных поездок) и пребывания северокорейских граждан в России. Началось активное освоение новых территорий, прежде всего за счет Приморского края, и сфер деятельности (сельское хозяйство и строительство). К началу XXI века на территории Дальнего Востока трудились около 20 тыс. мигрантов из КНДР¹⁴.

В 1970-е годы Пхеньян начал отправлять своих рабочих в Африку и на Ближний Восток. В 1975 г. в рамках Министерства внешней торговли было создано Агентство зарубежного строительства, в ведении которого находилась отправка рабочих соответствующих профессий в другие страны, прежде всего на Ближний Восток, переживавший тогда этап бурного строительства¹⁵.

В 1990-е годы в разных странах стали открываться рестораны корейской кухни, в которых также работали граждане КНДР. В дальнейшем стала расширяться как география, так и специальности трудовых мигрантов из Северной Кореи. По имеющимся оценкам, всего рабочие из КНДР успели поработать в более чем 40 странах мира.

Оценки масштабов и направлений экспорта рабочей силы из КНДР

Северная Корея не предоставляет официальной статистики по количеству отправленной за рубеж рабочей силы. Как и в случае с оценочными данными по ее внешней торговле, которые формируются на основе суммирования статистики стран-партнеров, исследователи и аналитики пользуются цифрами официальных органов государств, принимающих северокорейскую рабочую силу. При этом надо иметь в виду, что далеко не все страны предоставляют подобную статистику в открытом доступе и на регулярной основе. При этом, как ни парадоксально, некоторые государства при учете иностранных граждан, пересекающих их границу, не делают различий между северными и южными корейцами. Все это создаст дополнительные сложности для анализа масштабов и основных направлений экспорта северокорейской рабочей силы.

Основные источники количественных оценок трудовой миграции из КНДР, как и информации о специфике ее организации являются разного рода доклады, подготовленные исследовательскими и правозащитными организациями, (расположенными чаще всего в Республике Корея и США). Среди них — Стратегический центр по Северной Корее (в РК), Центр базы данных по правам человека в Северной Корее (в РК), Комитет по правам человека в Северной Корее (в США). Они расценивают отправку рабочих за рубеж как целенаправленную деятельность северокорейских органов по обеспечению притока иностранной валюты, осуществляемую по указанию руководства КНДР. По их данным, в последние годы количество выезжающих на заработки за рубеж граждан КНДР существенно увеличилось, поскольку государству нужна валюта. Оценки общего числа северокорейских рабочих, нанятых за рубежом в начале 2010-х годов, обычно колеблются от 50 тыс. до 65 тыс. человек. К середине 2010-х годов их количество увеличилось примерно до 100 тысяч¹⁶.

Среди принимающих — Россия, Китай, Монголия, государства Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки. До недавнего времени принимали рабочих из Северной Кореи и страны ЕС — такие, как Чехия, Польша, а также Австрия, Нидерланды и Мальта. Но в 2006 г. первая из них перестала выдавать таковым рабочие визы, а в 2016 г. к ней присоединились Польша и Мальта: таков был результат активизации международного давления на страны — реципиенты трудового экспорта из КНДР¹⁷.

Согласно исследованию Азиатского центра Лейденского университета, за период с 2008 по 2015 г. в Польше было выдано 2783 разрешения на работу для северных корейцев, трудившихся в ряде компаний в области судостроения, сельского хозяйства и строительства¹⁸. По имеющимся оценкам, именно в странах Евросоюза, граждане КНДР получают наиболее высокие зарплаты по сравнению с другими странами-реципиентами.

Таблица 1

Структура трудовой миграции из КНДР
на основе анализа различных источников (начало 2010-х гг.)

Принимающие страны / регионы	Примерное количество рабочих	Сферы занятости
Китай	20–30 тыс. человек (длительное пребывание)	Текстильная и добывающая промышленность, сборочное производство, ресторанный бизнес, компьютерное программирование, медицина
Россия и Белоруссия	20–25 тыс. человек	Строительство, лесная и текстильная промышленность, ресторанный бизнес, сельское хозяйство
Ближний Восток и Северная Африка (Кувейт, Катар, ОАЭ, Ливия, Оман, Алжир)	10–15 тыс. человек	Строительство и медицина, текстильная промышленность
Европа (Польша, Чехия, Мальта)	1–5 тыс. человек	Текстильная промышленность, судостроение, сельское хозяйство, преподавание тхэквондо
Африка южнее Сахары (Ангола, Намибия, Нигерия, Эфиопия, Экваториальная Гвинея)	2–8 тыс. человек	Сооружение памятников, преподавание тхэквондо, медицина
Монголия	1,3–5 тыс. человек	Текстильная и добывающая промышленность, строительство
Страны Юго-Восточной Азии (Малайзия, Вьетнам, Мьянма)	1–15 тыс. человек	Строительство, добывающая промышленность, ресторанный бизнес

Источники: International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor. The Conditions of the North Korean Overseas Labor. Seoul: North Korea Strategy Center, 2012. P.19; Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun Go, Beyond the UN COI Report on Human Rights in North Korea. Seoul: The Asan Institute for Policy Studies, 2014. P.30

Среди основных сфер занятости северокорейских рабочих за рубежом можно выделить строительство, производство (прежде всего, текстильное и сборочное), лесозаготовки, а также медицину и ряд узкопрофильных сфер (например, компьютерное программирование, обучение тхэквондо и т.п.). Особое место занимает отправка персонала в северокорейские рестораны (официанток, поваров, менеджеров). По некоторым подсчетам, в настоящее время в 12 странах мира насчитывается около 130 подобных заведе-

ний, главным образом в Китае, странах Юго-Восточной Азии, а также России и ОАЭ. В Европе первый северокорейский ресторан открылся в Нидерландах в 2012 г., однако через некоторое время он был закрыт¹⁹.

В табл. 1 представлены сводные данные из нескольких источников по направлениям, количеству и областям занятости трудовых мигрантов из КНДР.

Учитывая территориальную близость и протяженность границы, вполне логично было бы предположить, что крупнейшим реципиентом северокорейской рабочей силы является *Китай*. Однако точных официальных данных по количеству северокорейских рабочих в КНР автору найти не удалось. Есть статистика Государственного управления Китая по туризму о количестве въезжающих в КНР северных корейцев, в том числе по категории «рабочие и члены экипажа», однако неясно, как можно выделить из них тех граждан КНДР, что работают здесь по контрактам, заключенным с китайскими компаниями. В 2013–2015 гг. число въехавших в КНР граждан КНДР по этой категории составляло около 90 тыс. человек в год (табл. 2). По мнению китайских ученых, среди них могут быть и посещающие КНР на короткий срок члены бизнес-делегаций, и работники корейских ресторанов, и просто одни и те же люди, что въезжали из КНДР по несколько раз в течение одного года²⁰. Отсюда обычно делается вывод, что реальное количество северокорейских рабочих существенно ниже. При этом, по южнокорейским оценкам, в 2016 г. в КНР таковых находилось порядка 70–80 тыс.²¹, что позволяет считать КНР основным реципиентом трудовых мигрантов из КНДР.

Таблица 2

Количество человек, въехавших из КНДР в Китай (2010–2015 гг.), тыс. человек

	Всего	Бизнес	Туризм	Родственники и друзья	Рабочие и члены экипажа	Другие
2015	188,3	25,9	1,5	0,1	94,2	66,7
2014	184,4	33,9	1,5	0,1	89,1	59,7
2013	206,6	55,1	2,9	0,3	93,3	55,0
2012	180,6	55,2	4,5	0,2	79,6	41,1
2011	152,3	39,0	4,6	0,1	75,3	33,3
2010	116,4	25,3	4,3	0,4	53,9	32,4

Источник: Li Tingting. *China-North Korea Trade 2015: The Beginning of a Downturn*. // *Joint U.S. Korea Academic Studies 2016, Vol.27. USA. P.189*

По имеющимся оценкам, наибольшее количество северокорейских рабочих (около 20 тыс. человек) находится в приграничном городе Дандун, где они работают, главным образом, в текстильной промышленности, переработке пищевой продукции и строительстве, а также на механических заводах и в сборочном производстве. Обычно зарплата северокорейских рабочих составляет около 75% от уровня местных китайцев за ту же работу. Отсюда следует, что средняя зарплата граждан КНДР в Дандуне составляет порядка 300–320 долл. в месяц (при этом после вычета налогов и сборов, отправляемых в Пхеньян, а также расходов на проживание и питание, на руки они получают около 70–100 долл.)²². Учитывая тенденцию роста заработной платы в Китае, есть основания полагать, что интерес к найму северных корейцев у местных компаний сохранится.

Северокорейские рабочие в России

Как следует из исторической части данной статьи, сотрудничество в области привлечения трудовых ресурсов из КНДР является традиционной сферой экономического взаимодействия России и Северной Кореи. Актуальность этого направления двусто-

ронных связей существенно возросла в начале XXI в. в связи с реализацией федеральных и региональных программ развития Дальнего Востока России, в процессе которой потребовалось наращивать численность рабочих, занятых в сфере строительства и других трудоемких отраслях экономики. Граждане Северной Кореи, в частности, трудились на строительстве комплекса зданий Дальневосточного федерального университета (ДФУ) на острове Русский, где в дни саммита АТЭС 2012 г. проживали мировые лидеры.

В России граждане КНДР могут осуществлять легальную трудовую деятельность при условии получения визы и разрешения на работу. Условия их въезда и работы регулируются межправительственным соглашением между РФ и КНДР о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого от 31 августа 2007 г., которое вступило в действие 29 декабря 2009 г. В порядке, предусмотренном в данном документе, создана совместная рабочая группа, которая проводит заседания для решения вопросов, связанных с реализацией соглашения.

По данным Федеральной миграционной службы РФ, количество граждан КНДР, осуществлявших трудовую деятельность в России, увеличилось с 8,7 тыс. чел. в 2000 г. до 36,5 тыс. чел. в 2010 г.²³ (по другим данным, в 2010 г. таковых для работы на территории РФ было привлечено около 21 тыс.). В 2015 г. Россия увеличила квоту для рабочих из Северной Кореи до 47 тыс., однако реальное количество граждан КНДР, имевших действующее разрешение на работу в России на конец 2014 г., составило 30,7 тыс., а в конце 2015 г. — 30,4 тыс. человек²⁴. Согласно классификации Федеральной службы государственной статистики России, в 2014 г. 72,7% трудовых мигрантов из КНДР принадлежали к профессиональной группе «рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах», почти 6,9% — «другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий», 3,5% — «специалисты в области естественных и инженерных наук», 3,5% — «квалифицированные работники товарного сельхозпроизводства, лесного и охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства, имеющие рыночную ориентацию»²⁵.

Рабочие из КНДР въезжают на территорию РФ «в соответствии с договорами о выполнении работ или об оказании услуг, заключенными между физическими или юридическими лицами принимающего государства (заказчики) и юридическими лицами государства постоянного проживания (подрядчики)»²⁶. То есть для приглашения и найма рабочих из Северной Кореи российские граждане и компании должны заключать с компаниями КНДР соответствующие договоры. При этом оплата и другие условия труда регулируются договорами, заключаемыми этими работниками и исполнителями работ (подрядчиками), то есть северокорейскими компаниями, организовавшими их приезд в Россию. Ст. 6 Соглашения предусматривает, что условия труда граждан КНДР должны быть не менее благоприятными, чем предусмотренные для россиян, выполняющих аналогичную работу у того же заказчика. В межгосударственном документе также зафиксировано, что работники из КНДР могут приобретать иностранную валюту на внутреннем рынке России, а также переводить и перевозить с собой заработанные средства в иностранной валюте на Родину при условии соблюдения российского законодательства (ст. 11).

В середине 2016 г. в России насчитывалось 31,5 тыс. северокорейских граждан, прибывших на легальных основаниях для осуществления временной трудовой деятельности. То есть на рабочих из КНДР пришлось 18% от общего числа иностранцев, имевших действующее разрешение на работу в РФ (2-е место после Китая)²⁷. По данным миграционных властей России, больше всего северных корейцев приезжает в Приморский край (не менее 25%), в Новосибирскую область, Хабаровский край, Иркутскую область и Амурскую область²⁸.

Раньше труд рабочих из КНДР использовался главным образом на лесозаготовках, но после повышения экспортных пошлин на круглый лес, этот бизнес стал намного менее

выгодным, и число занятых в нем корейцев существенно сократилось. По имеющимся оценкам, ныне около 80% северокорейских рабочих в России заняты в строительстве.

По информации Посольства КНДР в Российской Федерации, средняя заработная плата одного трудового мигранта из КНДР составляет 15 тыс. рублей²⁹ (около 230 долл.) Другие источники оценивают средний заработок строителей из КНДР в РФ в 980 долл.³⁰ (что превышает даже средний уровень зарплаты в РФ).

Очень востребованы северокорейские рабочие на строительном рынке Приморья, где по некоторым оценкам их доля составляет более 30%³¹. В Интернете даже можно найти сайт российской компании под названием *remontkorea.ru*, рекламирующий услуги мастеров по отделочным работам из КНДР. Северокорейские строители участвовали в строительстве аквапарка «Чудо-остров» на Камчатке, оставив о себе положительные отзывы.

Рабочие из КНДР имеют хорошую репутацию на трудовом рынке России и востребованы не только на Дальнем Востоке. Шведы из КНДР работают, например, на фабриках в Новгородской области, причем несколько предприятий подавали заявки на увеличение количества рабочих из этой страны. На стройках Москвы, Казани, Томска, Красноярска и Санкт-Петербурга трудятся несколько строительных бригад из КНДР.

Посол России в КНДР А. Мацегора в интервью РИА Новости в апреле 2017 г. назвал корейскую рабочую силу одним из двух крупных направлений сотрудничества (второе — логистический проект Хасан — Раджин), которые сохраняются у России и КНДР в условиях международных санкций и которые являются очень выгодными для России³². В марте 2017 г. в ходе очередного заседания совместной рабочей группы стороны подтвердили обоюдное стремление к расширению взаимодействия в области временной трудовой миграции.

Значение экспорта рабочей силы для экономики КНДР

Отправка рабочих за рубеж осуществляется по линии государственных компаний. Самая известная из них — «Рыннадо», которую европейские эксперты оценивают как «северокорейскую версию мультинациональной корпорации». Функционирующая по всему миру, она отвечает за обучающие учреждения, в которых потенциальные рабочие проходят проверки и готовятся к зарубежной трудовой деятельности³³. Принято считать, что «Рыннадо», как и некоторые другие подобные фирмы, контролируется Трудовой партией Кореи (по другим данным, так было раньше, а потом они были переданы в ведение Кабинета министров КНДР). Компании, отправляющие рабочих в другие страны, могут находиться в ведении различных министерств и ведомств, например, Chosun Economic Cooperation Company (при Министерстве торговли) и Botonggang Trading Company (при Министерстве легкой промышленности). Часть из них связана непосредственно с армией и аффилирована при Министерстве народных вооруженных сил³⁴.

В принимающих странах обычно есть местные компании, иногда с северокорейским капиталом, которые осуществляют поддержку и координацию приема рабочих непосредственно на местах. Например, в России часто рабочую силу из КНДР привлекают не российские предприятия, а «дочки» корейских организаций, которые регистрируются в РФ по российскому законодательству и являются как бы «приглашающей стороной»³⁵.

По мнению одного из российских экспертов по Корее, который имеет контакты с северокорейскими рабочими, занятыми на стройках в Москве, организация их деятельности напоминает военную структуру. А если учесть, что в КНДР часто именно армия обеспечивает строительные объекты трудовыми ресурсами, то правомерен вывод, что часть трудовых мигрантов из Северной Кореи может принадлежать ее армии, особенно в сфере строительства. Таково мнение ряда южнокорейских организаций³⁶. Таким образом, можно говорить о формировании разветвленной системы государственной организа-

ции экспорта рабочей силы из КНДР, наличие которой подтверждает значимость этой формы сотрудничества для ее экономики.

Из опросов граждан КНДР, участвовавших в работах за рубежом, известно, что возможность выезда за границу получают те, кого власти считают благонадежными и политически лояльными. Потенциальные «отходники» проходят специальный отбор и проверки. Значительная часть из них — жители Пхеньяна, хотя в последние годы растет число командированных из других районов. Обычный срок «зарубежной командировки» — 3 года.

По данным экспертов, опрашивавших перебежчиков, кое-кто даже платил взятки за шанс попасть в число избранных³⁷. При этом «по требованию властей» большую часть своих заработков рабочие должны отдавать на расходы (за проживание и питание) и отправлять на родину под маркой разного рода сборов. Доля, подлежащая сдаче властям, обычно оценивается в диапазоне от 50 до 90%. По данным из южнокорейских источников, на руки в виде зарплаты (оставшейся после всех вычетов) северокорейские рабочие за рубежом получают около 120–150 долл. в месяц³⁸, что существенно больше, чем можно заработать дома.

Часто предпринимаются попытки подсчитать, какую сумму северокорейское государство получает от экспорта рабочей силы. Оценки колеблются от 150 млн долл. (если 65 тыс. получают по 200 долл. в месяц и 50% отдают государству) до 550 млн долл. (если 58 тыс. рабочих получают по 1 тыс. долл. в месяц и 80% отдают государству). А кое-кто говорит о 1,5–2,3 млрд долл. в год³⁹(!) Эта цифра выглядит довольно внушительно, особенно на фоне сравнения с результативностью других источников твердой валюты для КНДР. Так, в 2015 г. Пхеньян получил около 1 млрд долл. от экспорта каменного угля, возможности которого в 2016 г. были серьезно ограничены санкциями Совета Безопасности ООН (установившего потолок в 400,6 млн долл. по стоимости или 7,5 млн т по объему)⁴⁰. В качестве заработной платы 54 тыс. северокорейских рабочих в Кэсонском промышленном комплексе власти КНДР получили в 2015 г. лишь около 120 млн долл.⁴¹

По некоторым данным, во время зарубежных командировок (например, на Ближнем Востоке и в России) после выполнения работ на основном объекте, северокорейские строители имеют возможность подрабатывать «в частном порядке». И эти подработки могут снискать хороший дополнительный доход, который может быть использован по возвращении на родину (в частности, для открытия собственного «бизнеса»⁴²).

Помимо материальных аспектов, можно говорить о профессиональном развитии и приобретении навыков работы с современными материалами и инструментами, которые северные корейцы получают в процессе трудовой деятельности за рубежом и могут успешно использовать в работе по возвращении домой.

Перспективы трудовой миграции из КНДР

Будущее данного вида международного сотрудничества подвержено влиянию ряда внутренних и внешних факторов. Наличие избытка рабочей силы в Северной Корее на фоне роста заработной платы в соседних странах стимулирует временный отток трудовых ресурсов из страны. Например, в начале 2010-х годов расходы на производство одежды в КНДР были почти на 30% ниже, чем в Северо-Восточном Китае благодаря более низкой минимальной зарплате (в КНДР она составляла около 80 долл.⁴³). Более 50 тыс. северокорейских рабочих были заняты на совместном производстве в Кэсонском промышленном комплексе, где более 120 южнокорейских фирм производили в основном текстильные изделия и сборку электрооборудования. В середине 2015 г. минимальная зарплата в Кэсоне составляла 73,87 долл. в месяц. Для сравнения, в 2014 г. минимальная зарплата в Янгоне (Мьянма) составляла 71 долл., в Пномпене (Камбоджа) — 101 долл.,

в Коломбо (Шри-Ланка) — 131 долл., в Мумбае (Индия) — 208 долл., а в Циньдао (Китай) — 327 долл.⁴⁴ В 2010-е годы выезд северокорейских рабочих в Китай существенно увеличился благодаря их конкурентоспособности по сравнению с местными кадрами. После закрытия Кэсонского промышленного комплекса в начале 2016 г. освободилось более 50 тыс. обученных работников, что создало дополнительный ресурс для наращивания экспорта рабочей силы из КНДР.

Существующая в Северной Корее планово-административная система облегчает процесс организации и отправки временных трудовых мигрантов за рубеж. Возможность централизованного подбора кадров, получения всех необходимых документов, заключения трудовых соглашений, поддержания дисциплины в соответствии с внутренними нормами КНДР создают выгодную всем сторонам структуру по мобилизации трудовых ресурсов и использования ее на зарубежных объектах.

В условиях ужесточения международных экономических санкций, принятых на уровне Совета Безопасности ООН в 2016–2017 гг. и существенно ограничивающих торговлю традиционными экспортными товарами КНДР (каменный уголь, железная руда и другие виды полезных ископаемых, морепродукты), значительно возросло значение других источников получения иностранной валюты для финансирования отрицательного сальдо внешней торговли. Важное место среди них в настоящее время занимает экспорт рабочей силы. Также отправка рабочих на зарубежные объекты может быть использована в качестве компенсации для иностранных инвесторов за капиталовложения в КНДР. По имеющейся информации, отправка рабочих на Ближний Восток была одним из условий египетской компании «Orascom Construction», построившей в КНДР в 2007 г. цементный завод⁴⁵.

Помимо факторов, способствующих увеличению масштабов трудовой миграции из Северной Кореи, существуют и серьезные проблемы.

Во-первых, экспорт северокорейской рабочей силы пытаются представить как нарушение санкций СБ ООН, запрещающих КНДР получение дохода, могущего идти на развитие ракетной и ядерной программ. В условиях, действующих против КНДР финансовых санкций, основным способом доставки заработков трудовых мигрантов на родину является перевозка наличной валюты. Некоторые эксперты указывают на то, что это может являться нарушением резолюций СБ ООН, запрещающих перевод в Северную Корею крупных сумм наличностью, поскольку там она может быть использована для запрещенной ракетно-ядерной деятельности.

Во-вторых, из разных столиц усиливаются призывы к введению санкций против «рабского экспорта рабочей силы» из Северной Кореи. Обеспокоенность соблюдением прав северокорейских рабочих за рубежом была выражена в резолюции СБ ООН № 2321 от 30 ноября 2016 г. Согласно параграфу 34, Совбез «выражает обеспокоенность по поводу направления граждан КНДР на работу в другие государства для того, чтобы они зарабатывали твердую валюту, которую КНДР использует для своих программ по ядерному оружию и баллистическим ракетам, и призывает государства проявлять бдительность в связи с такой практикой». В параграфе 11 резолюции СБ ООН № 2371 от 5 августа 2017 г. и вовсе закреплено, что «для всех государств-членов является недопустимым превышение в любой день с даты принятия настоящей резолюции общего числа разрешений на работу для граждан КНДР, выданных в пределах их юрисдикции на момент принятия настоящей резолюции». Исключения составляют только те одобренные ООН случаи, когда наем дополнительных граждан КНДР требуется для целей оказания гуманитарной помощи, денуклеаризации или любой иной цели, соответствующей целям резолюций 1718 (2006), 1874 (2009), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2356 (2017) или 2371 (2017). Таким образом, фактически был установлен верхний предел возможного объема экспорта рабочей силы

из КНДР, соответствующий количеству действующих разрешений на работу северных корейцев в других странах по состоянию на 5 августа 2017 г.

В-третьих, отдельным фактором могут являться опасения руководства КНДР по поводу роста числа перебежчиков и увеличения потока идеологически вредной информации из-за рубежа. Такие случаи, как, например, побег 12 северокорейских работников ресторана в Китае в Республику Корея в 2016 г., наверняка, вызывают у руководства КНДР вопросы о мерах по пресечению подобных ситуаций.

В целом, несмотря на преобладающее у руководства КНДР желание нарастить масштабы экспорта рабочей силы и заинтересованность в этом ряда стран-реципиентов, сделать это вряд ли удастся в силу действующих международных ограничений, введенных Советом Безопасности ООН в отношении Северной Кореи.

* * *

Трудовая миграция из КНДР осуществляется по государственным (или полугосударственным — с привлечением частных компаний на местах) каналам, что дает основания называть этот вид международного экономического сотрудничества одним из направлений государственной политики. Его востребованность возрастает на фоне снижения доходов правительства Северной Кореи от других источников валюты, таких как экспорт сырьевых товаров и функционирование Кэсонского промышленного комплекса.

Помимо обеспечения валютных поступлений, экспорт рабочей силы является способом частично решить проблему нехватки рабочих мест внутри страны. Граждане КНДР в ходе зарубежных командировок также приобретают новые навыки и осваивают новые технологии, что способствует их профессиональному развитию. Кроме того, заработанные за границей деньги они привозят домой и могут вкладывать в местное производство или открытие предприятий в сфере услуг. Таким образом, формируется своеобразный механизм накопления частного капитала в условиях формально государственной экономики КНДР.

В то же время, несмотря на взаимовыгодность этого способа сотрудничества для КНДР и целого ряда стран, в условиях ужесточения антисеверокорейского санкционного режима в ответ на ядерные и ракетные испытания Пхеньяна возможно введение дальнейших ограничений и на экспорт рабочей силы из КНДР, вплоть до его полного запрета.

-
1. *Breuker Remco, van Gardingen Imke.* A New Lease of Life? DPRK Forced Overseas Labour in the EU. Leiden Asia Centre. 2016. P. 2. URL: <https://slavestothsystem.files.wordpress.com/2016/02/a-new-lease-on-life-def.pdf> (дата обращения: 23.03.2017).
 2. *Бажанова Н.Е.* Внешнеэкономические связи КНДР: В поисках выхода из тупика. М.: Наука, 1993. С. 51.
 3. *Безик И.В.* Участие граждан КНДР в хозяйственном освоении советского Дальнего Востока (1950-е — начало 1960-х гг.) // Известия Восточного института. 2011. № 17 (1). С. 64.
 4. *Вацук А.С.* Трудовые мигранты из КНДР на российском Дальнем Востоке во второй половине XX — начале XXI века. // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2012, № 1. С. 77.
 5. *Безик И.В.* Указ. соч. С. 65, 68.
 6. Там же. С. 67–68.
 7. *Вацук А.С.* Указ. соч. С. 78.
 8. *Бажанова Н.Е.* Указ. соч. С. 96.
 9. *Вацук А.С.* Указ. соч. С. 79.
 10. *Бажанова Н.Е.* Указ. соч. С. 97.
 11. *Вацук А.С.* Указ. соч. С. 79.
 12. *Бажанова Н.Е.* Указ. соч. С. 98.

13. Вацук А.С. Указ. соч. С. 80.
14. Там же. С. 81.
15. *Kim Han-juo*. North Korean Workers Overseas and their Livelihoods. // *Vantage Point*. July 2011. P. 25.
16. Korea Exports Forced Laborers for Profit, Rights Groups Say. 19 February 2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/02/20/world/asia/north-koreans-toil-in-slavelike-conditions-abroad-rights-groups-say.html?smprod=nytcore-iphone&smid=nytcore-iphone-share&_r=0 (дата обращения: 01.05.2017).
17. *Justyna Radziejewska-Gollob*. North Korean overseas labourers: sustaining the regime and country's isolation or transforming the society? // Paper presented at the 8th World Congress of Korean Studies. 2016. URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1478847607.pdf (дата обращения: 20.04.2017).
18. North Korean Forced Labour in the EU, the Polish Case: How the Supply of a Captive DPRK Workforce Fits Our Demand for Cheap Labour. Findings from the Slaves to the System Project. Leiden Asia Centre. 6 July 2016. P. 25.
19. *Острова М.Е.* Северокорейская кухня как средство публичной дипломатии. // *Корейский полуостров в эпоху перемен*. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 371.
20. *Li Tingting*. China-North Korea Trade 2015: The Beginning of a Downturn. // *Joint U.S. Korea Academic Studies*. 2016. Vol. 27. P. 188–189.
21. 100,000 North Korea workers facing human rights violations overseas. Sept. 20, 2016. URL: http://www.upi.com/Top_News/World-News/2016/09/20/100000-North-Korea-workers-facing-human-rights-violations-overseas/2451474390641/ (дата обращения: 01.05.2017).
22. *Lankov A.* Dandong's other North Korean workers: Exploited industrial workers still have better lives than they would in the North. 4 February 2016. URL: <https://www.nknews.org/2016/02/dandong-s-other-north-korean-workers/> (дата обращения: 01.05.2017).
23. Россия в цифрах: Краткий стат. сб. /Росстат. М., 2016. С. 102.
24. Там же. С. 103.
25. Труд и занятость в России. 2015: Стат.сб. /Росстат. М., 2015. С. 180–181.
26. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства от 31 августа 2007 г.
27. Число иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в России, снизилось до 174 тыс. человек, имевших патент — до 1487 тыс. // *Демоскоп Weekly*. № 697–698. 19 сент. — 2 окт. 2016 / Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0697/barom06.php> (дата обращения: 01.05.2017).
28. Уоллар: в 2016 году на стройках в России погибли 13 рабочих из КНДР. URL: <http://www.newsru.com/russia/20sep2016/13rab.html> (дата обращения: 01.05.2017).
29. N Korean Workers in Russia: Reality Behind Western Horror Stories. 30.11.2016. URL: <https://sputniknews.com/asia/201611301048015988-noth-korean-workers-in-russia/> (дата обращения: 01.05.2017).
30. [Exclusive] Group of N. Korean Workers in Russia Seeking Asylum in S. Korea. 2016–10–12. URL: http://world.kbs.co.kr/english/news/news_Po_detail.htm?No=122421&id=Po (дата обращения: 01.05.2017).
31. Forgoing Chinese workers, Russia turns to North Korea. URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/Article.aspx?aid=3005148> (дата обращения: 13.02.2016).
32. Александр Мацегора: Трампу лучше воздержаться от ударов по КНДР. URL: <https://ria.ru/interview/20170414/1492248517.html> (дата обращения: 25.04.2017).
33. North Korean Forced Labour in the EU... P. 20.
34. International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor. The Conditions of the North Korean Overseas Labor. Seoul: North Korea Strategy Center, 2012. P. 16.
35. Александр Мацегора: Трампу лучше...
36. *Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun Go*. Beyond the UN COI Report on Human Rights in North Korea. Seoul: The Asan Institute for Policy Studies, 2014. P. 10.
37. *Yoon Y., Lee*. S. Human Rights and North Korea's Overseas Laborers: Dilemmas and Policy Challenges. Seoul: Database Center for North Korean Human Rights, 2015. P. 65.
38. *Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun Go*. Op. cit. P. 9.

39. International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor. The Conditions of the North Korean Overseas Labor. Seoul: North Korea Strategy Center, 2012. P. 12.
40. Sanctions to Cut 25% of North Korea's Export Revenue. 07.12.2016. URL: <https://sputniknews.com/asia/201612071048284623-north-korea-unsanctions/> (дата обращения: 02.05.2017).
41. Government Statement regarding the Complete Shutdown of the Gaeseong Industrial Complex. February 10, 2016. URL: <http://eng.unikorea.go.kr/content.do?cmsid=1834&cid=44417&mode=view> (дата обращения: 02.05.2017).
42. *Lankov A.* Loyalists, Defectors and Life Abroad. The Daily Life of North Koreans. NK Consulting Inc., 2017. P. 37–38.
43. *Tjia Paul.* Garment Production in North Korea. 30 August 2012. URL: <http://38north.org/2012/08/tjia082912/> (дата обращения: 01.03.2017).
44. *Suh Dae-hoon.* Analysis of Business Operations at Kaesong Industrial Complex. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=105592 (дата обращения: 01.05.2017).
45. *Haggard Stephan and Noland Marcus.* North Korea's External Economic Relations / Peterson Institute for International Economics // Working Paper Series. August 2007. P. 11.

Развитие въездного туризма КНР: экономический аспект

© 2017

Е.О. Заклязьминская, Чэнь Сяо

С 2006 г. КНР является четвертой страной мира по числу принятых туристов, с 2015 г. — второй по доходам от въездного туризма. В статье дана обобщенная характеристика китайского рынка въездного туризма, рассматриваются его экономические эффекты после 1978 г., оцениваются меры стимулирования туристической отрасли во всех аспектах, ее значимость для экономики страны.

Ключевые слова: Китай, национальная экономика, въездной туризм.

Успешное развитие туризма совпало в КНР с вступлением в силу курса на реформы и открытость, причем драйвером роста был въездной туризм. Туристические поездки граждан КНР поначалу не поощрялись из-за неразвитости инфраструктуры, проблем транспортной системы, а также из опасений перед рецидивами нелегальной эмиграции.

Анализируя специфику формирования данной отрасли и сопутствовавшие проблемы, авторы выделили пять этапов (совпадающих, в основном, с ходом реализации курса реформ и открытости):

Первый: 1978–1985 гг. — налаживание въездного туризма, диктовавшееся как экономическими, так и политическими соображениями.

Второй: 1986–1991 гг.¹ — осознание экономической целесообразности развития въездного туризма.

Третий: 1992–1997 гг. — становление въездного туризма как весомого фактора рыночного хозяйствования.

Четвертый: 1998–2008 гг. — становление туризма в качестве мультифункциональной отрасли китайской экономики.

Пятый 2009 г. — настоящее время — обретение туризмом статуса одной из опорных отраслей в народном хозяйстве КНР².

Первый этап

Поначалу перед Государственным управлением по туризму ставились две несовпадающих цели: наряду с привлечением инвалюты для модернизации страны использовать туризм как транслятор идей китайского общественного строя в мире. До 1978 г. Бюро по туризму и путешествиям состояло в подчинении МИД. Позднее оно было переименовано в Государственную администрацию по туризму и путешествиям, подчинявшуюся непосредственно Госсовету КНР. В 1982 г. хозяйственные функции были отделены от административных: перешли в ведение Китайского туристического агентства (Голлюй), главного туристического агентства страны³.

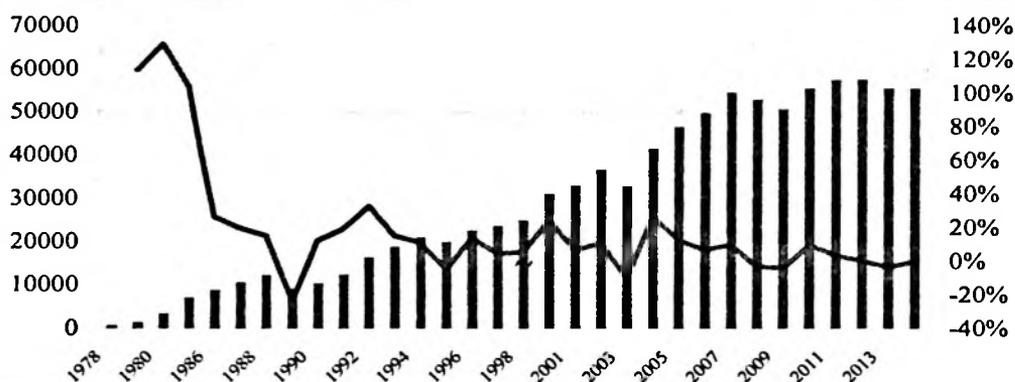
В 1983 г. Китай стал членом Всемирной туристической организации при ООН (ВТ ООН) и 4 года спустя уже участвовал в ее конференции для развивающихся стран.

Уже в ходе вышеназванного первого этапа (1978–1985 гг.) количество туристических посещений из-за рубежа выросло с 716 тыс. до 7,13 млн (более чем десятикратно), инвалютные доходы увеличились в 4,75 раза — с 263 млн долл. до 1,25 млрд долл. При этом если в 1970 г. интуристы допускались всего в дюжину городов КНР, то в 1979 г. их было «открыто» 60. В 1984 г. число городов, доступных для посещения иностранцами, дошло до 200, в 1987 — до 496, включая районы Тибета⁴.

В первые два года количество интуристов удваивалось ежегодно, но в дальнейшем дали о себе знать неэффективность управления отраслью, неразвитость туристской инфраструктуры, дефицит отелей (в 1978 г. их было 137, в 1979 — 150⁵) при невысоком качестве услуг, отсутствии квалифицированных кадров (в частности, владеющих иностранными языками). В 1981–1982 гг. прирост въездных туристов начал падать, в 1983 г. был зафиксирован «отрицательный рост» прибытий (-3,24%). Но благодаря структурным реформам управления отраслью в 1984–1988 гг. удалось вернуть прирост к двузначным показателям (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Количество въехавших туристов в 1979–2014 гг. (млн визитов)



Источник: Чжунго лююй тунцзи нянь цянь 2015 : [Статистический ежегодник по туризму КНР 2015]. Пекин: Чжунго лююй чубаньшэ, 2016. С.14.

Гостиничное хозяйство оказалось первой в КНР отраслью, куда были допущены иностранные инвестиции. В строительство гостиниц они поначалу допускались только при таких формах собственности, как совместное предприятие (СП) или кооператив (полностью владеть отелем иностранному резиденту не разрешалось). Условием для таких СП были принадлежащие китайской стороне 51% уставного капитала.

Предприятия функционировали на принципах самокупаемости, владельцы несли риски и получали прибыли согласно вложениям. При кооперативной форме схема была такова: китайская сторона предоставляла землю и рабочую силу, иностранный инвестор — деньги, ресурсы и технологии. По истечении контракта собственность переходила к китайской стороне (обычно через 10–20 лет)⁶.

Второй этап

Все эти нововведения побудили стремительный рост количества отелей. В 1985–1988 гг. приумножение отелей и прочих объектов размещения опережало рост прибытий, транспортные сети не успевали за приростом туристического потока. При этом наблюдался переизбыток отелей класса люкс, ибо власти КНР однобоко оценили потребность

иностранных туристов в объектах размещения высокого ценового сегмента. По статистике ГУТ КНР, в 15 ключевых туристических городах более 70% отелей были класса люкс, хотя исследование потребностей туристов выявило, что 35% респондентов предпочитают экономкласс, 60% — средний класс и лишь 5% — отели класса люкс⁷.

Выходит, что первоначально въездной туризм предстал в КНР как «рынок продавца» (интерес к закрытой прежде стране был столь велик, что туристы устремились в нее невзирая на качество размещения, сервиса, транспорта). Но теперь уровень удовлетворенности интуристов начал падать, и китайской стороне пришлось-таки заняться пересмотром порядка ценообразования, учитывая дефицит мест в отелях и перегрузку транспортных сетей в пиковые периоды, соответственно дифференцируя цены на билеты, услуги, объекты расселения в зависимости от туристического сезона.

Неразвитость транспортных сетей изначально тормозила развитие туризма. Очевидное преимущество имели 14 административных единиц: города центрального подчинения и приморские провинции, на которые приходилось 87% въездного потока КНР⁸. В те времена лишь головные офисы Китайского туристического агентства и Главного туристического агентства (Чжунлюй) имели право сотрудничать с иностранными туроператорами, что тоже тормозило развитие туризма. В 1980 г. была запущена программа децентрализации маркетингового продвижения, локальные офисы обрели полномочия проводить маркетинговые кампании привлечения туристов, хотя отсутствие должного контроля со стороны центральных офисов повлекли овербукинг, задержки и срывы туров, острое недовольство туристов.

Предвидя эти проблемы, Госсовет еще в 1984 г. постановил, что центральные и региональные власти, коллективные хозяйства и даже частные лица могут инвестировать в туристические проекты и управлять ими⁹. Процесс децентрализации углублялся, локальные туристические агентства обрели право уведомления органов, выдающих визы, о выходе напрямую на иностранных операторов (их планы продаж, впрочем, должны были утверждаться вышестоящими органам туристических администраций). Ранее лишь Китайское туристическое агентство, Главное туристическое агентство и Китайское молодежное туристическое агентство присутствовали на рынке туристических агентств КНР. Постановление Госсовета от 1984 г., наконец, допустило создание туристических агентств коллективной и частной форм собственности.

Важным поворотным моментом стал выход в 1985 г. «Временных положений управления туристическими агентствами» — первого нормативно-правового акта, регламентирующего работу отрасли.

При этом дальнейшее ослабление контроля предпринимательской деятельности в рамках строительства планово-товарной экономики стимулировало строительство отелей, количество коих выросло до 710 в 1985 г.¹⁰

Третий этап

Еще в ходе второго этапа развития въездного туризма (1986–1991 гг.) экономическая составляющая стала постепенно оттеснять политическую. Началась работа по урегулированию проблем первого периода: въездной рынок КНР с доминированием поставщиков туристических услуг, становился, как мы уже отмечали, рынком потребителя. А тот диктовал свои условия: необходимость изучения и стимулирования туристского спроса, оценки и коррекции предложения на рынке, контроль над ценовой политикой, проведение стимулирующих маркетинговых кампаний, формирование нормативно-правовой базы, совершенствование системы подготовки квалифицированных кадров, решение проблем несоординированного развития, взаимодействия локальных туристических агентств с органами власти.

Однако, хотя туризм к тому времени уже был признан сферой экономической деятельности, он еще не стоял в повестке дня как отрасль, заслуживающая приоритетного развития. Наконец в декабре 1985 г. Госсовет КНР принял в ее изначальном виде «Программу развития индустрии туризма на 1986–2000 гг.», предусматривавшую включение задачи развития туризма в 7-й пятилетний план развития народного хозяйства, что ознаменовало наступление нового важного этапа развития отрасли. При этом были сформулированы целевые установки на два этапа: в 1986–1990 гг. принять 5 млн иностранных туристов (не считая прибывающих из Сянгана, Аомэня и Тайваня) и получить 2,7–3,0 млрд долл. прибыли, а в 1990–2000 гг. довести эти показатели соответственно до 10–12 млн туристов и 8–10 млрд долл.

Год спустя в пункте 37 «Плана социально-экономического развития народного хозяйства на 7-ю пятилетку (1986–1990 гг.)» уже содержалась директива: «Всеми силами развивать туристическую отрасль, увеличивать поступления иностранной валюты, усилить дружественное взаимодействие с народами других стран»¹¹. То есть значимость развития туризма впервые была обозначена на наивысшем государственном уровне.

В 1987 г. состоялся XIII съезд КПК, принявший концепцию «начального этапа социализма». Тогда же было осуществлено первое комплексное исследование туристической отрасли КНР, выявившее, что она растет опережающими темпами в сравнении с ВВП.

Множились нормативно-правовые акты, регламентирующие работу туристического комплекса КНР. Так, в 1987 г. вышло «Временное положение по управлению гидами-переводчиками», в котором были сформулированы требования к квалификации, обязанностям и ответственности экскурсоводов. Устанавливался порядок, по которому им вменялось в обязанность сдавать перед получением лицензии экзамены по специальности. Тогда же было принято «Постановление об оценке туристических отелей по звездной системе», которое предложило использовать в Китае пятизвездную систему оценки (с 1990 г. она была распространена на весь Китай). Стоит упомянуть и такой документ, как «Запрет на получение комиссии и чаевых в туристическом бизнесе».

С 1992 г. туризм стал расцениваться в КНР через призму строительства социалистической рыночной экономики. Начался качественно новый этап строительства туристического сектора КНР.

Четвертый этап

В этой относительно молодой отрасли китайской экономики происходили все более серьезные сдвиги, что отразилось, в частности, в оглашении Госсоветом КНР «Предложения по развитию внутреннего туризма» (1993 г.) Тем самым началось активное развитие ранее сдерживаемого направления ее туристической индустрии.

В 1997 г., после возвращения Сянгана в лоно Родины, граждане КНР получили возможность выезжать за пределы страны самостоятельно, с туристическими целями (были подписаны «Временные меры по регулированию зарубежных поездок граждан КНР за свой счет»). Отметим, что поездки за пределы страны в рамках организованных групп с целью посещения родственников за счет принимающей стороны были допущены еще с 1984 г. в Сянган и Аомэнь (в ту пору еще сохранявших статус британской и португальской колоний). При этом ГУТ КНР постепенно «открывало» другие страны, в которых проживало много хуацяо (этнических китайцев): в 1988 г. был «открыт» Таиланд, в 1990 — Малайзия и Сингапур, в 1992 г. — Филиппины. Въездной туризм из-за рубежа перестал быть приоритетом, пришло время скоординированного развития отрасли.

С возвращением Сянгана и приходом к власти третьего поколения лидеров КНР в 1997 г. в КНР начался качественно новый, четвертый этап развития туризма. В 2002 г. были оглашены «Административные меры по урегулированию выездного туризма среди населения КНР».

Въездной туризм уже не занимал столь преобладающего места, как прежде, хотя рост числа въездных туристов продолжался. Его не подорвал даже Азиатский финансово-экономический кризис 1997–1998 гг.

В декабре 2001 г. Китай вступил в ВТО, что дало возможность иностранным инвесторам более свободно входить на его туристический рынок. В июле 2003 г. было зафиксировано создание 100-процентно иностранного туристического агентства. В сфере гостиничного хозяйства иностранные фирмы получили право строительства, переоборудования гостиниц и ресторанов и хозяйствования совместно с китайскими компаниями. При этом, в отличие от предшествующих периодов, они уже были вправе владеть контрольным пакетом акций. В 2005 г. иностранным компаниям разрешили учреждать «дочки» со 100-процентным иностранным капиталом. В сфере туристического обслуживания им разрешили организовывать совместные туристические агентства в крупных городах. Требования к компаниям оставались достаточно жесткими (основная деятельность — только туризм, уставный капитал — не менее 2,5 млн юаней, годовой оборот не менее 40 млн долл.) Но два года спустя с иностранных компаний были сняты все ограничения¹².

Процесс упрочения роли туристической индустрии в народном хозяйстве КНР обрел необратимый характер. Так, в 2003 г. вспышка атипичной пневмонии в Китае оттолкнула массу потенциальных туристов (тогда был вновь зафиксирован отрицательный рост -10,41%), но уже год спустя произошел бум посещений из-за рубежа, с лихвой компенсировавший тот спад — количество туристов выросло на 26,66%; в 2006 г. Китай оказался 4-м в мире по числу принятых туристов (уступив соответственно Франции, США и Испании).

В 2008 г. имели место волнения в Тибете и землетрясение в Сычуани, что также не могло не повлиять на количество интуристов. Однако торможение и на сей раз оказалось кратковременным. Мировой финансово-экономический кризис 2008 г. и замедление роста развитых экономик в 2013–2014 гг. также дали о себе знать: на протяжении 2008–2009 гг. и 2013–2014 гг. вновь наблюдался отрицательный рост количества въездных туристов, но в 2015 г. ситуация выправилась.

Начало пятого этапа развития китайского туризма

В своем документе «Некоторые предложения по стимулированию реформ и развития туристической отрасли», выпущенном в 2009 г., Госсовет впервые обозначил ее как «копорную стратегическую отрасль народного хозяйства», что не стало случайностью. В Программе развития национальной индустрии туризма и досуга на 2013–2020 гг., ратифицированной в феврале 2013 г., в число целей развития въездного туризма включено: упрощение визового режима, развитие приграничного туризма, стимулирование туристического сотрудничества со странами ЮВА, Южной, Центральной и Северо-Восточной Азии, Центральной и Восточной Европы, Африки¹³.

Первый полноценный законодательный акт по данной проблематике, «Закон о туризме», был принят 2-й сессией ВСНП 12-го созыва в апреле 2013 г. и вступил в силу полгода спустя. Кстати, это был первый закон, подписанный Си Цзиньпином, новым в ту пору Председателем КНР. Данный Закон регулирует ведение туристической деятельности, обеспечение безопасности туристов, контроль в туристическом секторе на государственном уровне, планирование и продвижение отрасли, разрешение споров в туризме, регулирует права и свободы.

Развитие въездного туризма КНР на современном этапе полностью соответствует всемирным экономическим тенденциям: в 2013 г. общемировое количество туристов резко упало, но Китай уже через год смог восстановить приток въездных туристов; на мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. туризм КНР среагировал быстрее всех в мире и быстрее всех восстановился. В 2015 г. небольшой рост продолжился, что потребовало огромных усилий с китайской стороны, включая реализацию крупномасштабной

инициативы развития туризма по Экономическому поясу Шелкового пути (ЭПШП), введение безвизовых транзитов, организацию (совместно с другими странами) маркетинговых кампаний, проведение опросов туристов для выявления «узких мест», проведение комплексных исследований спроса, туристических мотиваций. Въездной туризм вырос в 2015 г. (по количеству ночующих интуристов) на 2,3%¹⁴. Их численность составила, по данным ВТ ООН, 56,9 млн человек.

Чтобы проанализировать роль и потенциал китайского въездного рынка, необходимо выявить долю Китая в мировом туристическом потоке.

Среди самых популярных мировых направлений ключевым игроком является Европа (51%). Страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) занимают 24%, на американский континент приходится 16%, а на Африку и Ближний Восток соответственно 5 и 4%.

Если рассмотреть тенденции роста мирового туризма, то при общемировом росте количества въездных туристов в 4,4% лидерами по темпам прироста являются Азиатско-Тихоокеанский регион и Америка, имеющие средний рост выше общемирового; стабильный рост демонстрирует Европа (2,4% вопреки замедлению роста ВВП в развитых странах в 2013–2014 гг.). Показатели Китая по числу въездных туристов пока еще ниже общемировых.

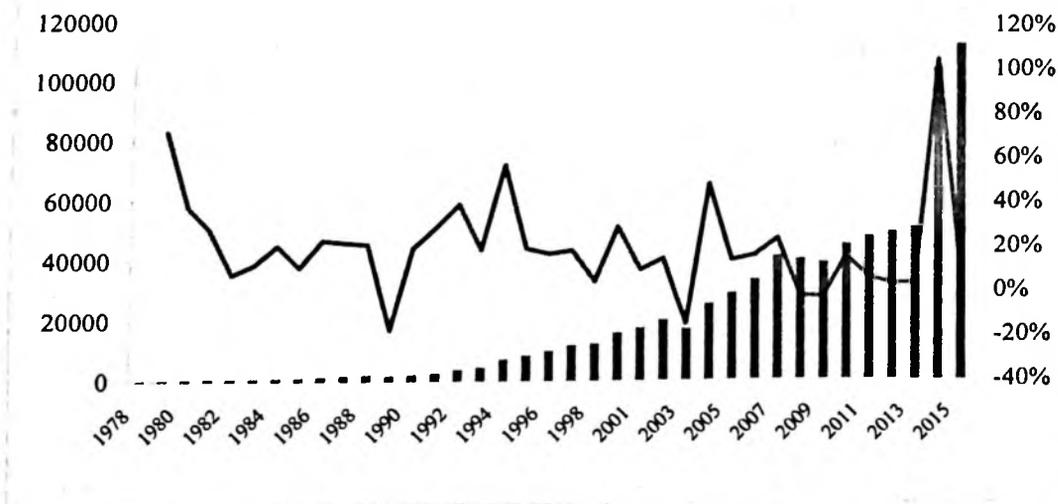
Доходы КНР от въездного туризма

Доходность туристического сектора КНР была осознана не сразу. Финансовые поступления от въездного туризма демонстрировали двузначный рост практически на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением отдельных лет, когда его темпы несколько замедлялись.

Отрицательный рост наблюдался лишь в самые критичные кризисные периоды: 1989 г. (-17,22%), 2003 (-14,61), 2008 (-2,57) и 2009 (-2,86%). Кризис 2013–2014 гг. на доходности въездного туризма не сказался, здесь Китай обладал значительным положительным ростом (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Доходы от въездного туризма КНР (млн долл.)



Источник: Чжунго лююй туниззи няньцянь 2015 : [Статистический ежегодник по туризму КНР 2015]. Пекин: Чжунго лююй чубаньшэ, 2016. С.14.

На начальном этапе (в 1979–1984 гг.) доходы от туризма росли в среднем на 29,1%, на втором этапе (1985–1991 гг.) — на 15,08%, на третьем (1992–1997 гг.) средний рост составил 28,03%, на четвертом (1998–2008 гг.) — 12,68%, в 2009–2014 гг. — 21,48%.

При анализе доходности от въездного туризма по материкам выясняется: большого разрыва между Европой и странами АТР нет (хотя последние принимают меньше туристов). На Европу приходится 37% доходов от въездного туризма, на страны АТР — 34%, на Америку — 23%, на Африку и Ближний Восток соответственно по 3%.

Тенденция большого количества расходов туристов в АТР в первую очередь связана с развитием выездного и внутреннего туризма КНР. Страны АТР — приоритетные страны выезда для китайских туристов, а с учетом того, что Китай — бесспорный лидер по тратам на выездной туризм, с большой долей вероятности можно признать, что его доля в формировании доходов от въездного туризма стран АТР велика.

Структура въездного туристического потока в КНР

Бессменным континентом — донором въездного потока КНР на протяжении всего рассматриваемого периода является Азия, на которую в 2009–2015 гг. приходилось 63% въездного туристического потока КНР, в то время как на Европу пришлось 22%, на Америку — 12%, на Океанию — 3%, на Африку — 2%.

В 2015 г. Китай посетило 133,82 млн человек¹⁵, из которых туристы из Сянган, Аомэня и Тайваня составили 107,83 млн человек, или 80,58% (рост к предыдущему году — 5,58%). Непосредственно на иностранных туристов пришлось 25,985 млн посещений (19,42%). Налицо был отрицательный рост по сравнению с предшествующим годом в 1,43%.

Всего в 2015 г. количество ночующих туристов в мире составило 1,184 млрд прибытий (по данным ВТ ООН) и, как и в 2014 г., Китай принял 56,9 млн ночующих туристов. Из 24% мировых прибытий, приходящихся на долю стран АТР, доля Китая составляет 20%.

Основной донор въездных туристов для Китая — Особый административный район (ОАР) Китая Сянган, на который всегда приходилась большая доля въездного потока. В 2015 г. туристы из Сянган составили 59% въездного потока КНР, туристы из Аомэня тоже заняли значительную долю — 17%, на туристов из Тайваня пришлось 4%, а на чисто иностранный туристический поток КНР пришлось лишь 20% туристских прибытий. Данная тенденция наблюдалась на протяжении всего рассматриваемого периода с 1978 по 2014 г.

Около 84% въездного туристического потока КНР составляют следующие страны: Южная Корея, Япония, Вьетнам, США, Российская Федерация, Малайзия, Монголия, Филиппины, Сингапур, Индия, Канада, Таиланд, Австралия, Германия, Англия, Индонезия, Франция, Италия. Поэтому изучение данных регионов и введение особой стимулирующей политики, проведение двусторонних программ помогут с течением времени изменить отрицательную динамику и вывести въездной туризм КНР на стабильный ежегодный рост.

Возврат к «политической» мотивации?

С 1988 г. Госуправление КНР по туризму стало практиковать ежегодное присвоение девизов, отражающих важные политические цели развития туризма.

Ныне, уже третий год кряду (2015, 2016, 2017 г.) главенствует девиз «Прекрасный Китай». В такой, в частности, форме отражается пропаганда идей стратегической концепции Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП).

Визовые льготы при транзитных маршрутах

Для граждан 51 государства в КНР стала практиковаться система безвизовых транзитов длительностью по 24, 72 и 114 часов, которая распространяется на:

- 24 государства Шенгенской зоны (Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Исландия, Испания, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония);

- 15 других европейских стран (Россия, Кипр, Албания, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Великобритания, Ирландия, Македония, Монако, Румыния, Сербия, Украина, Хорватия, Черногория);

- 6 стран американского континента (Аргентина, Бразилия, Канада, Мексика, США, Чили);

- 8 стран АТР (Австралия, Бруней-Дар-эс-Салам, Катар, Республика Корея, Новая Зеландия, ОАЭ, Сингапур, Япония).

Главное правило безвизового транзита: прилет и вылет должны производиться только самолетом из того же международного аэропорта. Возможен транзит на следующее количество часов в нижеперечисленных воздушных портах КНР:

- 144 часа, если перелет осуществляется через международные аэропорты Шанхая (Пудун, Хунцяо), Ханчжоу (Сяошань), Нанкин (Лукоу);

- 72 часа, если перелет осуществляется через международные аэропорты Пекина (Шоуду), Гуанчжоу (Байюнь), Чэнду (Шуанлю), Чунцин (Цзянбэй), Далянь, Шэньян (Таосянь), Гуилинь (Лянцзян), Сиань (Сяньян), Сямэнь (Гаоци), Куньмин (Чаншуй), Харбин (Тайпин);

- 24 часа, если перелет осуществляется через аэропорты других городов, за исключением Фучжоу (Чанлэ), Яньци (Чаоянчуань). В данных аэропортах безвизовый транзит запрещен. В аэропорту Урумчи, безвизовый транзит составляет всего лишь 2 часа.

Льготы иностранцам по НДС

С июля 2011 г. Китай практикует возврат туристам налога с покупок (НДС). Возврат осуществляется согласно документу Министерства финансов КНР «О применении системы возврата налогов на покупки при выезде иностранных туристов». Впервые это было осуществлено на о. Хайнань, с 2016 г. действует в Пекине, Шанхае, пров. Гуандун (кроме г. Шэньчжэня), Тяньцзине, Сямэне, Шэньяне, Харбине, Хэйхэ, Суйфэнхэ. Возврат НДС в размере 11% от стоимости товара обусловлен следующими правилами: это касается иностранцев, находившихся на территории КНР не более 183 дней; покупка должна быть совершена в магазине, который входит в сеть торговых точек, осуществляющих возврат налогов, сумма покупки должна превышать 500 китайских юаней, возврат осуществляется в китайских юанях¹⁶.

Все вышеперечисленные меры в комплексе смогли вернуть положительный рост прибытий на территорию КНР, но количество иностранных туристов продолжило падение. Рост был обеспечен за счет китайских компатриотов.

* * *

Одна из древнейших цивилизаций мира, Китай, обладает огромным потенциалом дальнейшего развития въездного туризма. Неразвитость регионов, трудности с получением въездной визы, нехватка в стране квалифицированных гидов-переводчиков, отсутствие необходимой информационной базы — все это проблемы являются объектами особого внимания китайских государственных органов и могут быть решены в сжатые сроки. Содействовать этому призвана и реализация концепции «пояса и пути».

1. В современной периодизации, представленной Государственным управлением по делам туризма (ГУТ) КНР в 2016 г., первые два периода (1978–1985 гг., 1986–1991 гг.) выделяются в один начальный период развития туризма. Цзо Дэнци, Ху хао. Чжунго люю фачжань баогао (2016): [Отчет о развитии туризма КНР (2016)] // Чжунго люю бао. 18.06.2016.
2. Airey D., Chong K. Tourism in China: policy and development since 1945. Oxford: Routledge, 2011. С. 40.
3. Zhang H.Q., Chong K., Jogn Ap. An analysis of tourism policy development in modern China // Tourism management. 1999. No. 20. P. 473/
4. Xiao H. The discourse of power: Deng Xiaoping and tourism development in China // Tourism Management. 2006. No. 27. P. 812.
5. Чжунго лююй тунци нянь цянь 2015: [Статистический ежегодник по туризму КНР 2015]. Пекин: Чжунго лююй чубаньшэ, 2016. С. 3.
6. Zhang H.Q., Chong K., Jogn Ap. Op. cit. P. 476.
7. Ibid. P. 478.
8. Чжунго лююй тунци нянь цянь 2015... С. 3.
9. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики // М.: Квадрига, 2010. С. 120.
10. Чжунго лююй тунци нянь цянь 2015... С. 3.
11. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань дэ ци гэ у нянь цихуа (1986–1990 гг.): [План социально-экономического развития народного хозяйства КНР на 7-ю пятилетку]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64184/64186/66679/4493897.html>
12. Тамхин Е.Ю., Уржумцева Т.Б. Туризм Китая: 12 лет в ВТО // Мировая экономика и международные экономические отношения. 2014. № 11. С. 117.
13. Го у юань баньгунтин гуаньюй иньфа гоминь люю сиусянь наю ды тунчжи (2012–2020 гг.): [Извещение Канцелярии Госсовета о выпуске «Программы развития национальной индустрии туризма и досуга на 2013–2020 гг.». URL: http://www.gov.cn/zwggk/2013-02/18/content_2333544.htm
14. 2015 нянь Чжунго люю цзинци юньхан фэньси зэй 2016 нянь фачжань юйцэ: [Синяя книга по экономике туризма КНР]. Пекин: Бэйцзин лююй чубаньшэ, 2016. С. 105.
15. Совокупное количество туристов как ночующих, так и не ночующих на территории КНР.
16. Цзинвай люкэ гоуу ли цзин туйшуй гуаньли баньфа: [О применении системы возврата налогов на покупки при выезде иностранных туристов]. URL: <http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810755/c1139901/content.html>

География сопряжения: региональная политика КНР и пространственное развитие стран ЕАЭС

© 2017

И.Г. Чубаров

Страны ЕАЭС имеют протяженную границу с Китаем и входят в три из шести предлагаемых им международных экономических коридоров. Цели «пояса и пути» в целом не противоречат основным положениям региональной политики стран ЕАЭС и объективно способствуют повышению связанности глубинных частей Евразии и развитию отдельных ключевых регионов. Однако при сопряжении планов территориального развития необходимо учитывать опасность усиления пространственного неравенства, консервации устаревшей структуры экономики приграничных регионов и возникновения новых экологических рисков.

Ключевые слова: Китай, Евразийский экономический союз, интеграция, пространственное развитие, региональная политика, «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и китайская инициатива Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП, она же континентальная часть «пояса и пути») являются крупнейшими новыми интеграционными проектами на постсоветском пространстве. Региональная политика не относится к числу сфер, напрямую регулируемых в рамках ЕАЭС¹, однако возникновение единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы и общего транспортного пространства объективно будут оказывать нарастающее влияние на пространственное развитие стран-участниц. Значительное место в постановке и реализации целей пространственного развития любой страны занимают внешние факторы, комплексная оценка которых для ЕАЭС невозможна без учета соседского положения по отношению к уже крупнейшей в мире по ППС китайской экономике. Соседское же положение определяет и существование, помимо отраслевых, разных пространственных масштабов взаимодействия России, Казахстана и Киргизии с Китаем — муниципального, областного, национального.

За последние три года «пояс и путь» вобрал в себя весь комплекс китайских внешних связей. Его неотъемлемой частью является пространственная компонента, которой посвящены специальные разделы в обоих программных документах инициативы². Однако он обращен не только вовне: это также и новый этап в региональной политике самого Китая, который вызовет революционные изменения в географии всего мирового хозяйства³. Положенный на карту, «пояс и путь» представляет собой шесть экономических коридоров, важное место на которых занимают страны ЕАЭС: Россия и Казахстан входят в два коридора, Киргизия и Белоруссия в один (рис. 1). Подписание в 2015 г. со-

Чубаров Илья Георгиевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: ilya.chubarov@gmail.com.

Исследование проведено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых ученых — кандидатов наук № МК-2007.2017.6.

глашения о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП делает актуальным изучение комплекса не только отраслевых, но и пространственных проблем взаимодействия двух стратегий, от «поворота на Восток» до выявления транспортно-транзитного потенциала стран-участниц⁴.



Рис. 1. Шесть экономических коридоров BRI: 1. Россия — Монголия — Китай (РМК); 2. Новый евроазиатский континентальный мост (НЕАКМ); 3. Китай — Средняя Азия — Западная Азия (КСАЗА); 4. Китай — Индокитай; 5. Китай — Пакистан (КПЭК); 6. Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма.

Источник: Лю Хуэй, Лю Вэйдун. «И дай и лу» цзяньчжэ юй вого цююй фачжэань чжэньлюэ дэ гуаньси яньцзю: [Связи между ОПОП и стратегиями регионального развития КНР] // Чжунго кэсюэюань юанькань: [Вестник Китайской академии наук]. 2017. № 4. С. 342. DOI: 10.16418/j.issn.1000-3045.2017.04.002

ЭПШП и цели пространственного развития Китая

Как известно, одной из главных социально-экономических проблем Китая является огромный разрыв между приморскими и внутренними территориями⁵. Начавшаяся в 1979 г. политика реформ и открытости привела к концентрации всех наиболее значимых факторов производства в приморских регионах и формированию ярко выраженной устойчивой центр-периферийной территориальной конфигурации. На семь приморских провинций к настоящему времени приходится 2/3 ППП и половина всего ВВП страны при трети населения и 10% территории. Для корректировки дисбаланса необходим не административный «перенос» факторов производства в глубь страны (он понизит эффективность экономики в целом), а создание условий для их свободного «перетока». Одним из драйверов этого процесса и является развитие сотрудничества окраинных регионов с приграничными странами «поояса и пути»⁶.

Китайские географы отмечают, что каждый из шести обозначенных «экономических коридоров» ЭПШП тесно связан с развитием определенной периферийной части страны: «Новый евроазиатский континентальный мост» (НЕАКМ), «Китайско-пакистанский экономический коридор» (КПЭК) и экономический коридор «Китай — Средняя Азия — Западная Азия» (КСАЗА) помогут преодолеть «континентальное проклятие» западной части КНР, в первую очередь Синьцзяна; коридоры «Китай — Индокитай»

и «Китай — Мьянма — Бангладеш — Индия» простимулируют юго-запад, провинции Юньнань и Гуанси-Чжуанский АР; аналогичную роль сыграет экономический коридор «Россия — Монголия — Китай» (РМК) для северо-востока (Дунбэй). Новые возможности получают главные города внутренних регионов — Чунцин, Сиань, Чжэнчжоу, Чэнду и Урумчи, а также наиболее выгодно расположенные приграничные центры — Дунсин, Жуйли, Эрэн-Хото, Маньжоули, Суйфэньхэ⁷. Кроме этого, упрощение доступа на рынки зарубежных стран позволит провести модернизацию промышленности развитой приморской части: четыре города «первой линии» (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу и Шэньчжэнь) выйдут на глобальный уровень⁸.

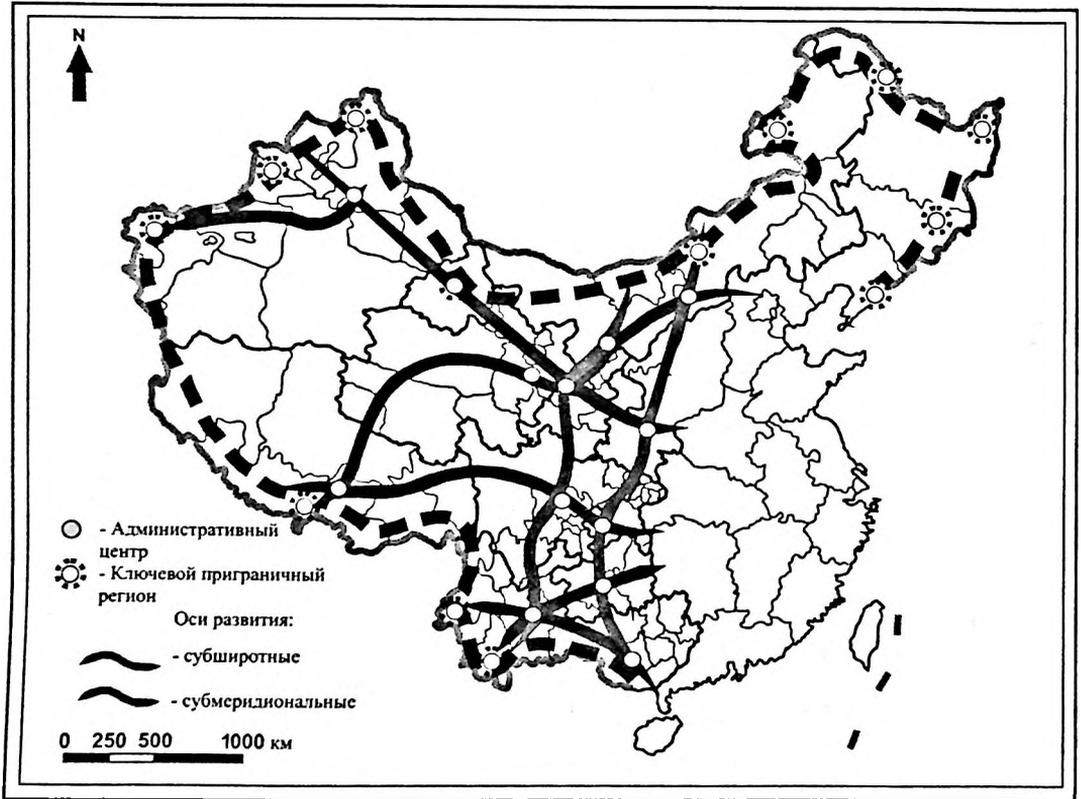


Рис. 2. Схема пространственного развития западного макрорегиона КНР.

Источник: Сибу да кайфа «ишисань у» гуйхуа: [Программа развития западных районов в 13-й пятилетке] / Государственный комитет КНР по реформам и развитию. Документ № 87 от 11.01.2017. Прил. 1. С. 10. (Перерисовка автора.)

Начиная с 13-й пятилетки (2016–2020) «пояс и путь» в качестве внешнеэкономической составляющей обозначен во всех четырех главных региональных программах. Четыре граничащих со странами ЕАЭС региона (СУАР, АРВМ, Хэйлуцзян и Цзилинь) входят в две из них, это «большое развитие западных регионов» (*сибу да кайфа*), и «возрождение Северо-Востока» (*Дунбэй чжэньсин*)⁹. При этом необходимо отметить, что восточная часть Внутренней Монголии¹⁰ входит в обе программы¹¹.

Курс «большого развития западных регионов» (*сибу да кайфа*) проводится начиная с 2000 г., им охвачены 12 западных регионов Китая. Согласно пятилетнему плану, пространственная конфигурация макрорегиона будет иметь пять широтных осей, две меридиональные и одну «окружную» (рис. 2). Оси соединяют между собой 12 административных центров, а костяк «окружной» составляют 14 ключевых приграничных районов.

Восемь из них расположены на границах со странами ЕАЭС — пять с Россией, два с Казахстаном и один с Киргизией (табл. 1). Именно на них Китай делает ставку в развитии связей с соседними странами, о чем дополнительно свидетельствует их продвижение по лестнице АД: Алашанькоу был преобразован из сельского в городской уезд в 2012 г., Фуюань и Хоргос — в 2016 г. Более широкий перечень основных приграничных городов и поселков был утвержден в 2014 г. планом «Урбанизации нового типа»¹². Туда входят все упомянутые в табл. 1, за исключением Бурчуна, а также городские уезды Суйфэнхэ, Тунцзян и Дуннин провинции Хэйлуцзян и Кульджа, Боро-Тала и Тачэн (Чугучак) СУАР. Маньчжоули, Хоргос и Кашгар входят в число восьми пилотных районов приграничной открытости государственного уровня.

Таблица 1

Ключевые приграничные регионы КНР

Ключевой приграничный регион	Место в АД КНР	Граничащие районы стран ЕАЭС
Хуньчунь	городской уезд Яньбянь-Корейского автономного округа провинции Цилинь	Хасанский район Приморского края РФ
Фуюань	городской уезд городского округа Цзямусы провинции Хэйлуцзян	Вяземский, имени Лазо, Хабаровский районы и городской округ Хабаровск Хабаровского края, Смидовичский район ЕАО
Хэйхэ	городской округ провинции Хэйлуцзян	Михайловский. Константиновский. Тамбовский Благовещенский. Свободненский районы и городской округ Благовещенск Амурской области РФ
Маньчжоули (Маньчжурия)	городской уезд городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия	Забайкальский район Забайкальского края РФ
Бурчун	уезд округа Алтай Или-Казахского автономного округа СУАР	Кош-Агачский район Республики Алтай РФ
Алашанькоу	городской уезд Боро-Тала-Монгольского автономного округа СУАР	Алакольский район Алма-Атинской области Казахстана
Хоргос	городской уезд (открытая технико-экономическая зона) Или-Казахского автономного округа СУАР ¹³	Панфиловский район Алма-Атинской области Казахстана
Кашгар ¹⁴	городской уезд округа Кашгар СУАР	Ат-Башинский район Нарынской области и Алайский, Кара-Кульджинский районы Ошской области Киргизии

Составлено по: Сибу да кайфа «шисань у» гуйхуа: [Программа развития западных районов в 13-й пятилетке] / Государственный комитет КНР по реформам и развитию. Документ № 87 от 11.01.2017. Прил. 1.

В каждой из 12 провинций сформирован список «строек пятилетки» — крупнейших проектов регионального уровня, важных для развития страны в целом. Так, во Внут-

ренней Монголии до 2020 г. будет достроен участок скоростной автодороги G10 Суйфэньхэ — Харбин — Маньжоули (составная часть трансзиатского маршрута АН 6 Красное — Пусан¹⁵). На стадии проектирования находится строительство скоростной железной дороги Цицикар — Хайлар — Маньжоули. Ввод в строй этих двух транспортных артерий является условием функционирования самой северной ветви экономического коридора РМК, а именно транспортного коридора Владивосток — Суйфэньхэ — Харбин — Маньжоули — Чита.



Рис 3. Одна главная ось и четыре экономических центра Северо-Восточного Китая.

Источник: Александрова М.В. Новое видение транспортного положения Северо-Востока Китая в свете концепции «Один пояс, один путь» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. Т. 21. № 21. С. 256–272.

В Синьцзяне будет строиться китайский участок железной дороги Китай — Киргизия — Узбекистан, которая претендует на то, чтобы стать новой связкой экономического коридора КСААЗА в дополнение к основному в настоящее время маршруту через Алматы и Ташкент. В этом случае улучшит свою транспортно-экономическую значимость Кашгар — крупнейший город южной части СУАР (Кашгарии) и стартовый пункт экономического коридора в Пакистан. Также планируется завершить строительство скоростной автодороги G318 Цзинхэ — Алашаньюку, которая соединит казахстанский Достык напрямую с Урумчи и улучшит логистику на этом участке экономического коридора НЕАКМ. Предусмотрены меры для модернизации транспортных путей из СУАР в сторо-

ну западной части Монголии, а также развитие транспортного узла в Хух-Хото (западная и центральная ветки коридора РМК).

Программа возрождения северо-восточного макрорегиона КНР была выдвинута в середине 2000-х годов и направлена на создание новых факторов роста в этой когда-то наиболее развитой, а последние десятилетия все более и более отстающей «старопромышленной» части страны. Упадок Дунбэя связан с повышенной долей малоприбыльных государственных предприятий и «утяжеленной» промышленной структурой на фоне более гибких частных предприятий приморской полосы, сделавших ставку на экспорт, а также со значительным числом сырьевых моногородов. Правительство проводит реформу госпредприятий и стимулирует реструктуризацию экономики, старается активизировать международное сотрудничество и улучшить транспортное положение удаленных от моря районов¹⁶.

Главную пространственную ось Дунбэя Далянь — Шэньян — Чанчунь — Харбин пересекают несколько второстепенных субширотных осей, две из которых выходят к границам России: это ось Маньчжоули — Суйфэньхэ (включая центральный участок Цишикар — Дацин — Харбин — Муданьцзян) и ось Аршань — Хуньчунь (центральный участок Чанчунь — г. Цзилинь) (рис. 3.) Первая — это часть «северной» ветки ЭК РМК, вторая — ее более южного «дублера» Зарубино — Хуньчунь — Чанчунь — Аршань — Чойбалсан — Улан-Батор. В 2015 г. провинция Хэйлуцзян приняла план, в котором более подробно обосновывается развитие тех частей экономических коридоров «пояса и пути», которые проходят по территории провинции¹⁷.

Видно, что маршруты ЭПШП внутри Китая фактически совпадают с осями перспективного освоения соответствующих китайских территорий. В рамках «пояса и пути» Китай предполагает интегрировать сложившиеся внутри и за рубежом оси развития и осуществлять их совместное территориальное планирование через «интерфейс» международных экономических коридоров с учетом нужд внутрикитайской региональной политики. Дальше всего по этому пути, по всей видимости, продвинулся китайско-пакистанский экономический коридор, предварительный планировочный проект которого попал в прессу в мае 2017 г.¹⁸

ЭПШП и региональная политика стран ЕАЭС

Несмотря на принципиально отличную от китайской идеологию перехода от плановой экономики к рыночной, большинство постсоветских стран также испытало значительный рост пространственного неравенства. В России неравномерность пространственного развития и усиление дифференциации регионов по уровню и темпам роста входят в число основных вызовов экономической безопасности страны¹⁹. Общим направлением изменения пространственной структуры экономики России за период 1990–2015 гг. по большинству показателей экономической деятельности явилось увеличение доли западных регионов за счет снижения восточных. Важную роль в реализации планов подъема Дальнего Востока, объявленных приоритетом России на XXI век, играют внешние связи, большая часть которых приходится на Китай.

При всех своих негативных эффектах валютный кризис значительно повысил экспортный потенциал произведенных в России товаров и услуг. В отраслевом разрезе рост уровня жизни на Дальнем Востоке возможен за счет развития морехозяйственных структур, добычи и обработки сырья, туризма, модернизации транспортной инфраструктуры и развития научно-образовательного кластера²⁰. Увеличение уровня международной открытости даст шанс на экспортно ориентированную модернизацию хозяйства и сокращение многовекового отставания Дальнего Востока и Прибайкалья от центральных регионов России. В то же время существует опасность консервации устаревшей структуры экономики²¹ и возникновения серьезных проблем экологического характера²².

Четыре участка наиболее интенсивного трансграничного сотрудничества сложились вокруг трех крупнейших городов региона (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) и участка Забайкальск — Маньчжоули на месте основного хода железной дороги. Особенно выделяется Благовещенск, где формируется уникальная трансграничная городская агломерация с китайским «городом-близнецом» Хэйхэ²³, вехой в развитии которой станет ввод в эксплуатацию в 2019 г. трансграничного моста. Ввод в строй трансграничного железнодорожного моста Нижнеленинское — Тунцзян в 2018 г., возможно, будет способствовать увеличению плотности контактов между КНР и ЕАО и возникновению нового полюса взаимодействия.

Подсчеты показывают, что юг Дальнего Востока имеет одно из наиболее выгодных ЭГП в стране, что создает предпосылки для коммерчески успешной интеграции в экономику АТР²⁴. Туда «упираются» сразу две оси пространственного развития Северо-Восточного Китая, на противоположных концах которых находятся Забайкальский край и Монголия. Запланированная автотрасса Маньчжоули — Суйфэнхэ практически по прямой свяжет Забайкальск и Уссурийск (1520 км вместо почти 3000 км по российской территории), выигрыш при использовании этой дороги при поездке, например, из Читы во Владивосток составит более 700 км²⁵.

Помимо развития Дальнего Востока и Прибайкалья, необходимо учитывать улучшение транспортной связанности центра Евразии для преодоления «континентального проклятия» регионов юга Сибири²⁶. Предлагаемая Китаем западная ветвь коридора РМК пролегает через Западную Монголию. От Урумчи в СУАР маршрут идет в монгольский Ховд (КПП Булган — Такишкент), а затем раздваивается — западная ветка идет через Улгий в Горно-Алтайск (погранпереход Ташанта), и затем на Барнаул и Новосибирск, а восточная через Улангом в Кызыл (КПП Хандагайты — Боршоо), и затем на Абакан и Красноярск. Этот маршрут нацелен на расширение торговых связей СУАР на север, где с российской стороны «входными точками» будут выступать республики Тува и Алтай. Обе они относятся к числу наименее развитых в стране по всем показателям, поэтому заинтересованы в задействовании внешних ресурсов роста.

Более активно в этом направлении руководство Тувы, где с целью развития грузоперевозок в 2017 г. был изменен маршрут конечного участка федеральной трассы М-54 «Енисей» на Кызыл — Чадан — Хандагайты (вместо Кызыл — Эрзин)²⁷. После модернизации дорожного полотна и придания многостороннего статуса погранпереходу это позволит создать полноценный международный транспортный коридор до Урумчи. Интенсификация контактов с КНР может придать дополнительный импульс развитию западных районов республики, прорабатываются также проекты строительства грузовой Тувинско-Монгольской железной дороги по маршруту Кызыл — Ак-Довурак — Ховд — Урумчи²⁸ и даже Кызыл — Пекин (через Эрдэнэт и Замын-Уудэ)²⁹.

В Казахстане важнейшим направлением региональной политики является развитие транспортной инфраструктуры. Поставлена задача реализовать преимущества транзитного расположения на евразийском континенте и сформировать осевую систему территориально-пространственного развития, направленную на усиление внутренней связанности³⁰. Для этого необходимо трансформировать исторически сложившуюся субмеридиональную транспортную сеть (на связь каждого макрорегиона с расположенными севернее регионами России) в комплексную, связывающую все регионы страны. Создание мультимодального «Евразийского транспортного коридора» включено в национальной стратегии «Нурлы Жол» в число ста важнейших шагов развития страны³¹, что перекликается с предложенными Китаем экономическими коридорами НЕАКМ и КСААЗ: два транспортных маршрута в Европу — один через Россию, второй через Каспийское море и Азербайджан, а также третий, в Западную Азию.

Ключевой проект НЕАКМ — это международная автотрасса «Европа — Западный Китай» (ЕЗК) по маршруту Санкт-Петербург — Казань — Оренбург — Актю-

бинск — Алма-Ата — граница КНР. Протяженность 4–8-полосной автодороги 1 категории по территории РФ составит 2574 км, из них 1830 км новых участков³². Несмотря на длительную подготовку (первый меморандум с Казахстаном был подписан в 2008 г.), строительство до сих пор находится на предпроектной стадии (за исключением участка Москва — Санкт-Петербург). В отличие от этого, китайский и казахстанский участки автотрассы (Урумчи — Хоргос — Алма-Ата — Чимкент — Кызыл-Орда — Актюбинск) почти полностью введены в эксплуатацию.

Второй маршрут — это так называемая южная ветвь ЭПШП, вобравшая в себя вынашивавшиеся с 1990-х годов планы развития Транскавказского транспортного коридора (ТРАСЕКА). Развитием интегрированной логистической цепочки Восточная Азия — Каспийское море занимается казахстанский государственный международный логистический оператор KTZ EXPRESS. В 2014 г. был создан совместный китайско-казахский контейнерный терминал в г. Ляньюнган (пров. Цзянсу, КНР). По планам, к 2020 г. он будет обрабатывать до 550 тыс. TEU в год (около 7 млн т). Второе звено — расположенный в СЭЗ «Хоргос — Восточные ворота» «сухой порт» на границе с Китаем мощностью до 5 млн т грузов в год. Третье звено — единственный в Казахстане международный порт Актау. В 2014 г. были введены в строй железнодорожные ветки Бейнеу — Шелкар и Саксаульская — Жезказган, которые сократили путь между Актау и границей с КНР на более чем 1000 км. Максимальная пропускная способность порта Актау после северного расширения составляет около 20 млн т грузов в год. Падение транзита нефти и нефтепродуктов (перешедших на другие виды транспортировки) с 11 млн т в 2009 г. до 3 млн в 2015 г. создало условия для усложнения обслуживаемой портовым комплексом товарной номенклатуры.

В 2017 г. планируется ввод в эксплуатацию двух новых портовых терминалов — одного в самом Актау, другого в расположенном чуть южнее поселке Құрық. Выбор этого места для строительства связан с более благоприятными навигационными условиями (защищенной бухтой) и удобной связкой с железной дорогой (новая ветка Боржакты — Ерсай). По планам, паромный комплекс будет обслуживать до 5 железнодорожных составов в день, или 5 млн т грузов в год³³. Для принятия грузов из Құрықа и Актау в Азербайджане с 2010 г. строится новый порт Алят (расположен в 60 км южнее Баку).

В целом, приграничное расположение с Китаем оказывает влияние на развитие южного (Алма-Атинская, Жамбылская, Кызылординская, Южно-Казахстанская области) и центрально-восточного (Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Павлодарская области) макрорегионов Казахстана. В восточной части Казахстана близость китайской границы становится основным фактором развития ряда населенных пунктов Казахстана, например, г. Жаркента (бывш. Панфилов), рядом с которым расположена крупнейшая приграничная торговая зона «Хоргос». Благодаря близости демографических ресурсов он имеет потенциал из транзитного пункта вырасти в экспортно ориентированный промышленный центр. В перспективе по этому пути может последовать и г. Зайсан при условии создания «сухого порта» «Майкапшагай» на юге Восточно-Казахстанской области (он заявлен следующим потенциальным «сухим портом»). В расчете на экспорт в Китай планируется развивать местное сельское хозяйство, в первую очередь, животноводство. Также планируется привлекать китайских туристов для развития рекреационных ресурсов Рудного и Южного Алтая. Привлекательны для китайских инвестиций Астана, Алма-Ата и сырьевая прикаспийская часть.

Киргизия, самый маленький по числу жителей сосед КНР, высокогорный рельеф которой predetermined высокий уровень межрегиональных контрастов. За годы суверенитета были нивелированы все достижения советских времен в выравнивании развития регионов³⁴, а диспропорции в их развитии приняли угрожающие масштабы³⁵. На юге республики проживает более половины населения, при этом вклад этой части страны (центр — г. Ош) в экономику составляет менее 30% ВВП³⁶. В 2015 г. три северных регио-

на (г. Бишкек, Чуйская и Иссык-Кульская области) получили 70% инвестиций и произвели более 80% товаров³⁷.

Вопросом национальной безопасности Киргизии является развитие юга и одновременно более тесная интеграция двух частей страны между собой, обеспечение непрерывной транспортной связи между регионами и транспортной независимости³⁵. Транспортное сообщение между северной и южной частями представлено только старой автодорогой Бишкек — Ош, а связывающая железнодорожная ветка проходит через зарубежную территорию, ее полноценное функционирование сильно затруднено. В настоящее время идет строительство автодороги «Север — Юг» по маршруту Бишкек — Балыкчы (бывш. Рыбачий) — Казарман — Джалал-Абад протяженностью 443 км³⁸.

Общую границу с Китаем имеют и юг, и север Киргизии. Северная Иссык-Кульская область, однако, граничит лишь на карте и отделена от Китая высокогорным хребтом Кашкаал-Тоо, поэтому реально о соседском положении можно говорить лишь относительно южных Нарынской и Ошской областей. Здесь расположены пункты пропуска Торугарт (Ат-Башинский район) и Иркештам (Алайский район), соответственно, ближайшие крупные города — Нарын и Сары-Таш. Для полноценной работы коридора КСАЗА китайская сторона хочет построить железную дорогу по маршруту Кашгар — Торугарт — Достук — Джалал-Абад — Андижан, которая свяжет Китай и Узбекистан в обход Казахстана. В Киргизии этот проект вызывает дискуссии: экспертами высказываются сомнения в его окупаемости и соответствии национальным интересам³⁹. Для предотвращения негативных внутренних эффектов строительство железной дороги из Китая в Узбекистан должно идти в связке со строительством транскиргизской железной дороги (один из обсуждаемых сейчас маршрутов: Балыкчы — Кочкор — Достук⁴⁰). Это позволит избежать перекоса в региональном развитии страны и подключит к коридору КСАЗА также северную часть Киргизии. С китайской стороны эти дороги выходят на Кашгар, где начинается экономический коридор в Пакистан, что делает перспективным для Нарынской и Ошской областей развитие животноводства с прицелом на китайский и южноазиатский рынок.

* * *

Сопоставление планов развития западных и северо-восточных регионов КНР на 13-ю пятилетку свидетельствует, что по своей пространственной конфигурации предлагаемые в рамках «пояса и пути» международные коридоры являются выдвинутыми за рубеж продолжениями осей территориального развития приграничных регионов Китая. Реализация этих планов сталкивается с оформленными и неоформленными потребностями пространственного развития граничащих государств. В таком случае ЭПШП является своеобразным «интерфейсом» для расширения рамок территориального планирования на зарубежные страны с целью совместного обсуждения и проработки вариантов, способствующих развитию периферийных частей Китая.

Масштабные трансформации экономического пространства приграничных регионов КНР требуют более полного учета этих факторов при разработке планов территориального развития стран ЕАЭС. Настоящее «сопряжение» требует не только экономической, но и региональной повестки: системный учет закономерностей пространственного развития соседа и задач его территориального планирования на местном уровне позволит существенно повысить отдачу от реализуемых совместных проектов, например, при строительстве трансграничной инфраструктуры. В концепцию пространственного развития Киргизии уже включен пункт о необходимости учитывать китайскую политику создания агломераций и формирования 100 городов с населением, превышающим 1 млн человек, и планы развития западных территорий Китая⁴¹. В России единственным примером является инициатива по разработке совместного проекта планировки территории о. Большой Уссурийский⁴² (аналогично, в Казахстане — это планировка центра пригра-

ничного сотрудничества «Хоргос»). «Пространственное сопряжение» следует осуществлять с учетом накопленных проблем и ошибок в приграничном сотрудничестве, связанных со спецификой устройств управленческих аппаратов двух стран и институциональными ограничениями, накладываемыми периферийным положением регионов по обе стороны границы⁴³.

Предлагаемые китайской стороной «коридоры» в целом не противоречат основным положениям региональной политики граничащих с Китаем стран ЕАЭС. На Дальнем Востоке России они включают обладающий исключительно выгодным ЭГП юг Приморского края, а также узлы приграничного взаимодействия вокруг Хабаровска и Благовещенска. Реализация Китаем мероприятий по повышению конкурентоспособности своих «глубинных» регионов объективно работает на снятие аналогичных ограничений во всей внутренней Евразии, в первую очередь, в среднеазиатских странах и российских республиках юга Сибири (Тува и Алтай). В Казахстане предлагаемые маршруты способствуют развитию субширотных коридоров, что также увеличивает уровень связанности транспортной системы и позволяет полнее использовать транзитный потенциал территории. В Киргизии необходимость первоочередного увеличения внутренней транспортной связанности страны обуславливает желательность развития транспортного коридора КСАЗА через Ошскую область одновременно с укреплением связей между северной и южной частью.

От усиления взаимодействия с Китаем можно ожидать появления дополнительных стимулов для развития у нескольких категорий регионов. Во-первых, традиционно наиболее привлекательные для инвестиций регионы стран ЕАЭС. В России это Москва и Санкт-Петербург с областями, Татарстан, Калужская и Тульская области, Краснодарский край; в Казахстане — Астана, Алма-Ата и прикаспийские области; в Киргизии — Бишкек и Чуйская область. Во-вторых, приграничные регионы за счет увеличения инвестиционной открытости и создания экспортно ориентированных производств — юг Дальнего Востока и Забайкалья, Восточно-Казахстанская и Алматинская области Казахстана, юг Киргизии. В-третьих, регионы, расположенные вдоль предполагаемых транспортных коридоров, значение которых велико для наиболее периферийных частей: российские республики Тува и Алтай, казахстанские города Актау, Чимкент и Актюбинск, киргизские Джалал-Абад, Нарын и Сары-Таш. В сфере привлечения инвестиций из Китая необходимо избежать непродуктивной конкуренции между дальневосточными и байкальскими субъектами и разработать внешнеэкономические стратегии, построенные на конкретных преимуществах каждого из них.

1. Евразийская экономическая комиссия в аналитическом издании «Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г.» включает региональное развитие в число 9 основных направлений, но исключительно как сотрудничество между граничащими друг с другом административными единицами стран-участников.
2. Раздел «Тенденция открытости всех районов Китая» документа «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» (опубликован в марте 2015 г.) и раздел «Совместное строительство экономических коридоров» второго программного документа «Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая» (опубликован в мае 2017 г.)
3. *Ху Аньган*. «И дай и лу» – и чан цзинцзи дили гэмин: [«Один пояс, один путь» – революция в экономической географии] // Гуаньчачжэ. 03.06.2015. URL: http://www.guancha.cn/HuAnGang/2015_06_03_321899_s.shtml
4. *Портяков В.Я.* Россия и китайский проект «Одного пояса, одного пути» // Мир перемен. 2016, №1. С. 138–146.
5. *Самбурова Е.Н.* Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2014. № 4. С. 49–55.

6. Сюань Сюэвэй. «И дай и лу» цзяньшэ дуй Чжунго цююй фачжан дэ инсян: [Влияние ОПОП на региональное развитие Китая] // Чжунго цзинцзи шибэо = China Economic Times. 01.06.2017. С.5. URL: http://lib.cet.com.cn/paper/szb_con/490158.html
7. Лю Хэцэй, Лю Вэйдун. «И дай и лу» цзяньшэ юй вого цююй фачжань чжаньлюэ дэ гуаньси яньцзю: [Связи между ОПОП и стратегиями регионального развития КНР] // Чжунго кэсюэюань юанькань: [Вестник Китайской академии наук]. 2017. № 4. С. 340–347. DOI: 10.16418/j.issn.1000-3045.2017.04.002.
8. См.: Chubarov I., Brooker D. Multiple pathways to global city formation: A functional approach and review of recent evidence in China // Cities. 2013. № 35. P. 181–189; Чубаров И.Г. Особенности формирования глобальных городов в современном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 61–70.
9. Две другие программы — это «скоординированное развитие столичного региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй» (*Цзин-Цзинь-Цзи*) и «развитие экономического пояса реки Янцзы» (*Чанцзян цзинцзи дай*).
10. Восточная Внутренняя Монголия (*Мэндун*) включает в себя городские округа Чифэн, Тунляо, Хулун-Буир и аймаки Хинган и Шилин-Гол общей площадью 665 тыс. кв. км (для сравнения, общая площадь трех северо-восточных провинций 787 тыс. кв. км).
11. Намжитлова В.О. Экономическое зонирование Автономного района Внутренняя Монголия в контексте региональной политики Китая // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. 2016. С. 251–257.
12. Чубаров И.Г. «Урбанизация нового типа» – новый этап развития городской системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 83–95.
13. В некоторых источниках указывается, что развитием городского уезда Хоргос занимается Синьцзянский строительно-производственный корпус (особая военно-административная единица уровня провинции).
14. Выхода к госгранице не имеет. Непосредственно на границе находится соседний Кызылсу-Киргизский автономный округ СУАР (приграничные уезды Улугчат, Артуш и Акчи).
15. Направления и номенклатура трансасиатских автодорожных маршрутов утверждены в подготовленном Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана Межправительственным соглашением по сети азиатских автомобильных дорог в 2004 г.
16. Александрова М.В. Новое видение транспортного положения Северо-Востока Китая в свете концепции «один пояс, один путь» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. Т. 21. № 21. С. 256–272.
17. Ставров И.В. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлуцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2(79). С. 39–50.
18. Exclusive: CPEC master plan revealed. Dawn. 15.06.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1333101/exclusive-cpec-master-plan-revealed>
19. Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г. Утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208.
20. Бакланов П.Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия РАН. Серия географическая. 2015. №5. С. 8–19.
21. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Структурные сдвиги в экономике приграничных регионов РФ и КНР // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 46. С. 41–55.
22. Шварц Е.А., Симонов Е.А. От экологических угроз к новым правилам и инструментам развития в Евразии // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С.29–33.
23. Mikhailova E. Border Tourism on the Russian-Chinese Border // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Krasnoyarsk, 2015. Vol. 3 (8). P. 437–451.
24. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 117–138.
25. Рассчитано с использованием информационной онлайн-системы «АвтоТрансИнфо». Плата за проезд по маршруту внутри РФ составит около 5600 руб. (исходя из тарифа «Платон» на 2017 г. 1,9 руб/км), плата за проезд через КНР около 9700 руб. (китайский участок: 8500 руб. (исходя из тарифа 0,64 юаня/км для грузовых автомобилей от 14 до 25 т в 2016 г. на участке Суйфэньхэ – Харбин) плюс 1200 за российские участки).

26. Безруков Л.А. Транссиб и Шелковый путь: глобальная инфраструктура и региональное развитие // ЭКО. 2016. №7. С.21–36.
27. Поворот М-54 – новая глава в истории Тувы. Официальный портал Республики Тыва. 06.03.2013. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/transport/1218/
28. Лебедев В.И., Дабиев Д.Ф. Возможности и перспективы строительства Тувинско-Монгольской магистрали // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 26 (377). С. 39–46.
29. Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Портал «Монголия сейчас». URL: <http://news.mongolnow.com/assets/gus-ch-mn.pdf>
30. Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2020 года. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан № 118 от 21 июля 2011 г., с учетом изменений от 25 августа 2015 г.
31. План нации – 100 шагов по реализации пяти институциональных реформ Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 г. Стратегия «Казахстан – 2050». URL: https://strategy2050.kz/ru/page/message_text2014/
32. Проект создания международного транспортного маршрута «Европа – Западный Китай» на территории Российской Федерации. Презентация ГК «Автодор». Февр., 2017 г.
33. В порту Курык открыли паромный комплекс. Лада – Новости города Актау. 06.12.2016. URL: https://www.lada.kz/aktau_news/society/44373-v-mangistauskoj-oblasti-otkryli-paromnyj-kompleks-v-portu-kuryk.html
34. Атаканов Н.А. Диспропорции в развитии регионов Киргизии // Микроэкономика. 2009. №7. С. 228–233.
35. Стратегия развития Кыргызстана до 2031 года (Национальная стратегия – 2031) (Концептуальные положения). Проект 2013 г. / Аппарат Правительства Кыргызской Республики. Отдел экономики и инвестиций.
36. Концепция региональной политики Кыргызской Республики на период 2018–2022 гг., утверждена Постановлением Правительства КР № 194 от 31 марта 2017 г.
37. Кыргызстан в цифрах. Статистический сб. / Нацстатком Кыргызской республики. Бишкек, 2016.
38. Строительство ведется по большей части на кредитные средства, выделенные китайскими правительственными структурами, и силами преимущественно китайских подрядчиков – это часто применяемая Китаем модель сотрудничества с развивающимися странами.
39. Железная дорога Китай – Кыргызстан – Узбекистан: вопросы без ответов. Вечерний Бишкек. 04.02.2013. URL: http://www.vb.kg/doc/214902_jeleznaia_doroga_kitay_kyrgyzstan_uzbekistan_voprosy_bez_otvetov.html
40. Железнодорожный маршрут Китай – Кыргызстан – Узбекистан, предлагаемый Кыргызстаном. Интернет-издание Tazabek. 04.02.2017. URL: www.tazabek.kg/news:1358874.
41. Концепция региональной политики Кыргызской Республики ... Раздел 3.3. Внешние рамки региональной политики.
42. Россия планирует развивать с Китаем остров Большой Уссурийский. Восток Медиа. 06.04.2017. URL: <https://vostokmedia.com/news/society/06-04-2017/rossiya-planiruet-razvivat-s-kitaem-ostrov-bolshoy-ussuriyskiy>
43. Зуенко И.Ю. Бюрократия в условиях фронта: проблема эффективности региональных властей в российско-китайских отношениях // Журнал фронтальных исследований. 2017. № 1 (5). С. 51–64.

Природопользование

Китай: курс на «дружественную» к природной среде гидроэнергетику

© 2017

Н.В. Прохорова

В статье анализируется гидроэнергетическая стратегия КНР, рассмотрены крупные достижения в этой сфере и сопутствовавшие им важные коррективы. Выделены основные направления работы по сбережению и улучшению экосистем рек, используемых для строительства ГЭС, освещены поучительные концепции китайских экологов.

Ключевые слова: ГЭС, водохранилища, энергоресурсы, Си Цзиньпин, водные экосистемы, освоение гидроресурсов, бассейновое планирование, трансграничное взаимодействие.

Путь к лидерству по гидроэлектростанциям

Из истории гидроэнергетики Китая явствует, что точкой отсчета крутого подъема этой отрасли послужила проведенная в 1977 — начале 1980-х годов «инвентаризация» водных ресурсов. На этой основе тогда же вступил в действие «Проект освоения десяти крупных гидроэнергетических баз». Они создавались в:

– верхнем течении рек Хуанхэ, Наньпаньцзян, Хунхэ, Цзиньшацзян, Ялуцзян, Дадухэ, Уцзян;

– верхнем течении Янцзы (включая Цинцзян);

– среднем течении Ланьцанцзян;

– в бассейнах трех рек провинции Хунань (Чэньшуй, Цзышуй и Сюаньшуй);

– в бассейнах рек Миньцзян, Чжэцзян и Ганьцзян.

В 1989 г. этот Проект был расширен еще двумя комплексами в:

– в главном русле среднего течения Хуанхэ и на Северо-Востоке, конкретно — в главных руслах Хэйлуцзяна (Амура), Туманцзяна (по-русски Туманной, по-корейски Тумангана);

– в верхнем течении Сунгари, в бассейне Ялуцзян (включая главное русло реки Хуньцзян) и бассейне Нонни¹.

Результаты не замедлили сказаться: за 11-ю пятилетку (2006–2010) вступило в строй столько же новых энергоблоков, сколько было введено за предыдущие 95 лет ис-

тории китайской гидроэнергетики². Китай уже в 2004 г. опередил по суммарной установленной мощности ГЭС родоначальников мировой гидроэнергетики — США.

Таблица 1

Десять мощнейших в мире гидроэлектростанций

	Название ГЭС / река	Страна	Когда построены	Установленная мощность (млн кВт)	Среднегодовая выработка (млрд кВт-ч)
1	Санься / Янцзы	КНР	2003/2007/2012	22 500	98,1
2	Итайпú / Парана	Бразилия / Парагвай	1984/1991/2003	14 000 (700×20)	98,6
3	Силоду / Янцзы	КНР	2014	13 860	55,2
4	Гúри / Карони	Венесуэла	1978/1986	2 065/10 235	53,4
5	Тукуруи / Токантинс	Бразилия	1984/2007	8 370	41,4
6	Гранд-Кули / Колумбия	США	1942/1980/1985	2 280/6 809	20,0
7	Сянцзяба / Янцзы	Китай	2012/2014	6 448	30,8
8	Лунтань / Хуншуйхэ	КНР	2007/2009	6 426 (714×9)	18,7
9	Саяно-Шушенская / Енисей	РФ (СССР)	1985/1989	6 400	24,0
10	Красноярская / Енисей	РФ (СССР)	1967/1971	6 000	20,4

Источник: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_largest_hydroelectric_power_stations

В конце 2015 г. общая установленная мощность в гидроэнергетике Китая достигла 319 млн кВт. То есть были перевыполнены плановые директивы 12-й пятилетки: достижение общей установленной мощности ГЭС в 290 млн кВт при среднегодовой выработке электроэнергии в 910 млрд кВт-ч³.

Как явствует из приведенной таблицы 1, среди десяти ГЭС, лидеров мировой энергетики, установленная мощность четырех китайских электростанций выше, чем у шести «некитайских».

По данным «Первого всекитайского всестороннего исследования гидротехнических сооружений», опубликованного в 2013 г. ГСУ КНР, на конец 2011 г. в стране было зарегистрировано 46758 гидроэлектростанций. Налицо одна из внушительных побед «социализма с китайской спецификой».

Однако в январе 2016 г. на встрече в Чунцине с активом провинций и городов, лежащих вдоль течения Янцзы, председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что отныне задачей № 1 становится восстановление экологического равновесия этой реки и что впредь разворачивать на Янцзы крупное гидроэнергетическое строительство недопустимо.

Почему победная стратегия подверглась корректировке?

Вопросы о целесообразности введения в строй реализуемых ныне проектов ГЭС на Янцзы и ее притоках уже давно были темой серьезных дискуссий. Ряд китайских специалистов предупреждает: одновременное интенсивное освоение главных русел рек вме-

сте с их притоками неминуемо повлечет серьезное нарушение экологического равновесия окружающей среды, что угрожает экологической безопасности государства.

Перед КНР, таким образом, предстали непростые задачи:

- разработка мер по сокращению, приведению в порядок и оптимизации управления огромным количеством ГЭС, построенных за 60 с лишним лет;
- формирование структуры расположения гидроэнергетических баз и отдельных ГЭС и водохранилищ по рекам, способствующей согласованному развитию территорий;
- переход к *повторному освоению рек*.

По мнению одного из ведущих китайских специалистов по этой проблематике, профессора Пекинского института водных ресурсов и гидроэнергетических исследований Лю Шукуня, ужесточение экологической политики, скорее всего, не повлияет на уже реализуемые проекты новых ГЭС, но те проекты, что задержались в стадии планирования, подлежат пересмотру⁴.

Принцип защиты «свободного течения» воды в реках поддерживается многими хозяйственниками на местах. Например, руководство провинции Гуйчжоу еще в 2011 г. запретило строительство электростанций и плотин на впадающей в Янцзы реке Чишуйхэ и ее основных притоках⁵.

Показательна позиция руководителей провинции Чжэцзян, вознамерившихся закрыть либо переоборудовать немалую часть своих ГЭС. К 2015 г. в провинции было построено 3202 сельских гидроэлектростанций (коэффициент освоения гидроэнергоресурсов там — на уровне 85,7%)⁶. Акцент ставился на строительство малых ГЭС в бедных районах⁷, где была реализована программа «Малая гидроэнергетика — вместо топлива», оказавшаяся полезной и успешной. По ходу 13-й пятилетки в этой провинции решено сформировать 50 образцово-показательных районов с гидротехническими объектами, минимально нарушающими окружающую среду.

Правовая защита рекам и притокам

В ситуации, насыщенной разноплановыми противоречиями, одна из актуальных задач Китая — институциональное закрепление экологических требований к гидроэнергетическому освоению водотоков. Усилия в этом направлении стали предприниматься еще в начале XXI века. Так, в 2011 г. в документе «Временные положения по рассмотрению докладов о гидроэнергетическом планировании на реках и воздействии на окружающую среду» (разработан Комитетом реформ и развития) подчеркивалось: оценка влияния гидроэлектростанций на окружающую среду должна представлять собой часть самого проекта, а не проводиться после строительства по договоренности с органами контроля. Таким образом, начиная с 2000-х годов государство принялось формировать базу, на основании которой стало бы возможно развернуть «повторное освоение» гидроресурсов, т.е. закрывать или переоборудовать гидроэлектростанции, не соответствующие требованиям безопасности для окружающей среды, оптимизировать структуру расположения ГЭС по рекам, особенно малым и средним⁸.

В 2016 г. в этом деле обозначились серьезные сдвиги. Через месяц после упомянутого выше чунцинского партийно-хозяйственного актива провинций, лежащих по берегам Янцзы (где выступал Си Цзиньпин), в феврале 2016 г. Министерство водного хозяйства огласило «Руководство по переоборудованию сельских ГЭС в целях восстановления речных экосистем», предусматривающее проведение проверок экологических изменений на участках рек с понижением уровня воды или в местах обрывов течений, случившихся в результате строительства сельских гидроэлектростанций.

Согласно этому документу, внедряется следующий порядок: на основании экспертизы определять меры по обеспечения потребностей в воде экосистем разных типов. Электростанциям рекомендовано устанавливать мониторинговое оборудование для контроля за объемом водного стока. В случаях невыполнения объекты должны быть переоборудованы или закрыты.

Упомянутым документом учтены и такие нюансы, как обеспечение безопасности (для флоры и фауны) температурного режима вод в районах функционирования ГЭС. Для территорий с малой плотностью населения установлено правило сохранять изначальное состояние русла рек и окружающего растительного покрова.

Для более освоенных территорий предусматривается создание зеленых заградительных барьеров из водных и наземных растений, укрепляющих береговую линию и препятствующих проникновению в воду загрязняющих веществ⁹.

В Уведомлении по вопросам усиления управления гидроэнергетикой бассейнов рек (обнародовано Комитетом реформ и развития в марте 2016 г.) указывается на недопустимость работ по строительству электростанций на реках, не имеющих плана гидроэнергетического освоения. Ранее разработанные планы, указано в документе, подлежат корректировке¹⁰.

Новаторские идеи ученых-экологов

На протяжении десятков лет китайскими учеными разрабатываются концепции строительства ГЭС, «дружественных» к окружающей среде. Например, проф. Лю Шукунь еще в конце 1990-х годов огласил свою концепцию управления водными ресурсами в рамках всего бассейна той или иной реки, получившую название «Большая ирригация». В этой концепции сформулировано требование заблаговременно оценивать, каким может оказаться влияние строящихся водохозяйственных объектов (в частности, ГЭС) на окружающую среду.

Ученый обозначил такие задачи, как комплексное освоение ресурсного потенциала в бассейне рек (водных, лесных и земельных), позволяющее повышать комфортность обитания местных жителей; создавать природные объекты и новые ландшафты, привлекательные для развития туризма и т.д.¹¹ Он критически настроен в отношении распространенного в Китае каскадного гидроэнергетического строительства: по его расчетам, не менее 50% протяженности реки надлежит оставлять незарегулированными (в состоянии свободного течения)¹².

Еще в 2000-е годы в КНР родилась концепция защиты малых рек под девизом: «основные русла осваивать, притоки — защищать!». В последнее время масштабы ее применения расширились. Суть данного подхода в следующем: выгоду от хозяйствования следует извлекать там, где она весомее, т.е. на крупных реках. Защищать же следует ресурсы, имеющие наибольший потенциал восстановления и относительно благоприятные условия для восстановления природной среды. В настоящее время, впрочем, в КНР еще не сложилось единого подхода к определению, сколько ГЭС может выдержать один район или одна река.

Концепция «Одна река — одна стратегия» призвана устранить беспорядочное расположение ГЭС на реках. В рамках этой концепции в каждом конкретном случае требуется экспертиза естественных способностей реки к самоочищению, как и ее потенциальной емкости. На этой основе надлежит рассчитывать допустимое количество ГЭС.

В Китае стали активно финансироваться проекты, способные целевым образом влиять на качество природной среды. То есть при строительстве ГЭС и других объектов водохозяйственной инфраструктуры принимается во внимание возможность использова-

ния их в качестве регуляторов при управлении природными экосистемами. Например, в 2014 г. на реках Иртыш и Урунгу в уезде Алтай Или-Казахского округа Синьцзян-Уйгурского автономного района был запущен проект по сооружению водосливных плотин¹³. Эти сооружения способствуют повышению уровня воды в реках в периоды, когда из водохранилищ, расположенных в верховьях и на притоках рек, намерено спускается вода для затопления в июне-июле пастбищ и вторичного леса по берегам этих рек: так создаются условия для оживления растительности в пойменной зоне реки и на более обширной территории.

Нетрадиционными выглядят исходные принципы природоохранной деятельности китайских ученых. Среди них, в частности, укоренилось мнение, что защита экологии предполагает не реконструкцию изначального состояния природной среды, а ее *строительство*¹⁴. В приоритет выдвигается не достижение природного (исходного) состояния ресурса, а формирование целевых параметров наиболее подходящей экологической среды.

Попробуем разобраться в истоках использования китайцами самого термина — «экологическая среда». Этот термин был предложен для внесения в проект Конституции 1982 г. академиком Хуан Бинвэнем, после чего стал использоваться и в других документах, регламентирующих деятельность в сфере природопользования и водных ресурсов. Первоначально речь шла о защите экологического равновесия. Но было отмечено, что защищать только равновесие — недостаточно, необходимо защищать среду, т.е. совокупность природных условий. Так стали говорить о «защите экологической среды». Позднее Хуан Бинвэнь высказал мнение, что понятие «экологическая среда» должно быть дополнено путем включения в него проблем, связанных с *окружающей средой*, то есть со всеми вариантами загрязнений.

Можно выделить множество градаций экологических сред разного качества, подходящих под обеспечение разных условий проживания. Поэтому и защищать можно не один вид среды (тождественный изначальному), а множество видов.

В России этот популярный среди китайских экологов подход еще не обрел понимания. У нас традиционно доминирует принципиально иной, более консервативный взгляд на защиту окружающей среды. Не исключено, однако, что китайские природоохранные концепции смогут повлиять на российскую экологическую стратегию. Это подтверждается разгорающимися в России спорами о застраивании гидроэлектростанциями дальневосточных рек и о транспортировке воды из российских водных объектов в Китай. Параллельно в России разрабатываются стратегии защиты водных объектов и создаются комплексные планы гидроэнергетического освоения рек (но защищать при подобном подходе придется уже не «свободно текущие реки»).

Риски трансграничных конфликтов

В Китае, как известно, сделан акцент на сооружение крупных ГЭС, плотин и водохранилищ, строительство которых со времени 10-й пятилетки (2001–2005) ускорилось. Выбор мест для сооружения плотин продвигается к истокам крупных рек, что предполагает практически полное включение их главных русел в процесс освоения. Чаще всего при этом применяется способ каскадного освоения: строительство ГЭС и водохранилищ, начиная с верхнего течения реки, с последующим переходом к среднему и затем к нижнему течению.

На международном уровне активно эксплуатируется идея *совместного пользования благами*, получаемыми от строительства водохозяйственных объектов, возможности получения сопутствующих выгод. Но есть и «оборотная сторона медали»: расположен-

ные в трансграничных областях водохозяйственные объекты позволяют Китаю контролировать водотоки сопредельных стран. В настоящее время это особенно беспокоит Индию и страны Юго-Восточной Азии.

Широкое освещение не только в китайских, но и в международных (в том числе и российских) СМИ получили мероприятия КНР в юго-западной трансграничной зоне весной 2016 г. Китай осуществлял попуск воды из водохранилища Цзинхунской ГЭС (пров. Юньнань) в реку Меконг. Благодаря этим мерам была оказана помощь расположенным в нижнем течении реки государствам — Таиланду, Мьянме, Лаосу, Камбодже, Вьетнаму, пострадавшим от засухи.

Международный эксперт по водным проблемам Ван Вэйло указывает, что прежде китайская сторона осуществляла гидроэнергетическое строительство на своей территории вопреки возражениям некоторых южных соседей, прежде всего Вьетнама. При этом Китай оперировал данными о том, что Ланьцанцзян (исток Меконга), формирует общий сток Меконга лишь на 13.5%. При этом, однако, замалчивались данные о том, что в период малой воды верховья Меконга формируют его сток на 45–50%. В 2016 г. китайское правительство все же признало, что объем воды в бассейне Ланьцанцзян уменьшился на 20% по сравнению с обычными ежегодными данными.

Дальнейшее освоение Ланьцанцзяна и строительство новых водохранилищ, по мнению Ван Вэйло и других международных экспертов, будет способствовать уменьшению естественного стока этой реки, и в случае возведения всех запроектированных водохранилищ их общий объем превысит объем стока Ланьцанцзяна¹⁵.

Ранее китайские ГЭС уже оказали негативное воздействие на речные потоки во Вьетнаме, которые стали интенсивнее высыхать и приносить меньше воды в сухой сезон¹⁶. В предшествующие годы власти вьетнамских провинций отмечали, что китайские ГЭС не всегда спускали воду, когда это было необходимо Вьетнаму, ставя, таким образом, потребление им воды в полную зависимость от Китая и подрывая водную безопасность Вьетнама¹⁷.

Государства, расположенные вдоль Меконга, уже сейчас вынуждены менять структуру земледелия: все меньшие площади земель отводятся под посадку риса. Увеличение ресурсно-экологических нагрузок на сопредельные территории стран ЮВА и серьезные экологические вызовы отмечал в своих работах С.Г. Лузянин¹⁸.

Доминирующая роль Китая в распределении водных потоков в регионе усиливается благодаря строительству водохозяйственной инфраструктуры. При этом нарушается экологический баланс природных систем в странах, где китайские компании осуществляют подряды и на чьи территории распространяется влияние объектов, расположенных в Китае.

В КНР можно найти достаточное количество примеров эгоистичного территориального использования водных ресурсов при реализации внутренних проектов строительства водохозяйственной инфраструктуры, в том числе и таких, когда потребности экосистем игнорируются. Например, широкую огласку в китайской прессе получила ситуация, сложившаяся во Внутренней Монголии на водохранилище Улгай одноименной реки. Водоохранилище с 2004 г. в течение десяти лет вообще не делало спуски вниз по течению, лишь в последние годы стали предприниматься меры для исправления ситуации¹⁹.

Взгляд в будущее

Проблема защиты рек от избыточного энергетического освоения акцентирована в Китае как нигде в мире. Усилия, предпринимаемые КНР в направлении защиты водных экосистем, в общих чертах соответствуют направлениям мирового тренда.

Так, на саммите ООН (сентябрь 2015 г.) была принята Повестка в области устойчивого развития до 2030 г. Одним из необходимых условий устойчивого развития было названо значительное увеличение доли возобновляемых источников энергии в мировом энергобалансе к 2030 г. (ст. 7.2), и акцентирована проблема защиты природных экосистем.

В частности, на период до 2020 г. были поставлены следующие цели:

– обеспечить охрану и восстановление связанных с водой экосистем, в том числе гор, лесов, водно-болотных угодий, рек, водоносных слоев, озер (ст. 6.6);

– обеспечить учет ценности экосистем и биоразнообразия в ходе общенационального и местного планирования экономического развития с одновременной разработкой стратегии и планов сокращения масштабов бедности (ст. 15.9)²⁰.

Мы уже убедились в том, что сегодня сохранение экосистем — одна из ключевых проблем гидроэнергетики Китая. Стоит отметить, по прогнозу китайского специалиста в области водных ресурсов Ма Цзюня, запасы гидроэнергетических ресурсов КНР будут полностью освоены через полтора десятилетия²¹.

В Китае делается особый упор на такой аспект, как достижение эффективности в функционировании природной среды, в соответствии с которым реки с построенными на них объектами водохозяйственной инфраструктуры должны работать для экономики страны.

Однако в странах и регионах, богатых природными ресурсами, как например, российский Дальний Восток, и не нуждающихся в таких объемах производства электроэнергии, как Китай, при реализации стратегий освоения и защиты природных объектов целесообразно уделять внимание консервации природных ресурсов и сохранению их в состоянии, максимально близком к изначальному.

Если прежде китайцы предпочитали не замечать разрушительное влияние водохозяйственных объектов (ГЭС и плотин) на экосистемы, то сейчас они признают данный факт, изыскивая пути снизить нагрузку этих объектов на окружающую среду и пытаются использовать их в регулировании речных потоков.

Особенно важно, что созданная экологическая среда должна работать в экономике с большей производительностью, выполняя определенную нагрузку, в отличие от незадействованных в освоении ресурсов.

Таким образом, не привязывая свои действия к восстановлению изначальной среды, можно на месте уже использованной среды строить новую из других материалов, постоянно активируя экономическую производительность ресурсов. В свете изложенного заслуживает особого внимания то, каким образом в Китае будет решаться долго игнорируемая проблема обеспечения свободного течения некоторых рек, борьба за которые активно ведется. Китайская общественность и активисты по охране окружающей среды ожидают, что коррективы, которые верховное руководство страны в тесном взаимодействии с органами власти на местах и с научным сообществом вносят в гидроэнергетическую стратегию КНР, будут радикальными.

Усилия, предпринимаемые в направлении защиты водных экосистем, в общих чертах соответствуют направлениям мирового тренда. В то же время, КНР продолжает осваивать гидроэнергоресурсы и работает над проектом создания энергосистемы с высокой долей возобновляемой энергетики в будущем.

На международных конференциях по изменению климата Китай неоднократно декларировал намерение сократить выбросы двуокиси углерода (которые дают тепловые электростанции, работающие на угле) в расчете на ед. валового внутреннего продукта на 40–45% (по сравнению с 2005 г.) за период до 2020 г.²² за счет ресурсов возобновляемой энергетики, в том числе гидроэнергетики.

1. Чжунго шиэр да шуйдянь цзици фачжань гуйхуа: [План развития 12 крупных гидроэнергобаз Китая]. URL: <http://baike.baidu.com/view/3412586.htm> (дата обращения: 16.03.2017).
2. Нэньюань цзю: шиар у циянь цзян хэли лунчи хуодянь гуймо: [Агентство по энергетике: «в период 12 пятилетки масштабы теплоэнергетики будут разумно контролироваться»]. URL: <http://www.china-nea.cn/html/2011-01/17278.html> (дата обращения: 16.03.2017).
3. 2016 нянь шиэду шуйдянь ханье юйшии цзуншу: [Обзор общественного мнения по отношению к гидроэнергетической отрасли в первом квартале 2016 г.]. URL: http://www.cnenergy.org/dl/sd/201605/t20160505_295296.html (дата обращения: 16.03.2017).
4. Лю Шукунь, родился в апреле 1940 г. в уезде Синьтай, провинции Шаньдун. Профессор Академии ирригации и гидроэнергетики Китая, главный инженер НИИ гидромеханики Академии ирригации и гидроэнергетики Китая, главный инженер Центра изучения окружающей среды и природных бедствий, инженер высшего класса. Занимает одновременно должности управляющего делами Научного водохозяйственного сообщества Китая, заместителя директора Ассоциации по исследованию водной среды Китая, председателя Географического ученого сообщества — отделения Янцзы. Имеет звания профессора в нескольких университетах Китая. См.: URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%88%98%E6%A0%91%E5%9D%A4> (дата обращения: 16.03.2017).
5. Гуйчжоу цзиньчи цзай чишуйхэ ганьлю юй чжьюа чжилю гао шуйдянь кайфа: [Гуйчжоу запретила гидроэнергетическое освоение главного течения Красной реки и ее основных притоков]. URL: <http://www.022net.com/2011/7-30-494549402838960.html> (дата обращения: 11.03.2017).
6. Чжэцзян шэн лицу фачжань шэнтай сяо шуйдянь : [Чжэцзян прикладывает силы для развития «экологических» малых ГЭС]. URL: <http://www.hydropower.org.cn/showNewsDetail.asp?nsId=17913> (дата обращения: 16.03.2017).
7. Кэ цзай шэн нэньюань фачжань шиэр гуйхуа: [План на 12 пятилетку по развитию энергоресурсов]. URL: http://www.ce.cn/cysc/ny/zcjd/201302/01/t20130201_21331890.shtml (дата обращения: 16.03.2017).
8. Хэлю шуйдянь гуйхуа баогао цзи гуйчуа хуаньцзин инсян баогао шэньча цзяньсин баньфа: [Временные положения по рассмотрению докладов по гидроэнергетическому планированию на реках]. URL: <http://epmap.zjol.com.cn/system/2013/02/22/019165044.shtml> (дата обращения: 16.03.2017).
9. Нунцунь шуйдянь цзэнсяо куожон гайцзао хэлб шэнтай сюфу чжидао цзянь: [Руководство по переоборудованию сельских ГЭС в целях восстановления речных экосистем]. URL: http://d.g.wanfangdata.com.cn/Periodical_xsd201604002.aspx (дата обращения: 16.03.2017).
10. Во го минцюе мэюй шуйдянь гуйхуадэ хэлю будэ кайчжань лююй шуйдянь цзяньшэ: [Не имеющие плана гидроэнергетического освоения реки не должны развивать гидроэнергетическое строительство в рамках бассейна]. URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2016-03/24/c_1118434211.htm (дата обращения: 16.03.2017).
11. Цзяньсинь кесюэ фачжаньгуфнь чуансинь шуйлилилуи тиси: [Претворяя в жизнь концепцию научного развития, создать инновационную систему теорий о водном хозяйстве]. URL: http://www.chinawater.com.cn/ztgz/xwz/2008kxfzg/7/200811/t20081125_127267.html (дата обращения: 16.03.2017).
12. Чжуаньцзя: вэйлай вого ин сю шуйдяньчжань цзиньжу дичжэн гаофа ци: [Мнение специалиста: в будущем страна из-за строительства ГЭС может войти в период землетрясений]. URL: <http://www.nerciwr.com/?pa=23&newsid=1536> (дата обращения: 16.03.2017).
13. Синьцзян Алтай. Жэнь цзао хуншуй вэй гоци хэлю линьдай сяокэ: [Синьцзянский Алтай. Искусственной паводок поможет лесополосам на трансграничных реках утолить жажду]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-06/29/content_2709712.htm (дата обращения: 16.03.2017).

14. Чжунго шуйдянь кайфа цидай люэ: [Гидроэнергетическое освоение рек в Китае возлагает надежды на экологичность]. URL: <http://news.sciencenet.cn/htmlnews/2016/4/342210.shtml> (дата обращения: 16.03.2017).
15. Ван Вэйто. Мэйгунхэ шандэ чжэн шуй чжаньчжэн: [Война за воду на реке Меконг]. URL: https://commondatastorage.googleapis.com/letscorp_archive/archives/104839 (дата обращения: 19.03.2017).
16. До Мин Као. Энергетическая дипломатия Китая и ее влияние на регион и Вьетнам // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 96–105.
17. Там же.
18. Лузянин С.Г. Станет ли Азия «Большим Китаем». URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/183860/> (дата обращения: 19.03.2017).
19. Ней Мэнгу и шуйку ши нянь бу фаншуй. Шиди баоху цю чэн хуанмо: [Водоохранилище во Внутренней Монголии десять лет не спускало воду. Заповедник водноболотных угодьев превратился в пустыню]. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2015/06-24/7361435.shtml> (дата обращения: 16.03.2017).
20. Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№15/285/75/PDF/№1528575.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.04.2017).
21. Цзенэн цзяньпай чэнвэй Чжунго шуйдянь фачжаньды цзекоу?: [Экономия энергоресурсов и уменьшение выбросов стало предложением для развития гидроэнергетики Китая?]. URL: <http://5j.sinohydro.com/toppicinfo.aspx?Nid=7851&NodeID=128&ParentId=185> (дата обращения: 16.03.2017).
22. Чжунго сюньбу 2020 нянь даньвэй GDP тань цзяньпай 40–45%: [Китай объявил о снижении выбросов углеводородов на единицу ВВП на 40–45%]. URL: <http://news.qq.com/a/20091126/002470.htm> (дата обращения: 16.03.2017).

Государство и общество

Перспективы развития принципов меритократии в политической системе КНР

© 2017

А.А. Семенов

В последние годы китайское правительство предприняло попытку создать систему, основанную на принципе меритократии, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди. Меритократия в современном Китае рассматривается как альтернатива западной либеральной демократии с точки зрения эффективности государственного управления и предполагает наличие многочисленных формальных квалификационных критериев. Тем не менее реализация подобной системы таит в себе ряд сложностей. Главная опасность заключается в вероятности коррупции при отборе кандидатов и возможности фальсификации отчетности. Одним из решений сложившихся противоречий может стать адаптация некоторых элементов демократии к китайской системе.

Ключевые слова: Китай, политическая система, политический режим, политическая меритократия.

Процессы модернизации экономики и появление связанных с этим новых вызовов привели к тому, что политическая система КНР начала трансформироваться и адаптироваться к меняющимся внешним и внутренним условиям. В связи с этим вопрос политической реформы и будущего политической системы КНР становится все более актуальным.

По мнению некоторых исследователей, в последние десятилетия китайское правительство предприняло попытку создать систему, основанную на принципе меритократии¹, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка. Эта система предполагает создание начальных условий для одаренных и трудолюбивых людей, чтобы они в будущем имели шанс занять высокое общественное положение.

Термин «меритократия», то есть «власть достойных», был впервые употреблен немецко-американским философом Ханной Арендт в ее эссе «Кризис образования», написанном в 1954 г. и несколько лет спустя разработан британским политиком и социологом Майклом Янгом в его сатирическом труде «Подъем меритократии», в котором опи-

сывается футуристическое общество, где общественная позиция определяется коэффициентом интеллекта. Несмотря на то что термин возник на Западе, совершенствование политической системы через реализацию принципов меритократии хорошо соответствует китайской политической культуре, а сама концепция веками существовала в рамках конфуцианской философии и берет свое начало, по крайней мере, с VI века до н.э.

Считается, что Китай создал не только первую бюрократию, но и первую в мире меритократию². Во времена династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) существовала система девяти рангов, согласно которой местные правители в теории должны были выбирать талантливых кандидатов на посты правительства и присваивать им одну из девяти степеней в зависимости от их способностей и умений (однако в реальности кандидатами, как правило, становились лишь богатые и влиятельные люди).

Тем не менее система проведения экзаменов и соответственно присваиваемых чинов постепенно совершенствовалась. Во времена династии Сун (960–1279 гг.) широко использовалась система экзаменов «кэцзюй», с помощью которой на роль чиновников отбирались кандидаты, лучше других понимающие искусство, конфуцианство и административные проблемы. Система состояла из трех ступеней с дополнительными градациями внутри каждой, напоминающих современные степени подготовки выпускников высших учебных заведений (бакалавр, магистр, кандидат наук). «Кэцзюй» обеспечивала местным элитам доступ в государственный бюрократический аппарат. По мнению ряда исследователей, благодаря «кэцзюй» Китай был близок к реализации меритократической модели управления государством³.

Система государственных экзаменов с перебоями просуществовала более тысячи лет: с момента учреждения в 605 г. в период династии Суй (581–618 гг.) вплоть до заката династии Цин в XX веке (1636–1912 гг.) Таким образом, в течение более чем тысячи лет отбор на государственную службу в императорском Китае производился по результатам государственных экзаменов, доступ к которым был открыт мужчинам практически любого происхождения. По мнению ряда ученых, эта система была неотъемлемой частью существования сильной централизованной империи и представляла собой центральный элемент в культурной истории Китая вплоть до ее отмены в 1905 г.⁴

«Кэцзюй» вполне сравнима с современной китайской системой выдвижения на государственную службу и повышения в должности с помощью экзаменов и аттестаций, а также системой выдвижения и поощрения чиновника, основанной на оценке экономических показателей его региона.

В 1980-х годах в Китае был поставлен вопрос о законодательном регулировании системы государственной службы. Это было важной составляющей административной реформы в КНР. Дэн Сяопин обрисовал новые принципы государственной службы, выделив такие моменты, как набор служащих по результатам экзаменов, четкое определение критериев назначения на должность и смещения с должности, периодические аттестации, отвод от должности, ротация кадров и т.д. Министерству кадров КНР было поручено разработать новый способ организации государственной службы⁵.

В 1987 г. на XII съезде КПК впервые была выдвинута задача создания системы государственной службы. Был подготовлен первый вариант проекта Временного положения о государственных служащих, после чего началась апробация проекта в некоторых центральных и местных органах. Уже на следующий год более 1 млн человек приняли участие в экзаменах на штатные должности в правительственных органах различных ступеней.

В 1993 г. вступило в силу Временное положение о государственных служащих, которое установило их ранжированную иерархию. Ранги были увязаны с должностями,

подразделявшимися на руководящие и не руководящие. Экзаменационная система набора госслужащих не распространяется на руководящие должности, порядок замещения которых регулируется партийными документами: с 1999 г. — Временным положением о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников, с 2002 г. — аналогичным документом постоянного характера⁶.

1 января 2006 г. Временное положение было заменено Законом КНР о государственных служащих. Данный закон сформировал новую систему отбора кадров. Главным ее отличием от существовавшей ранее является переход от всеобщего централизованного распределения кадров к зачислению граждан в штаты административных органов путем экзаменационного отбора⁷.

Претенденты на должность сдают устные и письменные экзамены, по результатам которых проводится зачисление. Вновь принятые на работу госслужащие должны выдержать годичный испытательный срок. При необходимости госслужащие могут работать и вне своего учреждения, по совместительству, но за такую работу они не получают вознаграждения.

Отбор путем сдачи экзамена — главный путь для поступления на государственную службу. Согласно закону о государственной службе, прием на работу рядовых государственных служащих предусматривает принципы открытого экзамена, строгой проверки, справедливой конкуренции и отбора лучших. Данный процесс включает в себя публикацию объявления в СМИ о наличии вакантных мест, тест, интервью, проверку данных, медицинский осмотр, занесение в список, испытательный период и другие этапы. Считается, что такой способ отбора дает выходцам из разных слоев общества шанс поступить на государственную службу и участвовать в государственном управлении путем справедливой конкуренции⁸.

Проверка работы государственных служащих осуществляется путем аттестации. При этом вместе с проверкой практических результатов работы учитываются моральные качества, способности, прилежание, честность и неподкупность госслужащих. Как правило, к аттестации служащий готовит отчет, затем руководящий работник или аттестационная комиссия заслушивает мнение коллектива или населения. После этого руководитель учреждения или аттестационная комиссия оценивают работу аттестуемого по 4-балльной шкале: отлично, соответствует должности, соответствует должности в основном или не соответствует⁹.

Можно выделить две группы критериев повышения по службе: продвижение по заслугам или профессиональным качествам (меритократические критерии) и продвижение благодаря преданности руководству (критерии лояльности). В целях увеличения роли меритократических критериев продвижения по служебной лестнице для китайских госслужащих используются итоги их годичной аттестации, таким способом, в определенной мере, исключая зависимость продвижения по карьерной лестнице от отношений с непосредственным начальником.

Повышение в должности предусматривает определенные условия и процедуры, которые обычно осуществляются в следующем порядке: публичное выдвижение кандидатуры, проверка организационных органов, коллективное обсуждение и решение, вступление в должность. Кроме того, повышение в должности также является внутренним конкурентным отбором или выдвижением на общие выборы.

Таким образом, повышение ранга служащих в Китае производится на основе специального теста для кандидатов на повышение и с учетом соответствия требованиям должности. Встречается несколько видов ротации кадров: перевод на иные должности, перемещение с сохранением должности, «назначение на замену должностей и откоман-

дирование для закалки» (в последнем случае имеется в виду временный перевод в низшую по статусу организацию)¹⁰.

Аттестационная система действует в масштабах всей страны и является официальной оценкой кадров в процессе назначения и повышения кадров. Аттестация проводится главным образом организационными органами КПК и орготделами того ведомства, в котором числится аттестуемое лицо. Аттестация может проводиться как публично, так и тайно.

Главным комплексным центром подготовки кадров госслужбы в КНР является Государственная административная академия, созданная по указу Госсовета в октябре 1993 г. Специалисты академии разрабатывают методическую литературу, а также проводят обучение госслужащих, но только высшего и среднего звена. На провинциальном уровне также действуют административные институты (академии), в которых проходят обучение служащего среднего и нижнего звеньев. Кроме академии и институтов, обучение и подготовка госслужащих может проходить в партийных школах, на базе институтов управления кадрами, а также, с разрешения академии, в общеобразовательных высших учебных заведениях. В механизм подготовки кадров включены занятия и практика. Занятия делятся на 4 группы: для начинающих специалистов, для работников, занимающих руководящие должности, для особых специалистов и для всех государственных служащих, повышающих квалификацию.

Экзамены на замещение государственных должностей проводятся в КНР с 15 по 24 октября.

Важно отметить, что на экзаменах по замещению должностей на государственной службе в Китае списывание приравнивается к уголовному преступлению и может быть наказано тюремным сроком. По закону, списывающие на экзаменах могут быть приговорены к тюремному заключению сроком до трех лет, административному наказанию либо штрафу. В серьезных случаях нарушители могут получить от трех до семи лет тюрьмы¹¹.

От кандидатов на руководящие должности требуются определенный стаж работы на нижестоящих должностях, высшее или специальное образование, обязательная переподготовка в кадровых учебных заведениях (партийных школах, административных академиях и институтах и т. п.) Кроме того, для назначения или избрания на руководящие должности установлена многоступенчатая система рекомендаций, в которой большое значение придается политическим критериям. Требования несколько снижены для чиновников отдаленных внутренних районов, где условия по образованию, опыту работы и возрасту не столь суровы.

Нормативная база, регулирующая прохождение государственной службы в КНР, создала лучшие условия для использования персонала, комплектования штатов госучреждений, более полного выявления личных способностей людей в интересах дела. До недавнего времени она состояла из актов временного характера, которые в дальнейшем заменялись более совершенными, что свидетельствует о серьезном подходе нынешнего китайского руководства к проблеме модернизации государственного аппарата страны.

Сейчас ученые начинают изучать феномен китайской меритократии и перспективы ее имплементации. Канадский политолог, профессор Университета Цинхуа (Пекин) Дэниэл А. Белл назвал систему, которую стремится внедрить современный Китай, «вертикальной демократической меритократией»¹².

По его мнению, в современном Китае меритократия рассматривается как альтернатива западной либеральной демократии с точки зрения эффективности государственного управления (результативность, прозрачность, подотчетность)¹³ и предполагает

наличие многочисленных формальных квалификационных критериев, конкурсный отбор, фиксированный срок полномочий чиновников, карьерное продвижение по результатам работы и т.д.

Идея заключается в том, что демократия хорошо работает на низших уровнях управления. Но, по его мнению, в огромной стране, имеющей политическую вертикаль власти, чем выше уровень, тем сложнее становятся вопросы, а цена ошибки — все более высокой, поэтому существует необходимость институционализации системы отбора и продвижения лидеров с высокими профессиональными качествами.

В современном Китае региональные партийные лидеры имеют больше шансов получить повышение, если их регион показывает более высокие темпы экономического роста.

Исследования, проведенные в Китае, показывают, что карьерное продвижение региональных чиновников во многом зависит от поддержания высоких темпов экономического роста во вверенном ему регионе, привлечения в регион частных и иностранных инвестиций и т.д.¹⁴

Профессор Китайского университета в Гонконге Джозеф Фан в своем исследовании проследил взаимосвязи между карьерным продвижением китайских чиновников и ростом экономических показателей в возглавляемых ими регионах¹⁵. С помощью экономико-статистического анализа было выявлено, что скорость движения вверх по лестнице партийных работников в значительной степени зависит от таких показателей, как рост валового регионального продукта и динамика инвестирования частным сектором и компаниями с иностранным участием. Причем высокие темпы экономического роста успешных провинций характерны как в период, предшествовавший карьерному скачку отдельного чиновника, так и после его перемещения в столицу. Таким образом, подобная система действительно похожа на меритократию.

Однако несмотря на то что идеи меритократии становятся все более популярными, реализация подобной системы таит в себе ряд сложностей.

Во-первых, не существует очевидных универсальных критериев определения способностей, по которой следовало бы отбирать руководителей¹⁶. Личностные качества трудно измерить, а их измеримые составляющие не служат гарантией успеха на новой работе. Это же касается и достижений прошлых лет. Именно поэтому системы, построенные исключительно на меритократии, подвергаются критике.

Но даже если будет создана действительно работоспособная система, в условиях отсутствия независимых судов и СМИ и недостатков в реализации принципа верховенства права меритократия может обратиться в свою противоположность.

Опасность заключается в вероятности коррупции в процессе отбора кандидатов и возможности фальсификации отчетности.

Исследования американского Национального бюро экономических исследований (The National Bureau of Economic Research, далее NBER), которые коснулись таких показателей, как демография и уровень безработицы в КНР, предупреждают об угрозах фальсификации статистики для улучшения отчетности чиновников.

Исследователи NBER, изучая вопрос безработицы в КНР, пришли к выводу, что реальный уровень безработицы в Китае намного выше, чем по официальной статистике¹⁷.

По их мнению, официальный уровень безработицы в КНР выглядит неправдоподобно и стоит особняком среди стран с аналогичным уровнем развития.

Авторы отмечают, что показатели безработицы в стране оставались необычайно стабильными на протяжении длительного периода, вместившего в себя реструктуриза-

цию государственных предприятий, миграцию сельского населения, вступление Китая в ВТО и расширение выпуска студентов вузов.

С 2002 г. уровень официальной безработицы среди городского населения находился в интервале от 4 до 4,3%. Исследователи оценивают фактический уровень безработицы в 2002–2009 гг. почти в 11%.

В другом исследовании экономисты NBER использовали данные по рождаемости¹⁸. Целью исследования была оценка результатов деятельности местных властей в проведении демографической политики «одна семья — один ребенок», которая была официально отменена 1 января 2016 г.¹⁹ Китай был вынужден законодательно ограничить размер семьи в 1970-х годах, когда стало понятно, что огромное количество людей перегружает земельные, водные и энергетические ресурсы страны.

Поскольку кроме информации, предоставляемой муниципальными чиновниками, существуют данные общенациональных переписей населения, этот параметр был сочтен более надежным по сравнению с показателями экономического роста.

Были проанализированы данные за 1985–2000 гг., предоставленные 697 мэрами в 211 округах и 28 провинциях Китая.

Планируемый уровень рождаемости, установленный правительством, составлял 10,6 рождений на 1000 жителей. 80% руководителей рапортовали о том, что в их зоне ответственности рождаемость была ниже планки — 7,7 рождения. Однако, по данным переписей, средняя рождаемость была на уровне 8,3.

Результаты анализа подтвердили предположение экономистов: чиновники, которые занижали цифры по росту населения, были вознаграждены. Согласно NBER, занижение уровня рождаемости на 1 ребенка на 1000 жителей повышало шансы мэра получить продвижение по службе на 10%.

Однако если рассматривать данные переписей населения, а не отчеты местных властей, то можно сделать вывод, что опережение плана по уровню рождаемости на вверенной территории переставало способствовать продвижению по службе: мэры, которых повышали, статистически справлялись с планом по ограничению прироста населения не лучше и не хуже всех остальных.

В итоге, согласно заключению экономистов, продвижение по службе действительно было частью меритократической системы — повышали тех, чьи результаты были лучше. Однако происхождение этих результатов оставляет много вопросов и вряд ли может служить подтверждением успешности меритократии в Китае.

В условиях замедления экономического роста²⁰ перед Китаем возникают риски обострения текущих и потенциальных проблем и дестабилизации общественно-политической системы. Инвесторы стали с пессимизмом смотреть на будущее китайской экономики, а многочисленные методы стимулирования экономического роста, принятые правительством, оказались неэффективными²¹. В новых условиях невозможно продолжать успешно пользоваться старыми принципами, ввиду чего растет необходимость дальнейшего экономического и политического реформирования²².

Основной проблемой здесь является несовпадение экономического и политического развития, вызывающее противоречие между необходимостью гибкого децентрализованного управления и политической системой, основанной на диаметрально противоположных принципах.

Идея развития меритократических принципов в политической системе КНР выглядит перспективно, но сталкивается с многочисленными сложностями.

На наш взгляд, одним из решений для успешной реализации принципов меритократии, помимо очевидной борьбы с коррупцией, может стать адаптация некоторых эле-

ментов демократии к китайской системе, так же, как ранее к китайской системе были успешно адаптированы некоторые элементы капитализма, такие, как частная собственность и свободные рыночные отношения.

Зачатки таких процессов уже развиваются в Китае, например, в виде специфических механизмов обратной связи между государством и обществом через социальные организации, ходатайства, жалобы, местные демонстрации и т.д. Возникшие последнее десятилетие более эффективные механизмы артикуляции общественных интересов в КНР привели к повышению уровня отзывчивости политического режима на нужды населения в условиях ограниченной процессуальной демократии. Концепция «отзывчивости политического режима», черты которой наблюдаются в политике современного Китая, позволяет уйти от дихотомии: демократия/не демократия²³.

По мнению автора, элементы демократической системы действительно показывают свою высокую эффективность на низших уровнях управления, в том числе в вопросах поддержания социальной стабильности. Китай большой, но он тоже состоит из маленьких сообществ: провинция, округ, уезд, волость и деревня. Как известно, в Китае с 1980-х годов проводятся выборы на сельском уровне, и исследования этих местных выборов показывают, что там, где проводятся выборы, власти больше озабочены проблемами граждан, а уровень коррупции ниже²⁴. Это говорит о перспективности постепенного внедрения в Китае выборных методов на низших уровнях власти и возможности их дальнейшего распространения на более высокие уровни.

Создание возможностей для граждан оказывать влияние на принятие решений на местах может существенно снизить риски социальной дестабилизации и повысить уровень отзывчивости политической системы к нуждам населения.

Таким образом, система, сочетающая элементы демократии на низовом уровне и меритократии на высшем, могла бы стать частью будущей политической реформы Китая.

1. *Bell D.A.* The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. Princeton University Press, 2015.
2. *Tan C., Geng Y.* India and China: twenty centuries of civilization interaction and vibrations. University of Michigan Press, 2005. P. 128.
3. *McClellan J.E., Dorn H.* Science and Technology in World History. 2nd Ed. Johns Hopkins University Press, 2006.
4. *Elman B.A.* A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China. University of California Press, 2000.
5. *Гудошников Л.М.* Метаморфозы государственной службы в Китае // Отечественные записки. 2008. № 3 (42). URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/metamorfozy-gosudarstvennoy-sluzhby-v-kitae>
6. Там же.
7. *Xiao J.* Сравнительный анализ системы государственной службы Китая и России // Власть. 2014. № 8. С. 174–179.
8. Система государственных служащих Китая / Центр оценки эффективности деятельности государственных органов Республики Казахстан. 22.12.2014. URL: <http://www.bagalau.kz/ru/evaluation-system/world/i4182>
9. *Гудошников Л.М.* Указ. соч.
10. *Лазукова Е.А.* Нам и карьера государственных служащих // Власть. 2013. № 5. С. 181–185.
11. За списывание на экзаменах в Китае можно получить от трех до семи лет // ТАСС. 23.10.2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2372762>
12. *Bell D.A.* Указ. соч.
13. *Bell D.A., Garton Ash T., Nathan A.J., Zhang T.* Is the China Model Better Than Democracy? Meritocracy could avoid the pitfalls of American-style politics — at least in theory // Foreign Policy.

- 19.10.2015. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/10/19/china-democracy-theory-communist-party-politics-model>
14. *Li H., Zhou L.* Political turnover and economic performance: the incentive role of personnel control in China // *Journal of Public Economics*. 2005. Vol. 89. No. 9–10. P. 1743–1762. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0047272704001355>
 15. *Fan J. P.H., Huang J., Morck R., Yeung B.* The Visible Hand Behind China's Growth. Paper prepared for the Joint NBER-CUHK Conference on Capitalizing China. December 2009.
 16. *Arrow K., Bowles S., Durlauf S.* Meritocracy and Economic Inequality. Princeton University Press, 1999.
 17. *Feng S., Hu Y., Moffitt R.* Long Run Trends in Unemployment and Labor Force Participation in China // NBER Working Paper. 2015. No. 21460. URL: <http://www.nber.org/papers/w21460.pdf>
 18. *Serrato J.C.S., Wang X., Zhang S.* The One Child Policy and Promotion of Mayors in China // NBER Working Paper. 2016. No. 21963. URL: <http://www.nber.org/papers/w21963.pdf>
 19. Top legislature amends law to allow all couples to have two children // *Xinhuanet*. 27.12.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-12/27/c_134955448.htm
 20. Темпы роста экономики Китая оказались худшими за 25 лет // *Газета.ру*. 19.01.2016. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/01/19/8029601.shtml>
 21. *Zhu G., Qi L.* China Slows as Stimulus Impact Wanes. China's economy remains in a downtrend as investments and industrial production slow // *The Wall Street Journal*. 12.08.2016. URL: <http://www.wsj.com/articles/china-slows-as-stimulus-impact-wanes-1470978318>
 22. *Semenov A.A.* Development of Democratic Processes in the People's Republic of China: Prospects of Transformation of the Political Regime // *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: An International Journal*. 2016. Vol. 2, No. 1. P. 351–391.
 23. *Коралев А.Н.* Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 2. С. 90–107.
 24. *Martinez-Bravo M., Padro i Miquel G., Qian N., Yao Y.* Do Local Elections in Non-Democracies Increase Accountability? Evidence from Rural China // NBER Working Paper. 2011. No. 16948. URL: <http://www.nber.org/papers/w16948.pdf>

История

Профессор Ши Луго, Юньнаньская экспедиция и некоторые вопросы становления антропологии в Китае (к 130-летию С.М. Широкогорова)

© 2017

А.М. Кузнецов

В статье рассматриваются некоторые вопросы участия С.М. Широкогорова (Ши Луго) в развитии антропологии Китая. Переоцениваются в ней также итоги Юньнаньской экспедиции 1928 г. На основании новых материалов установлено влияние ненаучных обстоятельств в «деле Широкогорова» и оценках его деятельности. Сделан вывод, согласно которому основные научные работы С.М. Широкогорова, подготовленные в Китае, не утратили своего значения и в настоящее время.

Ключевые слова: Китай, Юньнаньская экспедиция, С.М. Широкогоров, антропология.

В силу специфики социально-гуманитарного знания процесс формирования новых его отраслей в Китае 1920-х годов неизбежно порождал острые дискуссии, в том числе о соотношении собственных традиционных и привносимых западных начал. Не менее актуальным в этих условиях становился вопрос о пределах целесообразности в привлечении зарубежных ученых. Градус таких дискуссий поддерживался как осознанием масштабности стоявших задач, так и энтузиазмом реализовывавших их первопроходцев. Характерные на тот момент настроения наглядно демонстрирует, например, программная статья по поводу создания в январе 1928 г. Научно-исследовательского института языка и истории в Университете им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу (открыт в 1924 г.) «Нам нужно сокрушить всех идолов научного мира, избавиться от всех существующих в сфере науки предрассудков. Мы должны проводить полевые исследования, отыскивать и собирать материалы, идти в народ и изучать диалекты, находить остатки древней культуры и проводить раскопки, обращаться к самым разным обществам людей в поисках народного фольклора, строить науку нового типа!»¹. (Здесь и далее курсив мой. — А.К.)

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru.

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю признательность старшему научному сотруднику Отдела Китая Института востоковедения РАН В.Ц. Галовачеву и профессору Университета им. Сунь Ятсена Сяо Цзиньюй за помощь при подготовке этой статьи. — А.К.



С.М. Широкогоров
1887-1939

При некотором максимализме приведенной цитаты, следует отметить, что намеченные планы были вполне реальными. Начало 1920-х годов явилось знаменательным моментом в мировой антропологии. Именно тогда Б. Малиновским, Ф. Боасом, А. Редклиф-Брауном были заложены ее современные начала, во многом связанные с практикой длительных полевых исследований. Вполне в духе того времени один из основоположников антропологии и социологии Китая Фэй Сяотун отмечал: «Суть полевых археологических и антропологических работ заключается в том, чтобы, забыв свои знания, почерпнутые из книг, выйти из кабинетов и библиотек и погрузиться в исследования на местах, испытать все на своем личном опыте. Это позволяет ощутить “свою причастность к знанию”, воспроизвести живой образ культуры людей, являющихся объектами исследования»². Казалось, что для вновь формируемых в стране этих научных дисциплин появился шанс сразу сориентироваться на передовые позиции в науке и быстро пройти этап освоения зарубежного опыта. Но в таком случае становится непо-

нятной неприятная история с Юньнаньской экспедицией 1928 г. и той ситуацией, которая сложилась при обсуждении ее результатов. Это был первый в стране опыт проведения полевых антрополого-этнографических исследований в провинции Юньнань, инициированных Университетом им. Сунь Ятсена. Поэтому идея экспедиции получила уже на стадии подготовки большой резонанс в научной среде и прессе Кантона (Гуанчжоу).

После завершения экспедиции стали тиражироваться очень негативные оценки ее значения, например, «полевые работы, не оправдавшие надежд». В лучшем случае, высказывались такие мнения: «Юньнаньская экспедиция на уровне теории уже вышла за тесные рамки традиции, но на практике она была связана оковами старых научных представлений»³. Немаловажную роль в последующей критике сыграло также то обстоятельство, что руководство экспедицией было поручено известному российскому ученому С.М. Широкогорову, который с октября 1922 г. оказался в вынужденной эмиграции. Известность Широкогорову принесли статьи и книги, которые были опубликованы уже в Китае. Причем, если первая его монография «Этнос...» вышла в свет в Шанхае еще на русском языке⁴, то последующие публикации, в том числе «Социальная организация маньчжур» и «Социальная организация северных тунгусов»⁵ были выпущены уже на английском. Работы исследователя были также переведены на немецкий и французский языки. Международное признание, очевидно, определило приглашение российского ученого в Университет им. Сунь Ятсена и назначение его на должность руководителя Юньнаньской экспедиции.

Сразу следует отметить, что вокруг личности С.М. Широкогорова по причине его статуса иммигранта сложилось немало стереотипов и предрассудков. Доверился им, к сожалению, и такой известный специалист, как М.В. Крюков, которому принадлежит заслуга введения в научный оборот важных документов по Юньнаньской экспедиции. По-видимому, под влиянием некоторых из опубликованных им документов был сделан вывод: «...всемирно известный ученый отличался фатальным неумением ладить с людьми, а его “аристократические замашки” неизменно вызывали резко негативную реакцию окружающих. Поэтому, кстати говоря, за годы пребывания в Китае Сергей Михайлович, как правило, *подолгу не задерживался ни в одном научном учреждении*, где ему доводилось работать. Кажется, только директор Института истории и филологии АН Китая Фу

Сыняль, чрезвычайно высоко ценивший Широкогорова как специалиста, просал ему экстравагантность поведения и каждый раз *после очередного увольнении* помогал устроиться на новом месте»⁶. Справедливости ради надо признать, что только в XXI веке мы получили возможность более реально судить о личности и делах С.М. Широкогорова. Да и как могло быть иначе, если у себя на Родине он был включен в «Список лиц, причастных контрреволюционной деятельности на Дальнем Востоке в 1918–1921 гг.» под № 150⁷. Основанием такого «оргвывода» послужил факт, что ученый, работая в Государственном дальневосточном университете во Владивостоке, часто не получал жалование. Поэтому он был вынужден подрабатывать секретарем Народного собрания — одной из структур очередного правительства периода Гражданской войны.

До последнего времени наименее известным как раз оставался китайский период жизни и деятельности российского исследователя. Сейчас мы уже имеем ряд публикаций, вышедших в Китае и других странах, посвященных вкладу С.М. Широкогорова в развитие науки Китая, в том числе важные работы его ученика Фэй Сяотуна и статьи Лю Сяюня (Университет им. Сунь Ятсена, затем Юйлинский педагогический институт Гуанси-Чжуанского автономного района). Взяв за основу эти материалы, а также данные М.В. Крюкова и А.М. Решетова, попытаемся восстановить, насколько возможно, конкретные обстоятельства Юньнаньской экспедиции, а уже затем обратимся к ее оценкам.

Итак, эта история начинается с того, что сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Петрограде С.М. Широкогоров 24 октября 1917 г. (по ст. стилю) вместе с женой и верной сподвижницей Елизаветой Николаевной выехали в новую экспедиционную поездку на Дальний Восток. Экспедиция планировалась на несколько лет и должна была продолжить исследования, проведенные в 1915–1917 гг. Широкогоровы начали свою работу с Китая, но из-за начавшейся на Родине Гражданской войны, не получая необходимые средства из Петрограда, были вынуждены в июне 1918 г. вернуться в Россию, в доступный тогда для них Владивосток. Здесь Сергей Михайлович приступил к обработке своих полевых материалов, участвовал в создании частного Историко-филологического факультета, а потом стал председателем Комитета по открытию Государственного дальневосточного университета. В сентябре 1922 г. Университет командировал своего приват-доцента Широкогорова в Китай, где планировалась публикация его трудов. После установления во Владивостоке 25 октября 1922 г. советской власти С.М. Широкогоров, находившийся в это время в Китае, был уволен из Университета как не вышедший на работу. Так он остался за границей, работал в научных и учебных заведениях на юге Китая, где стал известен как профессор Ши Луго. В Научно-исследовательском институте национальных наук Сямэньского университета он обеспечивал изучение этнических групп и антропометрические исследования детей провинции Фуцзянь⁸, а также работал над созданием сравнительного словаря тунгусского языка⁹. Известно, что директор Института, известный ученый Го Синьлан очень ценил Широкогорова, но в феврале 1927 г. это подразделение было расформировано. Вскоре Сергей Михайлович получил приглашение на должность профессора антропологии в Университет им. Сунь Ятсена в Кантоне, где создавались факультеты и институты антропологического и этнологического профиля. Одновременно он также был зачислен сотрудником НИИ истории и филологии тогда еще Университета¹⁰.

Готовясь приступить к новым обязанностям, С.М. Широкогоров 6 апреля 1928 г. составил для руководства Университета Программу этнологических исследований, которая предусматривала проведение экспедиции в Юньнани. Основная часть этой программы (6 пунктов) была отведена физико-антропологическим исследованиям. Только один, 4-й, пункт касался этнографического, антропологического и лингвистического исследования *некитайских групп*, в том числе *aborигенов Юньнани и Гуйчжоу*¹¹. Опираясь на свой опыт, С.М. Широкогоров предупреждал: «Ассистенты должны иметь этнологическую и антропологическую подготовку, не говоря уже о тех, кто

готовит себя к полевой лингвистической и этнографической работе. Задачу их обучения я могу взять на себя при условии, что *они будут согласны целиком посвятить себя научной работе. Неудачи неизбежны, но они не должны быть обескураживающими*¹². Поскольку необходимую подготовку уже имела Е.Н. Широкогорова, то оговаривалось также условие привлечения ее к исследованиям.

12 апреля 1928 г. ректором Университета им. Сунь Ятсена Дай Цзитао был подписан контракт на 2 года с профессором Ши. Пункт 3 документа предусматривал: «Научная работа проф. Ши в Университете заключается прежде всего в *антропологических и расоведческих исследованиях населения Южного Китая* (преимущественно бассейн р. Чжуцзян и острова Южно-Китайского моря». После решения всех организационных вопросов в мае-июне 1928 г. С.М. Широкогоров провел антропометрические замеры 2212 школьников в г. Гуанчжоу для того, чтобы изучить физическое развитие южных китайцев¹³.

Комитет по делам Института языка и истории 11 июня принял Постановление о проведении изучения народа яо, проживающего в Гуанси-Чжуанском автономном районе. Предполагалось, что первыми в места проживания яо поедут С.М. Широкогоров и сотрудник Института Ян Чэнчжи, которым поручалось провести предварительные переговоры для дальнейшего проведения исследований на местах¹⁴. В свою очередь, российский ученый представил 12 июня Докладную записку о необходимости проведения этнологической экспедиции в Юньнань. Планировалось, что работы здесь будут продолжаться 3 месяца и «основное внимание будет уделено этнографическому и лингвистическому изучению лоло и *антропологическому обследованию китайцев, как взрослых, так и детей*. Предполагалось также, что «проф. Широкогоров и его ассистент г-жа Широкогорова в случае, *если это будет необходимо*, будут работать по двум направлениям, а именно *одновременно среди лоло и китайцев*»¹⁵. После этого первоначальный план был изменен в пользу экспедиции в Юньнань под руководством Сергея Михайловича. Но, как это часто бывает, реальность внесла свои коррективы. Фу Сынянь, директор Института истории и языка, в своем письме от 24 июня 1928 г. уведомил об *отказе финансировать участие Е.Н. Широкогоровой*. Сотрудниками экспедиции были утверждены только Ян Чэнчжи и Жун Чжаоцзу, а Елизавета Николаевна должна была участвовать в ней на безвозмездной основе¹⁶.

Экспедиция отбыла из Кантона 12 июля 1928 г. в Ханой, откуда по железной дороге они должны были попасть к месту назначения в Юньнаньфу (современный Куньмин). Однако из-за начавшихся дождей, разрушивших полотно, движение на Юньнань было остановлено. По свидетельству С.М. Широкогорова и Жун Чжаоцзу, им пришлось задержаться в Ханое на 12 дней. Так еще в самом начале стало теряться регламентированное по срокам экспедиционное время. Фактически в Юньнаньфу экспедиция, напомним, планировавшаяся на 3 месяца, попала только в конце июля. Некоторое время ушло на обустройство и выяснение местных условий. Как оказалось, они были не самыми благоприятными, так как в провинции происходили беспорядки. Поэтому Широкогоров принял решение сосредоточиться на антропологической части задач экспедиции, проведя за это время обмеры более 2000 человек и готовя подборку фотографий различных антропологических типов¹⁷. Но это решение вызвало разлад с другими сотрудниками, стремящимися к чему-то «большему». Под предлогом необходимости возвращения в Университет для чтения лекций 22 августа, посчитав, что только обратный путь займет не менее месяца, уехал, не встретившись с руководителем экспедиции, Жун Чжаоцзу (впоследствии известный фольклорист). Между тем для него *из средств экспедиции* было уже специально закуплено оборудование и снаряжение, чтобы выполнить соответствующую часть работ. Когда появилась возможность охраны для перемещения по провинции, по прикидкам С.М. Широкогорова, только обратная дорога потребовала бы также около 40 дней. К этому расчету следует добавить уже

фактически прошедшие полтора месяца со времени начала экспедиции. Так что собственно для этнографических исследований у экспедиции явно не хватало времени. Полноценные результаты дают годовые экспедиции, а не недельные «наскоки». Тем не менее 31 августа Ян Чэнчжи — последний штатный сотрудник экспедиции — вместе с официальными лицами провинции и их охраной уехал из Юньнаньфу, чтобы заниматься этнографией лоло, а не антропометрической рутинной. В результате С.М. Широкогоров остался без помощника, а главное, переводчика, что существенно усложнило его дальнейшую работу и отношения с местными властями¹⁸.

Тем временем вернувшийся в Кантон Жун Чжаоцзу в своем письме Фу Сынаню от 19 сентября был вынужден признать свои более чем скромные результаты участия в экспедиции. «Фактически не было сделано ничего, за исключением встречи с несколькими лоло и беглого расспроса об их обычаях, а также записи языка лоло со слов одного гуйчжоусца. Зато удалось довольно дешево приобрести книги и эстампажи, которые обошлись в 500 гуандунских юаней». Но именно он первым «информировал» «о неблагоприятном поведении профессора Широкогорова в экспедиции», одновременно проговариваясь, что мало там с ним общался¹⁹. Он также назвал в качестве свидетелей других представителей Университета — заведующего учебной частью Чэнь Цзуннаня и профессора факультета филологии и истории (по другим данным — факультета психологии) Ван Цзинси. «Когда проф. Чэнь Цзуннань и Ван Цзинси приехали в Юньнань, они видели, как он с женой проводил время за игрой в карты с французами. По словам Чэнь Цзуннаня, эта супружеская пара зарекомендовала себя в Юньнани с наилучшей стороны. В том, что мне в этот раз пришлось вернуться почти ни с чем, есть и его вина»²⁰. Как известно, перекладывание хотя бы части своей вины на другого является эффективной линией защиты.

Затем в развитие темы «неблаговидного поведения» профессора Широкогорова 25 октября Чэнь Цзуннань и Ван Цзинси представили докладную на имя ректора Дай Цзитао и проректора Чжу Цзяхуа: «Нам известно, что в Юньнани указанный профессор проживал в европейском отеле. Со слов профессоров Университета Дунлу мы знаем, что проф. Широкогоров не выезжал для полевых исследований среди лоло, а укрывался от жары в провинциальном центре. Университет Дунлу обратился к нему с просьбой выступить с лекцией, но он на нее не явился. Правительство провинции Юньнань выделило ему солдат для сопровождения во время экспедиции, но он отказался ехать и ограничился тем, что обследовал учебные заведения в провинциальном центре. Это вызвало неудовольствие местного персонала. Когда [я. Чэнь] Цзуннань, пришел в его отель, оказалось, что он играет там в карты. Поэтому я не стал общаться с ним. Вышеизложенное мы видели собственными глазами и слышали от других»²¹.

Любопытно сопоставить этот текст с отрывком из письма того же Жун Чжаоцзу: «А Широкогоров и его супруга неплохо устроились: во-первых, потому что они могут скрыться от жары; во-вторых, потому что они измеряют детей... Когда мы прибыли в Юньнань, он намеревался отправиться в район Лунаньчжоу, расположенный неподалеку от провинциального центра. Но позднее, когда с председателем местного правительства была достигнута договоренность о поездке в Дунчуань, но отъезд был отложен, он решил, что больше никуда не поедет. После прибытия в Куньмин он заявил, что покрывает расходы за счет своих собственных денег. Я сравнительно мало контактировал с ним, но, по словам Ян Чэнчжи, он повел себя неправильно»²². Столь близкие совпадения позволяют утверждать, что именно первым вернувшийся в Университет сотрудник экспедиции стал основным источником информации для докладной против С.М. Широкогорова. Но и Жун Чжаоцзу, как мы могли убедиться, мало контактировал со своим руководителем. Он ссылаясь на слова другого ее участника, который действительно помогал Широкогорову в его антропометрических исследованиях. Представляет также интерес сообщение об отложенной поездке в контексте расчетов о 40 днях на обратный путь.

Я не могу из-за недостатка данных обсуждать финансовую сторону экспедиции, но мы знаем, что участие Елизаветы Николаевны в экспедиции, действительно, оплачивалось самим Сергеем Михайловичем. А это также выставлялось как его «неправильное поведение». Важная роль в формировании негативного облика начальника экспедиции явно была отведена эпизоду «игры в карты (покер) с французами». Из рассматриваемых текстов нельзя установить, кто им об этом сообщил, так как заявители, *узнав об этом*, не захотели общаться с Широкогоровым.

Сам же Сергей Михайлович в письме директору Фу Сынаню от 5 сентября, то есть после того, как был уже оставлен своими сотрудниками, отчитывался такими результатами: «... я продолжал свою работу, главным образом антропометрическую, в Юньнаньфу. Я уже измерил несколько различных групп населения, *более 1000 человек*, так что этот материал после завершения всей программы будет достаточен для определенных выводов. Помимо этого, я собрал хорошую коллекцию фотографий, главным образом, антропологических субъектов». Поступок своих сотрудников он объяснил совсем не в обличительном стиле: «Причиной тому была их психология — они надеялись на скорый отъезд, и это занимало все их мысли и всё время пребывания здесь... Отчасти это было связано с тем, что они разрекламировали свои планы в кантонских газетах еще до того, как познакомилась с местными условиями»²³.

О деятельности и планах самого Широкогорова можно также судить по его письму В.М. Алексееву от 30 сентября 1928 г.: «А в Юньнани я нахожусь уже более 2 месяцев на предмет антропологических (преимущественно среди китайцев) и этнографо-лингвистических (среди лоло преимущественно) исследований... После всех этих, иногда *экстраординарных усилий собран поистине колоссальный материал*. После окончания работы здесь вернусь в Кантон, приблизительно в ноябре, чтобы снова собирать материал и готовить его к печати. Это же возьмет много времени, т.к. и материал большой и писания много: выйдут второй том “Process”²⁴ и “Anthropology of Northern China”²⁵, оба в 2½ или в 3 раза больше, чем мои предыдущие соответствующие работы». Интересной деталью этого письма является также информация, что в это сложное время Сергею Михайловичу все же «оказывал помощь один молодой китаец»²⁶.

Но этим планам не суждено было реализоваться. Уже 30 октября С.М. Широкогоров, только что вернувшийся из экспедиции, получил уведомление: «Вы приглашаетесь на заседание комиссии, назначенной ректором Университета для рассмотрения обстоятельств Вашей недавней поездки в провинцию Юньнань»²⁷. Для Комиссии был подготовлен список из 12 вопросов начальнику Юньнаньской экспедиции. Их содержание показывает, что заинтересованная сторона хотела «уточнить» аргумент о недостаточности времени для выполнения всей программы исследований, ставя вопрос о некоей сокращенной Программе или *немедленном возвращении* в Университет. Кого-то также интересовало, «были ли антропометрические измерения в Юньнани предусмотрены заданием Университета?» Затем все подводилось к главному вопросу: «Если первая экспедиция не дала результатов, означает ли это, что он не в состоянии выполнять свои обязательства перед Университетом?» Отсюда логически готовился вывод: «Если он считает, что не может выполнять свои обязательства, не следует ли ему *подать заявление об уходе?*»²⁸. Так что определенное мнение в отношении Широкогорова было уже сформировано. Примечательно, что пока шло разбирательство, сам Сергей Михайлович продолжал в Кантоне свои антропометрические исследования, работая с солдатами местного гарнизона.

Дебаты по «делу Широкогорова» не дали желаемого результата. После обсуждений было решено принять компромиссное решение в отношении российского профессора: 27 ноября С.М. Широкогорову было предложено перейти из Университета в Академию наук. К этому времени бывшее подразделение Университета им. Сунь Ятсена стало Институтом истории и филологии Центральной национальной академии наук (ЦННА).

Официальное приглашение на работу в Институте он получил 1 июля 1929 г. После того, как срок действия контракта с этим Институтом закончился, Сергей Михайлович принял в сентябре 1930 г. предложение занять должность профессора в Университете Цинхуа. Там он стал преподавать антропологию, физическую антропологию и структуру первобытного общества вплоть до своего ухода из жизни 19 октября 1939 г. Там же у него появился аспирант Фэй Сяотун²⁹.

Таким образом, обращение к представленным документам и другим данным позволяет утверждать, что переходы С.М. Широкогорова в разные учебные и научные учреждения Китая прежде всего были обусловлены их реорганизациями, а не «особенностями его характера». В остальных случаях он дорабатывал до истечения срока своих контрактов. Понятно также, что ученый такого уровня не мог оставаться в Кантоне после полученных оценок результатов его экспедиции. Парадоксальность ситуации, сложившейся вокруг полевых исследований 1928 г. в Юньнани, заключается в том, что с самого начала это была инициатива Широкогорова. В своей Исследовательской программе для руководства Университета и Докладной записке по поводу экспедиции он подчеркивал в качестве своих основных задач проведение именно физико-антропологических работ. Имея, в отличие от своих молодых сотрудников, большой опыт этнографических экспедиций, учитывая обстановку в Юньнани и ограниченность времени, Сергей Михайлович решил сконцентрироваться на антропометрических исследованиях. Известно, насколько кропотливой является такая работа: только необходимые обмеры и фиксация данных по 2 тыс. человек (из расчета 15 мин. на одного человека) заняли бы 500 часов. При 8-часовом рабочем дне (а Широкогоров, по свидетельствам знавших его людей, обычно трудился по 18 часов³⁰) только эти обмеры и записи заняли бы более 60 дней. Помимо этого все еще надо было организовать, провести первичную обработку результатов, вести различные переговоры и т.д., и т.п. Так что игра в карты явно не могла быть основным занятием Широкогорова в Юньнаньфу.

Интересно, как смог хорошо отчитаться за свои весьма скромные результаты тот же Жун Чжаоцзу. Но он, толком не поучаствовав в работе экспедиции, взялся оценивать работу С.М. Широкогорова: «Впрочем, может быть это даже и к лучшему, что он не поехал. В Китае полевые исследования иностранцев всегда идут со скрипом, потому что они плохо знают обстановку»³¹. Вообще-то, по принятым нормам, какие-либо важные действия сотрудников, не согласованные с начальником экспедиции, являются серьезными нарушениями дисциплины с соответствующими последствиями. Другой «соратник» по экспедиции Ян Чэнчжи, предвосхищая современных постмодернистов, также был уверен: «Отстающему от других стран в области науки Китаю приходилось обращаться за помощью к иностранным профессорам, так уж повелось, что без этого не обойтись. Однако если от такого специалиста требуется изучить образ жизни местных народов, надеясь на то, что он сможет отдать все свои силы для того, чтобы совершить прорыв в китайской науке, то я немного сомневаюсь в исходе такого предприятия: вряд ли, наблюдая за жизнью и обычаями китайцев, иностранец сможет лучше разобраться в этом, чем сами китайцы, образ жизни иностранца, скорее всего, будет противоречить местным обычаям, иностранцы вряд ли настолько же мудры в вопросах упорного труда и терпения, как китайцы»³².

Положение С.М. Широкогорова как иммигранта не могло не сказаться на оценке результатов его экспедиции. Оно еще более усугублялось общественно-политическими реалиями Китая 1920-х — 1930-х годов. О них Сергей Михайлович сообщил в своем письме В.М. Алексею 26 августа 1930 г.: «Мои теории насчет смешанного характера китайцев в последнее время встречают сильную оппозицию в тех кругах, которые хотят видеть Китай «единым». Об этом мне говорили неоднократно и, так сказать, намекали, что по высшим соображениям мои теории не соответствуют духу времени. Посему мое внимание стараются оттянуть в сторону университетской деятельности!»³³. Могли ли

быть положительно оценены результаты физико-антропологических исследований российского ученого при таких условиях?

Лю Сяююн, основательно изучивший все обстоятельства, связанные с Юньнаньской экспедицией, смог обнаружить и другие, совсем мало научные причины ее негативной оценки. «Дело Широкогорова» в некоторой степени стало отражением разногласий между Фу Сынанем и Гу Цзеганом, главой Научно-исследовательского центра Университета им. Сунь Ятсена, возникших по поводу соотношения антропологии и фольклористики. Однако, по его мнению, основная причина здесь кроется в обычных бюрократических интригах. Дело в том, что Ван Цзинси — один из инициаторов «дела» по Юньнаньской экспедиции — был очень негативно настроен против Гу Цзегана, который одно время работал вместе с Широкогорovým в НИИ национальных наук Сямэньского университета. По данным Лю Сяююна, в свое время Гу Цзеган много сделал для того, чтобы на пост проректора университета был назначен Чжу Цзяхуа, не устраивавший Ван Цзинси³⁴. Дискредитация экспедиции, как и ее руководителя, наносила удар по престижу неудобных первых лиц Университета. Ну, можно ли упустить такой повод!

Однако «злым гением» во всей этой истории остается все же Ян Чэнчжи, со слов которого готовили свои разоблачения другие обвинители С.М. Широкогорова. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с другой мотивацией. Да, Ян Чэнчжи продолжал свои работы по исследованию лоло в течение 1 года и 8 месяцев. Но вскоре он, приложив немало усилий по отставке Широкогорова из Университета, пришел к пониманию: «Я еще слишком молод, мне не достает знаний, и хотя мы привезли из Юньнани множество материалов и записей, но каждый раз, собираясь написать книгу, системно обобщающую эти материалы, которая могла бы представлять собой научную ценность, я не могу найти в нашем университете хорошего наставника, который помог бы мне найти правильный подход к вопросу. Это помогло мне осознать тот факт, что собрать материалы легко, а систематизировать их непросто»³⁵. Поэтому Ян Чэнчжи решил «покинуть отсталый в культурном плане Китай, уехать за границу, иначе успеха не добиться». Между прочим, учился он в Парижском институте антропологии, как и С.М. Широкогорov³⁶. Вернувшись затем в Китай, он стал ведущим специалистом в Университете им. Сунь Ятсена, занимаясь той самой антропометрической («муравьиной») работой. Тем не менее, по ряду свидетельств, Ян Чэнчжи сохранял глубокую личную неприязнь к российскому ученому даже много лет спустя после Юньнаньской экспедиции: «Широкогорov пел одну и ту же песню еще более 29 лет до самой своей смерти в Пекине в 1954 г. и т.д.»³⁷ Напомним, что С.М. Широкогорov скончался в 1939 г., но это тоже было неважно, как и с фактами в 1928 г. По свидетельству Френсиса Л.К. Сюя (Сюй Ланьгуана): «Он (т.е. Ян Чэнчжи. — А.К.) рассказал мне, что Широкогорov был буквально одержим тунгусами и больше ничего не знал. Как преподаватель он был очень авторитарен и просто пугал. После лекции я подошел к нему, чтобы задать вопрос и обратился — не профессор или доктор, а просто — г-н Широкогорov. Широкогорov проигнорировал мой вопрос и спросил очень высокомерно: «Кто вам сказал, что вы можете называть меня г-н Широкогорov?»³⁸. Не отсюда ли идут слухи об «аристократических замашках» Сергея Михайловича, не отмечавшиеся хорошо знающими его современниками?

Таким образом, оценивая результаты и значение первой в Китае антрополого-этнографической Юньнаньской экспедиции, можно констатировать, что она является не «экспедицией, не оправдавшей надежд», а, скорее, «экспедицией, на которую возлагались неоправданно большие ожидания». Для самого Сергея Михайловича, вся жизнь которого стала, фактически, одной большой экспедицией, такой трехмесячный выезд не мог иметь «эпохального» значения. Полученные им реальные научные результаты в условиях того времени никого не интересовали, так как сделать из них («на костях и черепках», как сказали бы сегодня) хорошую пиар-акцию об экспедиции не получалось. Зато другие околонаучные обстоятельства: та же конкуренция между разными подразделениями Универси-

тета, оппозиция ряда лиц руководству Университета, стремление оправдать свое скромное участие и, наконец, личная неприязнь создали ту негативную атмосферу и по отношению к российскому руководителю, и к самой экспедиции, которую трудно преодолеть и сегодня. Показательной в данном отношении является очень сдержанная позиция А.М. Решетова: «С июля по октябрь 1928 г. С.М. Широкогоров во главе экспедиции находился в пров. Юньнань, где им при участии его учеников, молодых китайских ученых Ян Чэн Чжи, Жун Чжао Цзу и др., проведены значительные полевые этнографические и антропологические исследования среди разных групп китайцев, лоло (и) и других народов. Это были первые в истории китайской науки полевые этнографические исследования»³⁹. Только на рубеже веков китайские исследователи пришли к выводу: «Исследования физических данных китайцев, проводившиеся Широкогоровым, по сей день являются единственными в своем роде и не получили продолжения»⁴⁰. С большим запозданием, но все же была сделана и переоценка его полевых исследований: «Юньнаньская экспедиция является классическим для Китая примером проведения антропологического исследования, однако именно она наглядно продемонстрировала сложность поворотного процесса в китайской науке»⁴¹.

Конечно, вся эта история не прошла бесследно для Сергея Михайловича. Он так и не продолжил свои физико-антропологические исследования. По материалам экспедиции было опубликовано несколько статей, в том числе и по этнографии лоло⁴². В 1929 г., когда еще не завершилось «юньнаньское дело», он издал монографию «Социальная организация северных тунгусов...», не утратившую до настоящего времени своего значения⁴³. Потом была еще работа «Этнологические и лингвистические аспекты урало-алтайской гипотезы» (1931)⁴⁴. С декабря 1928 г. еще в Гуанчжоу он начал готовить свой фундаментальный «Психоментальный комплекс тунгусов», изданный уже в Пекине в 1935 г.⁴⁵, и все это не считая различных статей и других публикаций. Известно, что последние годы Сергей Михайлович посвятил главному делу своей жизни — работе «Введение в этнологию. Теория этноса». К сожалению, уже завершенная рукопись этого труда, как и весь научный архив, бесследно исчезли в 1943 г., после внезапной смерти Елизаветы Николаевны во время японской оккупации Пекина. Однако в то время, когда полевые исследования становились главным критерием научности, осмысление и публикация полученных таким образом результатов стали рассматриваться чуть ли не как «отход от науки». Между тем Сергей Михайлович был великим подвижником науки, а не наемным работником при ней. Но, проводя значительную часть времени за работой, он не был мастером досужего общения. Как вспоминал позднее Фэй Сяотун, во время учебы в Пекине Широкогоров воспринимался им как: «Одновременно строгий и даже пугающий. Был он также очень много знающим, так что я не мог понять все то, что он тогда мне говорил. Он знал все: антропологию, биологию, физическую антропологию, математику, лингвистику. Холистический подход был для него вполне естественным. Очень знающий и обладающий большим умом. Он был для меня недостижим, как энциклопедия...»⁴⁶.

Некоторые российские специалисты почему-то воспринимают С.М. Широкогорова как романтика. Реально же понять трагедию нашего выдающегося соотечественника смог все тот же Фэй Сяотун, описывая жизненные обстоятельства Сергея Михайловича, «...когда тот, молодой, подающий большие надежды ученый, с огромным опытом работы, был вынужден покинуть родину, скитаться, был лишен привычной среды общения и возможности публиковать результаты своих научных изысканий на родном языке». Фэй Сяотун упоминает о том, что Широкогоров и его жена находились под давлением КГБ (ОГПУ-НКВД. — А.К.) и жили в постоянном страхе»⁴⁷. Показательно, что уже на вершине собственных достижений профессор Фэй называл себя неблагодарным и не оправдавшим надежды своего учителя учеником⁴⁸.

Следует также учитывать, что после Синьхайской революции и дальнейших событий, а затем начавшейся войны с Японией в стране были не самые «тепличные» условия для научной работы. Тем не менее, талант и огромное трудолюбие позволили С.М. Широкогорову внести огромный личный вклад в развитие образования и науки Китая⁴⁹. Поэтому мы можем быть признательны этой стране и ее людям за то, что они все же позволили реализоваться выдающемуся ученому С.М. Широкогорову. Зарубежные специалисты тоже считают, что «... наиболее влиятельным в этнологических кругах европейцем был не один из таких кратковременных визитеров в 1930-х — 1940-х годах, но тот, кто выбрал Китай в качестве родного дома», то есть Широкогоров⁵⁰. Мы можем с полным правом говорить о вкладе в мировую науку замечательного российского исследователя. Все основные его работы были переизданы позднее в Западной Европе и США, а также переведены на китайский и японский языки. И в настоящее время С.М. Широкогоров и его работы являются очень авторитетными среди специалистов всего мира, занимающихся изучением коренного населения Сибири, шаманизма и других этнологических вопросов. Но мы еще должны усвоить наследие выдающегося ученого во всей полноте, освободившись от разного рода домыслов в его отношении.

1. Лю Сяююн. Дилемма между знанием и практикой: анализ «инцидента Широкогорова» // Академические исследования. 2007. № 4. С. 113 (на кит. яз.)
2. Там же. С. 112–113.
3. Там же. С. 114.
4. Широкогоров С.М. Этнос. Исследования основных принципов изменения этнических и этнографических явлений». Шанхай, 1923.
5. *Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Manchus.* Shanghai: Royal Asiatic Society (North China Branch), 1924; *Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus.* Shanghai: The Commercial Press, 1929.
6. Крюков М.В. С.М. Широкогоров и Юньнаньская экспедиция 1928 г. // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А.М. Решетова). СПб., 2007. С. 93–94. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/01/978-5-88431-142-8_11.pdf
7. Государственный архив Приморского края. Ф. 715. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.
8. Результаты были опубликованы в: *Anthropology of Eastern China and Kwangtung province* // Publications of North China Branch of the Royal Asiatic Society. Extra volume 4. 1925. 162 p.
9. *Shirokogoroff S.M. A Tungus dictionary.* Tungus-Russian and Russian-Tungus, photogravured from manuscript. Токуо: Minzokugaku Kyokai. 1944. 258 p.
10. Лю Сяююн. Дилемма между знанием и практикой... С. 113.
11. Крюков М.В. Указ. соч. С. 95.
12. Там же. С. 97.
13. Крюков М.В. Указ. соч. С. 98; Лю Сяююн. Влияние Широкогорова на становление антропологии в Китае // Журнал Южно-Центрального университета по гуманитарным и социальным наукам. 2007. Вып. 24. С. 73–79 (на кит. яз.)
14. Лю Сяююн. Дилемма между знанием и практикой... С. 113.
15. Крюков М.В. Указ.соч. С. 101.
16. Там же. С. 102.
17. Там же. С. 103–105.
18. Там же. С. 104.
19. Там же. С. 105.
20. Там же. С. 106.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же. С. 103–104.
24. Речь идет о работе С.М. Широкогорова *Process of physical growth among the Chinese.* Vol. 1. The Chinese of Chekiang and Kiangsu: measured by Dr. V. Appleton. Shanghai: The Commercial Press. 1925. 137 p.

25. Anthropology of Northern China. Royal Asiatic Society. Extra vol. 11. Shanghai. 1923. 118 p.
26. Широкогоров С.М. Письмо В.М. Алексееву 5 сентября 1928 г. // С.М. Широкогоров. Письма к В.М. Алексееву (1927–1932). М.: ГРВЛ, 2016. С. 49.
27. Крюков М.В. Указ.соч. С 107–108.
28. Там же. С. 108.
29. Там же. С. 109; Лю Сяюю. Дилемма между знанием и практикой... С. 116.
30. Крадин Н.П., Решетов А.М. О круге знакомств С.М. Широкогорова в Пекине: художник и скульптор Николай Лонгинович Кошевский // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 5–13.
31. Крюков М.В. Указ. соч. С. 106.
32. Лю Сяюю. Дилемма между знанием и практикой... С. 113.
33. Архив Санкт-Петербургского филиала РАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 880. Л. 32 об.
34. Лю Сяюю. Дилемма между знанием и практикой... С. 114–115.
35. Там же. С. 116.
36. Там же.
37. Guldin G. The Saga of Anthropology in China: from Malinowski to Moscow and Mao. New York; London: An East Gate Books: Armork. 1994. P. 45.
38. Ibid. P. 46.
39. Решетов А.М. С.М. Широкогоров: китайский период жизни и деятельности (1922–1939 гг.) // Зарубежная Россия 1917–1939. Кн. 2. СПб., 2003. С. 183–189.
40. Лю Сяюю. Влияние Широкогорова на становление антропологии в Китае. С. 76.
41. Лю Сяюю. Дилемма между знанием и практикой... С. 116.
42. Shirokogoroff S.M. Phonetic notes on a Lolo dialect and consonant // Bulletin of the National Research Institute of History and Philology. 1930. P. 183–225.
43. Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus...
44. Shirokogoroff S.M. Ethnological and linguistical aspects of the Uralo-Altai hypothesis. Peiping: The Commercial Press, 1931. 198 p.
45. Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 1935. 469 p.
46. Петрова Е.Д. Фэй Сяотун о С.М. Широкогорове. «После прочтения книги вспоминаю учителя» // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 124–129.
47. Там же. С. 126.
48. Там же. С. 129.
49. См.: Arkush D. Fei Xiaotong and Sociology in Revolutionary China. Harvard East Asia Monograph, 1981. 386 p.; Mingxin Liu. A Historical Overview on Anthropology in China // Anthropologist. 2003. 5(4). P. 217–223; Pieke F.N. Beyond orthodoxy: social and cultural anthropology in the People's Republic of China // Asian Anthropology. Ed. by J. Van Bremen, E. Ben-Ari and S.F. Alatas. Oxon, New York: Routledge, 2005. P. 59–79.
50. Guldin G. The Saga of Anthropology in China... P. 44.

Консульство Японии в Новосибирске в 1920-х — 1930-х годах

(по материалам Государственного архива Новосибирской области)

© 2017

А.А. Ипеева

В статье рассматриваются проблемы советско-японских отношений в 1920-х — 1930-х годах на примере Сибирского региона. В этот период именно Сибирь сыграла важнейшую роль в процессе восстановления торгово-экономических отношений между двумя странами. Однако события начала 1930-х годов привели к нарастанию напряженности между СССР и Японией, что отразилось и на региональных аспектах двусторонних отношений.

Ключевые слова: советско-японские отношения, консульство Японии в Новосибирске, внешняя торговля, экспорт зерновых.

Новый этап истории Сибири начинается с окончательного установления советской власти к началу 1920-х годов. В этот период Япония не только не признавала советское правительство, но и продолжала оккупацию дальневосточных районов страны, поддерживая белое движение. Лишь после вывода японских войск с территории России (1922 г.) и дипломатического признания Советского Союза (1925 г.) появилась возможность установления торгово-экономических связей между Сибирским регионом СССР и Японией.

В 1920-е годы после Октябрьской революции и Гражданской войны, был взят курс на превращение Сибири, в первую очередь ее западных районов, в индустриальный край. Таким образом, роль Сибирского региона во внешней торговле страны возрастала. Исследователь О.Л. Чернобай писала, что начиная с 1920 г. в Новониколаевск были переведены Сибирское бюро (Сиббюро) ЦК РКП (б) и Сибирский революционный комитет (Сибревком) — город становился административно-политическим центром Сибири¹. В 1925 г. был образован единый Сибирский край со столицей в Новониколаевске (в этом же году переименованным в Новосибирск).

В 1920 г. была учреждена должность особоуполномоченного по делам внешней торговли в Сибири и таким образом заложена основа для создания Сибирского отделения Наркомата внешней торговли (Сибвнешторг). Впоследствии было открыто и отделение Госторга (Государственная импортно-экспортная контора Наркомата внешней торговли)². Уже к середине 1920-х годов в Сибири появились представительства фирм Германии, Дании и других стран, что явилось следствием дипломатического признания Советского Союза многими странами.

Понимая важность Сибирского региона во внешней торговле с азиатскими странами, уже «10 сентября 1923 г. на заседании коллегии Народного комиссариата внешней торговли, состоявшемся в Москве, было принято решение о предоставлении

Ипеева Анастасия Александровна, аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: didifgora@mail.ru.

Сибирской государственной импортно-экспортной конторе Наркомата внешней торговли (Сибгосторгу) права вести операции на внешних рынках Дальнего Востока, т.е. в Монголии, Китае и Японии»³. Одновременно советское правительство предпринимает активные попытки восстановить прерванные революцией и Гражданской войной отношения с Японией.

1 сентября 1923 г. в Японии произошло сильнейшее землетрясение, получившее название Великое землетрясение Канто (по названию района, подвергшегося разрушению). Бедствие нанесло огромный ущерб японскому государству, погибло несколько сот тысяч человек, почти полностью были разрушены Токио и Иокогама. Трагедия вызвала отклик по всему миру, в том числе и в нашей стране: помощь Японии, пострадавшей от стихии — «это историческое значение российского пролетариата, стоящего на страже угнетенных и обездоленных трудящихся масс»⁴. При Сибревкоме был организован Комитет помощи пострадавшему населению Японии. Были открыты два специальных счета для поступления пожертвований: № 44 в Промбанке и № 504 в Госбанке⁵. Через Красный Крест были переданы 10 тыс. рублей и продовольствие⁶. (Судно, перевозившее продовольственную помощь, было задержано японской стороной под предлогом нахождения в его трюмах антияпонской литературы.)

После подписания 20 января 1925 г. Пекинской конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией⁷ начинается новый этап в торгово-экономических отношениях Сибирского региона с Японией. В 1925 г. в Сибири был собран рекордный урожай зерновых. СССР нуждался в валюте, а Япония после землетрясения — в продовольствии. Сибирская пшеница обошлась бы Японии дешевле, чем импортированная из других стран. Поэтому когда из Токио пришло предложение продать торговым фирмам «Кавасаки Кисэн» и «Кабуки кайся» 20 млн пудов сибирской пшеницы, советские власти его приняли⁸.

Уже 28 сентября 1925 г. было создано заседание Комиссии Сибревкома по вопросу экспорта зерна в Японию. Учитывая «необходимость экспорта в Японию, Комиссия постановила возможным продажу 15 млн пудов пшеницы, вместо 20 млн»⁹. Однако предполагалось, что возможность увеличения экспорта до 20 млн пудов, как и запрашивала японская сторона, в будущем сохранится. Кроме того, Японии было предложено купить «другие культуры — рожь и овес (от 3 до 5 млн пудов)». Были определены примерные сроки поставок зерна (с правом советской стороны изменить эти сроки): 1 ноября 1925 г. — 1,5 млн пудов; 1 декабря 1925 г. — 2 млн; 1 января 1926 г. — 4 млн; 1 февраля 1926 г. — 4 млн; 1 марта 1926 г. — 2 млн; 1 апреля 1926 г. — 1,5 млн. Были назначены учреждения, отвечающие за экспорт зерна в Японию: Хлебопродукт (4 млн пудов), Сибкрайсоюз (3 млн), Сельскосоюз (2 млн), Госторг (2 млн), Госбанк (2 млн), Сибторг (2 млн)¹⁰.

В зависимости от качества зерна устанавливались цены — от 115 до 120 копеек за пуд зерна (пшеница самого высокого качества — 125 копеек за пуд)¹¹. Расчеты производились в пересчете на доллары или фунты стерлингов. Гарантии предполагалось запросить у одного из «первоклассных Японских банков», в том случае, если японская сторона потребует гарантии от СССР. Согласно архивным документам, в случае разногласий между двумя сторонами, все вопросы такого характера должны были решаться только через арбитраж¹².

Важно отметить, что начиная с марта по май 1925 г. с территории Сибири было поставлено на экспорт в Японию, не считая зерна, «штвенничной губы», льна, пеньки и др. на сумму свыше 100 тыс. рублей¹³. Это свидетельствует о постепенном увеличении региональной торговли между двумя странами. Однако позднее поставкам сибирского зерна помешали изменения на внешнеполитической арене, а произошедшие конфликты между двумя странами свели их на нет.

Пекинская конвенция 1925 г. привела к открытию в Новосибирске японского консульства, которое сыграло важную роль в развитии советско-японских отношений в регионе. Как пишет профессор В.Г. Дацышен, изначально открытие консульства в Новосибирске не предполагалось¹⁴. Но развитие Сибирского края, торговый обмен с которым был чрезвычайно выгоден Японии, способствовало открытию Японского консульства именно здесь — в административно-политическом центре Сибири.

Для консульства Сибревкомом было выделено отдельное кирпичное здание в центре Новосибирска по улице Ядринцевская 27-а и подготовлен основной список магазинов, которые должны были снабжать консульство продовольствием («АКОРТ», магазины ЦРК № 10, 11, 20 и мясные отделы)¹⁵. Япония выделила средства на открытие консульства. На протяжении всего периода работы консульства (1925–1937 гг.) на посты консулов и их помощников назначались опытные квалифицированные дипломаты. Ярким примером является назначенный на должность консула Симада Сигэру, который принимал активное участие в российско-японских и впоследствии советско-японских переговорах, был переводчиком во время Пекинской конференции, на которой была подписана Конвенция 1925 г. За свою работу Симада в 1925 и 1926 г. был награжден японскими орденами¹⁶. Всего же в консульство в Новосибирске за все годы были назначены четыре консула: Симада, Огата, Накамура и Каэнаги.

Согласно инструкции «О порядке сношений органов Советской власти с консульскими представительствами иностранных государств в пределах РСФСР», НКВД СССР выдавал консульству специальное свидетельство с указанием в нем города, в котором будет находиться консульский пункт, и территория, в пределах которой будут осуществляться консульские функции¹⁷. Японское консульство в Новосибирске получило в «свое распоряжение» Сибирский край. Также консульству выдавались специальные заборные книжки для получения продовольствия на нужды консульства, по которым оно было обязано вести «ведомости потребления» и сводки по ним предоставлять в НКВД для отчетов¹⁸.

На начальном этапе работы консульство активно сотрудничало с сибирскими властями и общественностью. Уже в 1929 г. от консульства поступило предложение о возможности японских инвестиций в модернизацию транспортной системы Сибири и Дальнего Востока. В связи с этим консулом Накамура в мае 1929 г. было направлено письмо начальнику Сибирского краевого административного отдела. В письме консул от имени японского правительства информировал, что Япония несет серьезные убытки из-за несовершенства транспортной системы Сибири и Дальнего Востока. Вследствие чего японское правительство просило сибирские власти оказать помощь в предоставлении сведений: о наименованиях учреждений и предприятий, занимающихся транспортом между железной дорогой и грузовладельцами в Сибирском крае; их капитале, учредителях и местонахождении главной конторы, отделений и агентств; количестве и местонахождении складов; транспортных средствах, провозной плате и тарифах; страховке, отчетности, общем количестве рабочих и служащих и т.п.¹⁹ Эта просьба обсуждалась на заседании в Сибревкоме²⁰. Консульству был дан ответ, что вопрос будет решен позже, но впоследствии эта тема совсем исчезла из переписки между консульством и Сибревкомом.

Отдельно нужно отметить, что японское консульство в Новосибирске стало своего рода промежуточным пунктом между Токио и Москвой. Именно через него в посольство в Москве и консульство в Одессе пересылался «Вестник Японского музея в Харбине», где наряду с другими материалами публиковались статьи по японо-советскому сотрудничеству и торговле²¹.

С начала 1930-х годов отношения между СССР и Японией кардинально меняются вследствие милитаристских амбиций последней по захвату Северо-Востока Китая, что отразилось и на работе консульства. В архиве сохранились сведения о «случайном» вскрытии дипломатической почты в мае 1930 г. Консулу Накамура, который

заявил о «недопустимости таких инцидентов, которые напрямую противоречат Пекинской конвенции 1925 г.»²² были принесены официальные извинения. Этот инцидент мало повлиял на отношения между консульством и сибирскими властями. Но уже к 1936 г. ситуация резко поменялась, к чему привело обострение противоречий в двусторонних отношениях в целом.

Одним из скандальных инцидентов, иллюстрирующих рост антияпонских настроений, явился случай, произошедший в январе 1934 г. У вновь прибывшего консула Каянаги в вагоне для иностранцев было украдено «носильное платье» из багажа²³. Расследование данного инцидента велось спустя рукава и практически ни к чему не привело. Одновременно местные власти сократили свои контакты с работниками японского консульства в Новосибирске и всячески старались ограничить японцев в поездках по территории Сибири. В архиве сохранилась жалоба консула Каянаги на имя советских руководителей в Новосибирске о том, что сотрудникам консульства Сайто и Одагири, отправившимся в поездку по Кузбассу, во всех их действиях мешали представители НКВД, которые не только следили практически за каждым шагом, но и препятствовали общению сотрудников консульства с населением²⁴.

К настоящему скандалу привели события в городе Бийске. В Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) имеется большое количество документов по данному инциденту. В августе 1936 г. консул Каянаги вместе с женой, будучи на отдыхе, решили посетить некоторые промышленные предприятия этого города. Бийская городская администрация получила распоряжение крайкома отказывать японскому дипломату в посещении любых предприятий и поездке по Чуйскому тракту, если на то не будет прямого разрешения из края²⁵.

Советско-японское противостояние в этот период приобрело явный конфронтационный характер, что привело к закрытию нескольких японских консульств на территории Советского Союза. Одним из первых было закрыто консульство в Новосибирске. Официальным основанием для закрытия послужил тот факт, что СССР имел в Японии шесть дипломатических учреждений, в то время как Япония — восемь, а это напрямую противоречило положениям Пекинской конвенции 1925 г. о равном обмене диппредставительствами. Также отмечалось, что в Сибири практически нет японского населения, а региональный товарооборот незначителен. 27 июля 1937 г. была передана нота НКВД СССР, в которой излагалось решение советского правительства. Японский МИД выступил против закрытия консульств в Новосибирске и Одессе, настаивая на необходимости работы этих диппредставительств. Однако советская сторона сочла эти требования необоснованными, и 19 августа 1937 г. последовала нота НКВД посольству Японии²⁶ о закрытии двух японских консульств в соответствии с принципом равного представительства. В Москве было принято решение о непризнании с 15 сентября за японским консулом в Новосибирске права выполнения им консульских функций в указанном пункте.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 1920-х — 1930-х годов Сибирь играла значительную роль в развитии советско-японских торговых отношений. Япония рассматривала Сибирский регион как важнейший источник сырья и рынок сбыта. Однако нарастание напряженности между двумя странами привело к свертыванию многих перспективных совместных проектов. Экспорт зерновых, японские инвестиции в модернизацию сибирской и дальневосточной транспортной системы были сведены на нет, а первое дипломатическое представительство Японии в Сибири закрыто.

1. *Чернобай О.Л.* Международные связи города Новосибирска в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3(7). С. 123.
2. Там же. С. 123.
3. Там же. С. 125.

4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 976. Л. 1–2.
5. Там же. Л. 3.
6. Там же. Л. 14.
7. Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией // *Документы внешней политики СССР*. М., 1963. Т. 8. С. 70–78.
8. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 2 а. Д. 53. Л. 128.
9. Там же.
10. Там же. Л. 128–128(об).
11. Там же. Л. 128.
12. Там же. Л. 128(об).
13. *Малышева М.П., Познанский В.С. У истоков хлебного экспорта из Сибири в Японию (1925 г.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 101–103.*
14. *Дацышен В.Г. Японское консульство в Новосибирске. Из истории советско-японских отношений // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. Барнаул, 2012. С. 126–127.*
15. ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 100. Л. 3–3(об).
16. *Дацышен В.Г. Японское консульство в Новосибирске... С. 127.*
17. ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 84. Л. 11–15.
18. Там же. Д. 100. Л. 27–27(об).
19. Там же. Д. 84. Л. 12.
20. Там же.
21. Там же. Д. 112. Л. 130–150.
22. Там же. Д. 100. Л. 3–3(об).
23. ГАО. Ф. Р-47. О.5. Д. 100. Л. 98.
24. Там же. Д. 220. Л. 139–140.
25. Там же. Д. 217. Л. 198.
26. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР посольству Японии в СССР. 19 августа 1937 г. URL: <http://istmat.info/node/38593>.

Культура

Формирование и реализация внешней культурной политики Китая в условиях глобализации

© 2017

Цзи Юэшэн

Внешняя культурная политика Китая тесно связана с выработкой и реализацией долгосрочной государственной стратегии КНР, где сложилась и развивается система партийных и государственных органов, методов и средств внешней культурной политики, нацеленная на укрепление влияния на международной арене.

Ключевые слова: Китай, традиционная культура, государственная политика, внешняя культурная политика.

Традиционная культура является важным политическим активом Китайской Народной Республики, ориентируя руководство партии и государства на проведение целенаправленной и системной государственной культурной политики.

Что же представляет собой внешняя культурная политика Китая, каким образом она формируется и реализуется в современных условиях?

В китайской традиции государственная политика в ее внутреннем и внешнем измерении, решение задач развития страны, культурные ценности и социальная гармония, нормы поведения и накопленный социальный опыт, а также видение картины мира, нераздельны и выступают как целостное образование. Поэтому, оценивая обоснованность использования в научном дискурсе понятия «внешняя культурная политика» Китая, нужно принимать во внимание ряд обстоятельств.

Прежде всего, следует отметить, что одной из тенденций современных международных отношений является стремление политических акторов воздерживаться по мере возможности от жесткого силового воздействия на оппонентов и использовать другие методы и средства, включая межкультурное взаимодействие.

В ряде государств культурная политика уже в течение нескольких десятилетий официально рассматривается как «третья опора» дипломатии и внешней политики. Когда в 2005 г. в Китае была выдвинута концепция строительства «гармоничного мира», «культурная дипломатия» (наряду с политической и экономической) стала и там третьей опорой внешней политики страны.

На рубеже 2000-х годов понятие «внешняя культурная политика» стало использоваться и в официальных документах внешнеполитических ведомств ряда государств для обозначения специфической деятельности на международной арене.

При характеристике соответствующих действий Китая на международной арене формулировка «внешняя культурная политика» используется в научных исследованиях и профильной литературе реже, чем другие понятия¹. Распространенным является использование понятия «*мягкая сила*». Китайский исследователь Лю Цайци признает, что этот термин «вызвал большой резонанс в китайских политических и политологических кругах»². Следует отметить, что указанное понятие вошло в политический лексикон Китая в качестве официального термина. В процессе изучения феномена «мягкой силы» китайское академическое сообщество испытывало затруднения при поиске адекватного перевода понятия на китайский язык³. Тем не менее, «включение американской концепции «мягкой силы» в программные материалы компартии явилось примечательным событием, продемонстрировавшим способность руководства КНР адаптировать полезные зарубежные идеи»⁴.

«Мягкая сила», по определению Дж. Ная, является комплексным образованием и включает три основных компонента (культуру, политическую идеологию, внешнюю политику), при этом не исключается использование военной силы⁵. Практика показывает, что в западном варианте «мягкая сила» может приобрести деструктивный, разрушительный для общества характер.

Китайское понимание феномена «мягкой силы» не может быть равнозначно американскому по целому ряду обстоятельств. Так, западный индивидуализм совершенно не тождественен китайской идее «человек как основа», капитализм не сочетается с народным благосостоянием. Кроме того, в Китае адекватно оценивают гегемонистские устремления США, их открытое стремление к глобальному господству. Эгонистические установки Вашингтона, навязывание «универсальных ценностей» противоречат конфуцианской традиции и не могут соотноситься со стремлением Китая к строительству гармоничного мира. В результате произошло содержательное наполнение понимания теории и практики «мягкой силы» «китайской спецификой», которая не предполагает распространение политической идеологии и силовое навязывание ценностей. Так называемая мягкая сила сосредоточилась в Китае только на культурных ценностях и инструментах.

Лю Цайци объясняет «китайскую интерпретацию» «мягкой силы», впервые озвученную в политическом докладе на XVII съезде КПК (2007 г.) как упорядоченные действия по четырем направлениям:

- 1) создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии;
- 2) формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы;
- 3) широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации;
- 4) продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры⁶.

Не случайно на XVII съезде КПК был провозглашен курс на создание «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» за его пределами путем повышения уровня культурной «мягкой силы» государства. Следовательно, «мягкая сила» имеет для Китая внешнюю и внутреннюю направленность. Такое истолкование свидетельствует об ином понимании в Китае «мягкой силы», чем на западе. *Фактически речь идет о культурной политике*, синтезирующей в себе внутри- и внешнеполитическую деятельность государства.

Другими понятиями, используемыми в Китае для характеристики внешнеполитической деятельности страны, являются термины «народная дипломатия» и «публичная дипломатия». *Публичной дипломатией* руководит правительство. Ее объектом явля-

ются правительства и народы иностранных государств, ее цель — улучшить образ государства, которое ее реализует. В понятии «народная дипломатия» отражается специфика понятия «народ» в китайском языке. Поэтому публичная дипломатия в КНР характеризуется как взаимодействие по линии «государство — общество», а народная дипломатия — по линии «общество — общество».

Важной характеристикой публичной дипломатии Китая выступает ее «культурная» ориентация. Идея опираться именно на китайскую культуру и ценности была озвучена в 1990 г. профессором Фуданьского университета Ван Хунином (в настоящее время — заведующий Центром политических исследований при ЦК КПК). Другой особенностью публичной дипломатии КНР является ее нацеленность не только на иностранных реципиентов, но и на граждан своей страны⁷.

Разновидностью дипломатической деятельности Китая выступает *культурная дипломатия*. Она направлена одновременно на защиту культуры страны и достижение национальных внешнекультурных стратегических целей. Ее основными целями являются: а) обеспечение национальной безопасности; б) превращение культурных связей и обменов под руководством правительства КНР в составную часть внешней политики. То есть, культурная дипломатия может выступать в качестве инструмента, способного выполнять функцию защиты культурного суверенитета Китая⁸.

По утверждению китайских исследователей, посредством культурной дипломатии страна должна отстаивать идею «гармонизации мирового культурного взаимодействия» с целью обеспечения равных возможностей для всех его субъектов. Речь идет о творческом и конструктивно-критическом осмыслении достижений других культур, об изучении достижений других наций, о поддержании и поощрении культурного разнообразия мира. Следование избранному стратегическому выбору требует от Китая постоянного улучшения своего имиджа посредством использования культурных инструментов для повышения государственного престижа и устранения необоснованных опасений относительно «китайской угрозы»⁹. При этом, как заявила 29 сентября 2014 г. министр культуры КНР Цай У на открытии центра «мягкой силы» на базе Пекинского университета, «страна должна повышать уровень культурной силы, чтобы доминировать в глобальном соревновании по ее использованию»¹⁰.

Проведенный обзор понятий позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, государственная политика Китая является отражением стратегии развития страны и обеспечения ее безопасности. Культура же для Китая традиционно является синтезирующей основой и необходимым инструментом достижения гармонии в государственной политике. Специфическое понимание назначения и содержания культурной политики складывалось, в том числе, с учетом необходимости реализации провозглашенной в начале 1980-х годов концепции «одно государство — два строя».

Во-вторых, культурный компонент является доминирующим и императивным в «мягкой силе» Китая и его дипломатии. При наличии определенных различий перечисленные виды культурной деятельности правомерно рассматривать как инструмент государственной политики, отстаивания интересов страны на международной арене с использованием особых средств.

В-третьих, использование понятия «внешняя культурная политика Китая» представляется продуктивным в теоретическом и практическом плане, а его введение в научный оборот позволяет сосредоточиться на внешнеполитической сфере, условно отделив ее от внутренней.

С учетом изложенного выше предлагается следующее определение. *Внешняя культурная политика Китая представляет собой целенаправленную и организованную деятельность государства по использованию культурного потенциала в сфере международных отношений для решения задач развития страны и обеспечения ее безопасности.*

Задачу проекции традиционной китайской культуры во внешнюю среду партийное и государственное руководство КНР ставило неоднократно. Фактически речь идет об использовании имеющегося у Китая мощного культурного потенциала. Он на практике реализует установки концепции «государство-цивилизация». Это означает, что именно государство как политическая организация общества посредством специально создаваемых им институтов в условиях глобализации и навязывания «нового мирового порядка» выступает как гарант существования китайской цивилизации, создавая условия для ее выживания и развития. Поэтому и при анализе культурной политики Китая необходимо учитывать, что проводимые в данной области преобразования представляют собой неразрывное сочетание внешних и внутренних аспектов. Для китайского общества и политической элиты построение гармоничных отношений внутри страны и создание гармоничного мироустройства представляют собой неразрывный процесс. Проводимые научные исследования подтверждают, что во внешней политике Китая акцент делается «не столько на связь военно-экономических и дипломатических составляющих политики, сколько на неразрывности внешней и внутренней политики государства, подчиненность внешней политики целям национального развития»¹¹.

Для лучшего понимания специфики такого подхода целесообразно отметить, что в российской научной традиции под культурной политикой государства принято понимать всю «совокупность отношений государства и культуры, а именно цели государства в области культуры, механизм воздействия государства на культурные процессы, с одной стороны, и его реагирования на культурные потребности общества и имманентные проявления культуры — с другой»¹². Приведенное определение свидетельствует о сосредоточении государственной культурной политики прежде всего на внутренних аспектах жизни страны. Вместе с тем безоговорочное и механистическое перенесение такого подхода на исследование культурной политики Китая не обеспечивает полноценного представления о ней. В подтверждение можно привести позицию китайских специалистов, считающих, что «реализация программы всеобъемлющего строительства зажиточного общества, общее развитие социализма с китайской спецификой и великое возрождение китайской нации зависят от реформирования и развития институциональных культурных механизмов. Это является важным стратегическим вопросом»¹³.

Таким образом, можно утверждать, что *общей целью внешней культурной политики Китая* является создание благоприятных условий для реализации стратегии развития страны, ядром которой выступает культура и ее ценности. Примечательно, что стратегический общеполитический курс современного Китая задается конфуцианскими ценностями¹⁴.

В то же время отношение к культурному фактору, к его оценке в политике КНР претерпевает существенную эволюцию. Более двух десятилетий назад, в 1996 г., в рамках развернувшейся в научных кругах дискуссии о национализме при выявившихся различиях в подходах было констатировано, что «вопрос китайского национализма — это вопрос самостоятельного выживания и развития китайской нации»¹⁵. Фактически такая оценка была проявлением ответной реакции на усиление давления извне. В дальнейшем стала обосновываться необходимость перехода к более активным действиям, а именно использованию культурных рычагов и механизмов при решении политических задач, в том числе вовне Китая. Кроме того, возвращение Китая к историческим и культурным корням в значительной степени стало результатом успехов, достигнутых в социально-экономическом развитии страны и противодействии культурной вестернизации.

В современных условиях речь идет о внешней ориентации культурной политики страны, при разработке и реализации которой необходимо учитывать ряд взаимосвязанных обстоятельств, таких как сложившиеся за рубежом негативные стереотипы и даже фобии в отношении Китая, экономические реалии, мировой баланс сил. При этом современные китайские исследователи формулируют и указывают на важность решения слож-

ной теоретической и практической задачи, связанной с устранением противоречия между «закостенелостью западных предубеждений к восточной культуре» и невозможностью для китайцев изменить свою культурную идентичность. Весьма показательными в этом отношении являются следующие размышления.

«В условиях глобализации мы должны разобраться во взаимосвязи экономики и культуры. Высокоскоростное экономическое развитие вовсе не обязательно должно приводить к культурному спаду. Наоборот, экономика должна возродить и одновременно развивать и укреплять культурный характер всего народа и общее сознание, способствовать поддержанию собственной культурной идентичности. В этих условиях необходимо выделить две важнейшие проблемы.

Во-первых, как обеспечить представленность восточной культуры после бурного развития китайской экономики, сопровождавшейся вестернизацией? Что произойдет через 40 лет, когда валовой национальный продукт Китая, совокупная мощь государства превысят аналогичные показатели США? Как Китай будет способен явить дух своей культуры всему миру? После XIX века Китай научился импортировать, и полный «импорт» привел к возникновению эколого-культурных дисбалансов между Западом и Востоком.... Китаю необходимо перейти от состояния первоначального «импорта» к собственной культурной инновации, в этом состоит будущее народов, проживающих на территории Китая.

Во-вторых, важна ли культура вообще? Очевидно, что по мере экономического роста Китая существует только один способ достичь стабильного перехода к современному обществу и опровергнуть западную теорию «сдерживания Китая» и теории «китайской угрозы»: заново открыть и экспортировать культуру Востока»¹⁶.

Для объяснения сложившихся в ряде стран опасений относительно Китая и проводимой им политики, а также мотивов и характера предпринимаемых его властями действий следует учитывать ряд взаимосвязанных обстоятельств, имеющих преимущественно историческую детерминацию.

Прежде всего, в течение длительного времени Китай последовательно добивался от соседних народов признания своей самостоятельности и ведущей роли, демонстрируя такое превосходство и незыблемость устоев, что ни у кого не должно было возникнуть соблазна проверить страну на прочность.

Кроме того, во внешней политике современного Китая, по оценкам ряда известных западных политиков, включая Г. Киссинджера, отчетливо проявляется «зародившееся в веках чувство собственного подавляющего культурного превосходства»¹⁷, что способствовало приоритетному выбору культурных методов и форм перед жесткими.

Наконец, следует отметить, что в течение длительного времени существования китайской империи страна «выступала исключительно в роли культурного донора»¹⁸, прежде всего по отношению к своим соседям.

В дополнение необходимо указать, что период с 1-й опиумной войны (1840–1842 гг.) до образования КНР в 1949 г. в стране нередко характеризуют как «век унижения». Последствия этого периода Китай старается преодолеть, извлечь уроки и не допустить ошибок в своей политике.

Правомерно предположить, что исходным пунктом и основным *детерминантом государственной стратегии Китая, придающим ей определенную направленность и устойчивость, выступают, прежде всего, обстоятельства культурного, духовного свойства*. Как показывает анализ принятых партией и правительством мер, в КНР была своевременно осознана опасность образования в обществе духовного вакуума. Поэтому актуализировалась проблема внутренней консолидации нации, которая не могла быть решена без определения перспектив развития страны и предложения их обществу (по китайской терминологии, «выхода на глубокую воду»¹⁹).

Идеалом, необходимость достижения которого в этих условиях была предложена нации руководством страны, стал образ сильного Китая. Артикулированная партией и правительством в 2012–2013 гг. «китайская мечта» («цель двух столетий») заключается в *возрождении величия китайской нации*. По своему содержанию «китайская мечта» конкретизируется в таких компонентах, как богатое и сильное государство, национальное возрождение, народное счастье²⁰. Определены три условия претворения этой мечты в жизнь: движение вперед по китайскому пути, возвышение китайского духа, сплочение сил Китая²¹.

По мнению руководства КНР, перечень ценностей, которые в современных условиях необходимо развивать для осуществления «китайской мечты», выглядит следующим образом²²:

- говорить о гуманности и любви,
- внимательно относиться к народу как основе,
- обеспечивать доверие,
- почитать справедливость,
- возвышать гармонию,
- стремиться к «великому единению».

Фактически перечисленные ценности содержат в себе прямое обращение к идеям конфуцианства. Вообще традиционные культурные идеи, содержащиеся в древнем наследии страны, постоянно присутствуют и активно используются в современном политическом дискурсе КНР.

Следует также отметить, что достижение «китайской мечты» как стратегической цели государственной политики провозглашается в доктринальных документах страны. Так, в опубликованной в мае 2015 г. Военной стратегии КНР («Белая книга Китая») официально декларируется, что *целью государственной стратегии Китая является осуществление всесторонней социалистической модернизации, включающей в себя заявленные Коммунистической партией Китая построение в течение ста лет общества среднего класса и превращение КНР в течение ста лет в могущественную демократическую цивилизацию*²³.

В политическом лексиконе и реальной деятельности культурная политика рассматривается как сочетание «дела культуры» (*вэньхуа ши е*) и «индустрии культуры» (*вэньхуа чанье*). К «делу культуры» относятся контролируемые государством научные исследования, идеология и воспитание граждан, социальные культурные услуги, литературное и художественное творчество, меры по сохранению этнической культуры и культурных памятников Китая, культурные обмены с зарубежными странами и т.д. «Индустрия культуры» понимается как относительно самостоятельная отрасль экономики, рыночных отношений, в рамках которой производятся «культурные продукты»²⁴.

Такое выделение «дела культуры» и «индустрии культуры» содержалось в докладе Председателя КНР Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК, где была изложена следующая установка: «предстоит совершенствовать политику относительно индустрии культуры, поддерживать развитие последней, умножать в целом ее реальные силы и конкурентоспособность», следует «усилить строительство инфраструктуры в области культуры и продолжать развитие массовой культуры во всех ее видах», «продолжить совершенствовать политику развития общественно полезных отраслей культуры»²⁵.

При этом в Конституции КНР (ст. 22) зафиксированы следующие положения: «Государство развивает литературу и искусство, печать, радио и телевидение, издательское дело, расширяет сеть библиотек, музеев, домов культуры и иных учреждений культуры, служащих делу народа и социализма, проводит культурно-массовые мероприятия.

Государство охраняет исторические достопримечательности, ценные памятники культуры и иное важное историческое и культурное наследие».

Политику КНР в сфере культуры координируют правительство и Коммунистическая партия Китая через ряд органов и государственных учреждений (табл. 1).

Таблица 1

Государственные и партийные органы КНР по руководству сферой культуры

Название органа	Предназначение органа
Министерство культуры Китайской Народной Республики. URL: http://www.mcprc.gov.cn/	Отвечает за политику в сфере культуры и прочую соответствующую деятельность в стране, включая управление национальными музеями и памятниками, пропаганду и содействие правительственной политике, поощрение и защиту искусства (изящные искусства, фольклор, театр, музыка, танцы, архитектура, литература, телевидение и кинематограф); управление национальными архивами и региональными центрами культуры. Кроме того, министерство осуществляет обязательную правительственную экспертизу различной, в том числе поступающей извне, информации на наличие антикитайского политического подтекста, на основании которой затем формируются т.н. черные списки
Отдел пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая. URL: http://cpc.people.com.cn/	Осуществляет контроль над идеологией, СМИ и телевидением, политикой в сфере образования и цензурой, а также контроль над сетью исполнительных учреждений и органов, в том числе над структурами Государственного совета КНР, провинциальных и муниципальных правительств, ведающих вопросами культуры, печати, издательского дела, телевидения, кино и радио.

Источник: составлено автором.

Кроме того, одним из руководящих органов ЦК КПК является Центральная комиссия по руководству деятельностью в области укрепления духовной цивилизации²⁶. В реализации политики КНР в сфере культуры участвуют также другие государственные учреждения: Министерство образования, Информационное бюро Госсовета КНР, Главное государственное управление радио, кино и телевидения, Главное государственное управление КНР по делам печати и издательств, Министерство иностранных дел.

Следует отметить наметившееся повышение роли «мозговых центров», привлечение интеллектуальных ресурсов для разработки и реализации внешней культурной политики Китая. Так, 31 декабря 2012 г. в КНР была учреждена Ассоциация публичной дипломатии. Организация ориентирована на использование потенциала «мягкой силы» Китая, продвижение национальных интересов за рубежом и объединяет видных деятелей китайской культуры, искусства и политики²⁷.

Вместе с тем зарубежные исследователи признают сложность понимания того, как государство в эпоху глобализации контролирует культурный рынок и осуществляет управление им. Здесь выделяются три основные стратегии, применяемые властями страны для решения этой задачи²⁸.

Первая стратегия предполагает проведение идеологических кампаний, направленных на противодействие усилению влияния иностранной культуры (прежде всего, западной). В наиболее острой форме эти кампании проводились в 80-е — начале 90-х годов XX века.

Вторая стратегия заключается в обеспечении постоянного контроля над ключевыми организациями, связанными с производством культурной продукции (издательская деятельность, кино- и телендустрия, средства массовой информации).

Третья стратегия управления в сфере культуры состоит в поощрении и создании благоприятных условий тем структурам, которые поддерживают линию коммунистической партии, и в ограничении деятельности тех, кто препятствует ее реализации.

В соответствии с установками государственной стратегии разрабатывается и реализуется внешняя культурная политика КНР, в которой определяются приоритеты и в которую, по мере необходимости, вносятся коррективы. Действуя подобным образом, Китай последовательно укрепляет культурную идентичность страны, консолидирует общество и распространяет культурные ценности нации по всему миру. Такая деятельность создает условия для укрепления авторитета Китая на международной арене.

1. См.: *Бояркина А.В.* «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX — XXI вв.: Автореф. дис.... канд. полит. наук. Владивосток, 2015; *Распертова С.Ю.* Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия: Автореф. дис.... канд. филос. наук. М., 2011; *Шевелёва Т.Н., Тимофеев О.А.* «Мягкое обаяние» красно-желтого дракона: внешняя политика Китайской Народной Республики в начале XXI века // Политический вектор. 2014. № 1; и др.
2. *Лю Цзайци.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // ПОЛИС. Политические исследования. 2009. № 4. С. 150.
3. См.: *Кривохиж С.В.* Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие: Дис.... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 40.
4. *Борох О.Н., Ломанов А.В.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу»: Китай ищет свой путь повышения международного влияния // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. С. 54.
5. См.: *Най Дж. С.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; Москва: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. 224 с.
6. *Лю Цзайци.* Указ.соч. С. 150.
7. См. подробнее: *Кривохиж С.В.* Указ. соч. С. 43–47.
8. См.: *Бодрова И.В.* Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР // Приволжский научный журнал. 2013. № 4. С. 208–209.
9. См.: *Ли Чжси.* Вэньхуа вайцзяо: [Культурная дипломатия]. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2005. С. 30.
10. Цит. по: *Шабалов М.П.* Основы культурной политики Китая // Стратегические приоритеты. 2014. № 4. С. 42.
11. *Ашырова Н.А.* Основные внешнеполитические концепции Китая в контексте формирования нового мирового порядка: Автореф. дис.... канд. полит. наук. М., 2012. С. 14–15.
12. *Карпунин О.И.* Культурная политика: монография. М.: Издательский дом «Провинция», 1996. С. 3.
13. *Лю Юньгэн.* Чуансинь шэхуэйчжуй шидай вэньхуа, цзици туйцинь Шанхай гоцзи вэньхуа да души цзяньшэ. Вэньхуа юй да го синшуай: [Инновация современной культуры социализма, активное продвижение строительства международного культурного мегаполиса Шанхай. Культура — подъем и падение держав]. Шанхай, 2012. С. 1.
14. См.: *Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
15. *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 253.
16. *Ван Юэчуань, Ху Мяоснь.* Вэньхуа чжаньлюэ: [Культурная стратегия]. Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 2010. С. 118.
17. *Киссинджер Г.* О Китае / пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2015. С. 25.
18. *Корсун В.А.* Идентичность «с китайской спецификой» // ПОЛИС. Политические исследования. 2008. № 3. С. 72.
19. См.: *Денисов И.Е.* Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. № 6. С. 38–41.
20. В современной России складывается понимание необходимости выработки и реализации долгосрочной государственной стратегии. См.: *Белозёров В.К.* От стратегии национальной безо-

- пасности — к глобальному и перспективному стратегическому проектированию // *Власть*. 2016. № 7. С. 10–15.
21. О введении в политический лексикон понятия «Китайская мечта» и его содержании см.: *Ламанов А.В.* «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: Форум, 2014. С. 40–56; *Новосельцев С.В.* Концепция «китайской мечты» и ее практическое применение // *Сравнительная политика*. 2016. № 1. С. 5–20.
22. *Ламанов А.В.* «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина... С. 52.
23. Чжунгодэ цзюньши чжаньлюэ: [Военная стратегия Китая]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm
24. См.: *Туршьева Н.В.* Политика Коммунистической партии Китая в области культуры в период реформ: 1978–2012 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 2013. С. 13.
25. Цзян Цзэминь цзай Чжунго гунчаньдан ди шилю цы цюань го дайбяо дахуэй шан дэ баогао URL: http://www.gwytb.gov.cn/zlzx/16thCongress/201101/t20110126_1734499.htm; Доклад Цзян Цзэминя на XVI съезде Коммунистической партии Китая на русском языке см.: URL: <http://www.cprf.info/library/3582.shtml>
26. В китайском языке существует несколько слов, синонимичных русскому слову «культура». При этом, если в русском языке используется, как правило, только один термин — «культурная безопасность» с множественными трактовками этого понятия, то в Китае существуют разные термины, конкретизирующие значение слов «культура/культурный». Jīngshén wénpíng (*цзиньшэнь вэньпин*) — политический термин, дословно переводится как духовная цивилизация (культура).
27. См.: *Аликберова А.Р.* «Мозговые центры» как инструмент «мягкой силы» во внешней политике КНР // Россия — Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников VIII Международной научно-практической конференции (Казань, 8–11 октября 2015 г.). Казань, 2015. С. 8.
28. См.: *Многоликая глобализация* / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Салова. М.: Аспект пресс, 2004. С. 48–50.

Научная жизнь

Совместный ситуационный анализ ИДВ РАН и ИСАА МГУ

В апреле 2017 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялся межвузовский семинар «Обострение ситуации на Корейском полуострове и его последствия: сценарии развития событий». В мероприятии приняли участие эксперты ИДВ РАН, а также студенты, аспиранты и молодые ученые ИСАА МГУ, МГИМО, РУДН, РГГУ и МФТИ. Организаторами семинара выступили Совет молодых ученых ИДВ РАН и центр интерактивного образования и моделирования Совета молодых ученых ИСАА МГУ.

Формат ситуационного анализа с элементами «круглого стола» позволил провести интересное, плодотворное обсуждение. Сначала свое видение актуальных проблем представило молодое поколение специалистов, а затем оценку ситуации высказали опытные эксперты.

Ситуационный анализ был разделен на несколько сессий, на первой из которых были рассмотрены факторы, повышающие или снижающие вероятность конфликта на Корейском полуострове. Эксперты выделили ряд особенностей, влияющих на развитие ситуации:

1. Потенциальный переход к новой модели миропорядка, в рамках которой вариант конфликта начинает перевешивать вариант сотрудничества. Его признаком становится исчезновение желания договариваться или принимать решение после объективного расследования. Виновный фактически назначается, после чего в отношении него принимаются карательные меры.
2. Растущий кризис компетентности, в рамках которого к нежеланию договариваться добавляется отсутствие глубоких знаний о противоположной стороне, которое восполняется пропагандистскими штампами, имеющими отдаленное отношение к реальности, но быстро приживающимися в массовом сознании.
3. Дилемма безопасности, связанная с северокорейской ядерной программой. КНДР истолковывает действия США и их союзников как подготовку к ликвидации ее суверенитета любыми возможными способами. Эта угроза становится для нее совершенно зримой, и Пхеньян стремится полагаться лишь на собственные силы в результате развития своей ракетно-ядерной программы. Однако это запускает порочный круг, и стратегия постоянного повышения ставок существенно усиливает риски.
4. Высокий порог взаимного психологического давления, накрутки и стресс, под воздействием которого легко принять ошибочное решение, неверно интерпретировав тот или иной сигнал. В такой ситуации повышается вероятность ошибок и провокаций, поскольку сил, готовых развязать конфликт по тем или иным соображениям, включая идеологические, более чем достаточно.

В ходе ситуационного анализа оживленно обсуждались позиции ключевых акторов региона. В частности, старший научный сотрудник ИДВ РАН **В. Кашин** прокомментировал точку зрения Китая, согласно которой «корейский вопрос» стал занимать все более значимое место в его повестке дня. Отношения Китая с соседями по региону также заслуживают особого внимания. Удар, нанесенный США по Сирии, в контексте очередного обострения на Корейском полуострове был представлен как враждебный акт, указывающий на возможность выбора Вашингтоном силового воздействия на КНДР. Одновременно продвигается процесс размещения ТНААД в Республике Корея, что без энтузиазма воспринимают в Пекине, где рассчитывали, что его интересы в регионе будут учтены в обмен на поддержку санкционного режима в отношении Пхеньяна. В сложившейся ситуации Пекин неофициально инициирует меры экономического давления в отношении РК и в то же время пытается оказать давление на КНДР с помощью тех немногих рычагов, которыми он располагает.

Эксперты не обошли своим вниманием позицию Соединенных Штатов. Так, по мнению аналитика **И. Кирилловского**, именно военный потенциал Вашингтона является ключевым фактором в развитии ситуации. Кадровый состав вооруженных сил США обладает богатым опытом участия в боевых действиях, чего нельзя сказать о вооруженных силах других стран региона. О необходимости учета военного потенциала и обороноспособности государств напомнил **С. Летун** (Военный институт Министерства обороны России).

Дискутировался также вопрос о том, как оценивать ужесточение риторики акторов. С точки зрения **В. Хрусталёва** (эксперт по ракетно-ядерной программе КНДР из Владивостока), призывы к силовому решению существующих проблем перестанут раздаваться только после того, как стороны окажутся в острой ситуации, схожей с Карибским кризисом. Обеспокоенность тоном ведения диалога между США и КНДР выразил ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН **К. Асмолов**, который расценивает его как индикатор желания всех заинтересованных сторон сохранять статус-кво.

В целом участники обсуждения совпали во мнении о нехватке компетентности у лиц, принимающих решения, а также у экспертного сообщества, обеспечивающего эти решения аналитической базой. По замечанию студента МФТИ **В. Качалова**, они сейчас плохо представляют слабые и сильные стороны и возможные тактические шаги друг друга. По мнению бакалавра ИСАА МГУ **Б. Хашиева**, вдобавок к характерному для всех акторов снижению качества аналитической работы Республика Корея испытывает дополнительные сложности в вопросе определения собственного места на международной арене, своей роли в региональных и мировых процессах, а также в понимании проблем безопасности в Северо-Восточной Азии.

В фокусе внимания участников ситуационного анализа оказались возможные перспективы урегулирования ситуации. Своими соображениями по этому поводу поделился аспирант ИДВ РАН **Р. Лобов**. Переговорный процесс, по его мнению, в настоящее время зашел в тупик. Хотя время от времени в Москве и Пекине высказываются предложения по активизации диалога, Вашингтон, Сеул и Токно в качестве его необходимого условия могут принять лишь полный отказ КНДР от ее ракетно-ядерной программы. А такой вариант, в свою очередь, неприемлем для Пхеньяна.

В рамках ситуационного анализа были рассмотрены сценарии возможного конфликта. В числе его потенциальных инициаторов эксперты назвали США вследствие ощущения бессилия от неэффективности санкций и непродуктивности дальнейших переговоров с Пхеньяном (**Р. Лобов**). Упоминались также КНДР или Китай, исходя из желания сдерживать западных оппонентов (**В. Хрусталёв**). **С. Летун** напомнил о стратегической выгоде первого удара в том случае, если война окажется неизбежной.

К. Асмолов предложил для обсуждения следующие варианты начала конфликта.

1. Выбор военного конфликта как лучшей альтернативы. К такому варианту может прийти американское руководство, если сделка с Севером будет равнозначна сокрушительному внутривнутриполитическому и репутационному поражению. Северокорейская власть пойдет на это в случае, если сочтет, что дело идет к войне и избежать ее нет никакой возможности.

2. «Маленькая победоносная война». В этом случае военный конфликт является средством решения внутривнутриполитических проблем.

3. Военное противостояние, развившееся из агрессивного ответа КНДР на провокацию в ее адрес, либо ситуация с эскалацией «ответов на провокации», когда ни одна из сторон не может «отыграть назад».

4. «Война по ошибке». Ситуация, при которой конфликт может начаться как в результате умышленной провокации на среднем или низшем уровне, так и в случае неверно интерпретированного сигнала.

Что касается хода военного конфликта, то политолог Д. Верхотуров высказал предположение, что на ограниченную войну никто не пойдет, и она очень быстро перерастет в полномасштабную. Для Севера и для его противников идеальным вариантом является удар «самым крупным калибром» с самого начала военных действий. Для КНДР логичен удар ядерным оружием по портам РК и базам США в Японии, чтобы максимально затруднить переброску войск на ТВД. США, по мнению К. Асмолова, выгоден сценарий уничтожения ключевых объектов ответного удара и инфраструктуры КНДР дальнебойным и высокоточным оружием без существенных наземных операций и навязывания войны на истощение с использованием преимущества военно-экономического потенциала, господства на море и воздухе.

Что касается тактических аспектов конфликта, то эксперты отметили высокий уровень неопределенности. Ряд преимуществ или недостатков, приписываемых той или иной стороне, не так очевиден, как кажется: опыта серьезных боевых действий последние 30 лет не имели ни те, ни другие.

В числе неочевидных моментов, способных оказать существенное влияние на ход столкновения, участники семинара выделили следующие:

1. Вероятность того, что удар РК и США сможет эффективно ликвидировать большинство средств северокорейского ответного удара с учетом большого количества ложных целей и разветвленной сети подземных сооружений.

2. Потенциальный ущерб Сеулу от обстрела дальнебойной артиллерией и РСЗО КНДР и способность артиллерии как Севера, так и Юга вести эффективное подавление огневых точек противника.

3. Наличие у КНДР достаточного количества топлива для того, чтобы реализовать свое преимущество в танках.

4. Морально-психологическое состояние армии и реальный уровень боевой подготовки как Севера, так и Юга. Оценки этих показателей сильно варьируются в зависимости от ангажированности экспертов.

5. Потенциальная реакция США на успешную атаку по их территории, которая может вызвать не столько «вьетнамский синдром», сколько «эффект Перл-Харбора», после которого могут быть пересмотрены критерии потерь и правила ведения войны.

В заключение дискуссии участники обсудили перспективы интернационализации войны. Р. Лобов напомнил, что в случае полномасштабного военного конфликта между КНДР и Республикой Корея командование вооруженными силами последней возьмет на себя Пентагон. Это, в свою очередь, повышает вероятность ограниченного участия в войне России и Японии. При этом Токио получит шанс проверить боеспособность Сил самообороны и окончательно изменить ситуацию, при которой политический инструмент этой страны ограничен лишь дипломатическими и экономическими мерами. К. Асмолов отметил, что с одной стороны, для США логично интернационализировать

конфликт, представив его как наказание страны-изгоя всем международным сообществом, а с другой, в случае инициирования конфликта «с Юга» Китай, не вступая в войну, может направить туда средства ПВО, инструкторов, а в критической ситуации — «добровольцев» из числа китайских корейцев.

Таким образом, подытожили эксперты, вероятность превращения «второй корейской войны» в третью мировую довольно высока.

Р. Лобов осветил некоторые последствия конфликта, способные негативно отразиться на национальных интересах и безопасности России, включая приток беженцев на территорию страны и ухудшение экологической обстановки в результате применения ядерного оружия или разрушения промышленных объектов КНДР, загрязнение акватории Японского моря и потенциальный ущерб Приморскому краю. Ситуация значительно ухудшается в случае успешной атаки на южнокорейские атомные электростанции, последствия которой могут быть сравнимы с Чернобылем или Фукусимой.

Участники семинара отметили, что Россия должна максимально воздерживаться от вовлечения в крупномасштабный военный конфликт. Однако к некоторым ситуациям необходимо начинать готовиться уже сейчас, поскольку неготовность российского Дальнего Востока к последствиям такого конфликта может иметь для нашей страны неприятные внутривнутриполитические последствия.

В этом контексте РФ следует одновременно работать по двум направлениям. Во-первых, приложить максимум усилий, чтобы конфликт не разразился — от «мер укрепления доверия» до возможных действий в рамках стратегии сдерживания. Во-вторых, необходимо начать комплекс мероприятий, направленный на обеспечение готовности в случае, если конфликт все-таки случится.

Такие действия должны осуществляться по трем направлениям: проверка готовности ПВО; проверка готовности МЧС: российские спасатели и специалисты могут принять участие в ликвидации последствий экологической и гуманитарной катастрофы на территории полуострова; разработка мер для борьбы с потенциальной экологической и гуманитарной катастрофой на собственной территории.

© 2017

*Подготовили А.Л. Патенова,
старший лаборант-исследователь
Центра корейских исследований ИДВ РАН,
Р. Н. Лобов, аспирант ИДВ РАН*

Рецензии

Чудодеев Ю.В. На земле и в небе Китая: Советские военные советники и летчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2017. 224 с.

В книге рассказывается о деятельности советских военных советников и летчиков-добровольцев, помогавших китайскому народу бороться с японскими милитаристами в 1937–1945 гг. Большой материал, приведенный в книге, позволяет судить о конкретной работе, которую проделали советские люди в Китае в те годы, об их самоотверженности и героизме, проявленных при выполнении нелегкой миссии.

Без преувеличения можно сказать, что автор книги значительную часть своей творческой жизни посвятил изучению конкретных форм помощи СССР Китаю в его сопротивлении японской агрессии и в целом процессу взаимодействия Советского Союза и КР в годы японо-китайской войны. Ю.В. Чудодеев избрал для исследования и освещения исторической действительности наиболее яркие страницы поддержки СССР китайского народа в его борьбе с японским милитаризмом. Показал всю сложность выработки Советским Союзом стратегии и конкретных форм поддержки КР и китайского народа в ситуации, чреватой нападением Японии на СССР в случае потери *status quo* между СССР и Японией.

Тема достаточно известная в мире историков и широкой общественности. Однако, читая данную работу, написанную профессионалом и человеком, не равнодушным к трагическим событиям периода японской агрессии в Китае, все события, связанные с помощью СССР Китаю в самые трудные для КР годы начала японо-китайской войны, принимают еще и эмоциональную окраску. Автору удалось вложить в строго историческое изложение обычно скрытые в сухих академических изданиях факты и события, характеризующие человеческие отношения и их влияние на ход истории, что сделало представленную работу более объективной, живой и интересной.

Ю.В. Чудодеев последовательно изучал данную тему, уделяя значительное внима-

ние подготовке и публикации в 1970-х — 1980-х годах сборников воспоминаний советских военных советников и летчиков-добровольцев: «На китайской земле», «В небе Китая», «Миссия в Китае», «По дорогам Китая» и др. Воспоминания и мемуары, а также выходявшие в СМИ военных лет статьи очевидцев событий — уникальный источниковедческий материал, к сожалению, неадекватно представленный в большинстве исторических исследований о Китае. Однако здесь он широко используется наряду с рассказами участников событий, с которыми встречался автор книги. Его впечатления от встреч и бесед с генерал-лейтенантом Советской Армии А.И. Черепановым, маршалом Советского Союза В.И. Чуйковым, генерал-лейтенантом инженерных войск А.Я. Калягиным, полковником С.Г. Константиновым, Героем Советского Союза Ф.П. Польшинным, генерал-лейтенантом авиации С.В. Слюсаревым усиливают достоверность суждений, характеризующих взаимоотношения советских военных советников с Чан Кайши, военным руководством, а также расширяют уже известную информацию о внутреннем положении в стране, о возможностях армии центрального и местных правительств КР к сопротивлению японской агрессии.

Отметим, что для автора книги характерен комплексный подход, имеющий своей целью создание всесторонней картины внутренней и внешней политики КР и советско-китайских отношений периода войны Сопротивления, которые рассматриваются с 1920-х годов. Ю.В. Чудодеев, обладающий глубокими знаниями истории Китая и советско-китайских отношений, один из создателей общей концепции истории периода японо-китайской войны, в целом сложившейся в последние годы, как показала работа двух последних международных научных конференций по проблемам японо-ки-

тайской войны, состоявшихся в России 2000-х годов, сделал в своей работе целый ряд интересных выводов. К примеру, он пришел к заключению, что работа военных советников в Китае не была бы столь тяжелой, если бы был своевременно обобщен опыт советской помощи Сунь Ятсену в 1920-е годы, когда Гуандунская революционная база и Гоминьдан в едином фронте с КПК в ходе Северного похода (1926–1928 гг.) сумели победить с помощью СССР и Коминтерна армии бэйянских милитаристов в борьбе за создание единого суверенного Китая. Высказывается интересная мысль о том, что кроме летчиков-добровольцев бок о бок с китайскими солдатами сражались советские специалисты и советники (с. 26). В пользу такого подхода свидетельствуют и приводимые в книге многочисленные факты большой активности советских военных советников в течение всего периода их пребывания в Китае, в том числе и на этапе пассивного сопротивления китайцев японской агрессии, последовавшего после первых двух лет активного сопротивления войск КР японской военщине. О превышении уровня обычной поддержки иностранными советниками военной политики государства, отражающего нападение противника, свидетельствуют и цитируемые автором неоднократные высказывания Чан Кайши, содержащие очень высокую оценку вклада советских военных советников и летчиков-добровольцев в борьбу с агрессором.

В книге хорошо представлена малоизученная тема состояния армий центрального и местных правительств, дана довольно низкая оценка боеспособности центральной и особенно местных вооруженных сил и раскрыты возникшие в связи с этим значительные трудности в деятельности советских военных советников всех уровней по преобразованию вооруженных сил КР в боеспособную армию, могущую противостоять капитуляции. Автор отследил формирование советской стороной советнического аппарата, централизовавшего деятельность военных советников всех уровней и на всей доступной территории страны, что способствовало качественному изменению вооруженных сил Китая (с. 35).

Именно по предложению штаба Главного военного советского советника гоминьдановское правительство приняло закон о введении в вооруженных силах КР всеобщей воинской повинности, который вступил в силу 1 января 1939 г. Закон значительно улучшил военное строительство в Китае. Кредиты, строительство дорог, обучение китайцев военному

делу в СССР и в КР, помощь советских летчиков-добровольцев в боях за Нанкин и эффективность их участия в обороне Ухани, подготовка летчиков — все это в конечном итоге дало свои результаты. Главным из них являлась, как пишет автор, неудача японцев в их стремлении добиться молниеносной войны — Blitzkrieg, которая гарантировала бы Японии победу. Однако этого не произошло, и прежде всего — по причине действий Советского Союза, единственного государства, пришедшего на помощь Китаю в его противостоянии японским захватчикам. Япония оказалась перед лицом затяжной войны, к которой не была готова, и которая в силу определенных причин была на руку Китаю.

В книге приводится конкретный материал о помощи советских военных советников в создании и развитии новых для китайского военного дела направлений, а именно: зенитной службы, радиослужбы, в обучении китайцев летному делу и др. Много новой интересной информации дается о советских врачах-добровольцах, о хороших добрых людях, помогавших по мере сил китайскому народу. Одним из них был советский посол в Чунцине Луганец-Орельский. Приводятся интересные сведения о деятельности в Китае подразделения советской внешней разведки. Ежегодно в 1938–1944 гг. в КР работали от 30 до 80 военных советников. Не очень большие цифры, однако, учитывая качество их работы и открытие с 1941 г. главного фронта Второй мировой войны в Европе, можно только удивляться факту оказания помощи СССР Китаю в такой напряженной для Советского Союза ситуации. Отметим также, что с помощью СССР были оснащены 40 из 246 китайских дивизий (с. 24). Автор поднимает новую тему — об отношении к советским советникам и летчикам-добровольцам китайских военных и китайского народа. Как следует из книги, отношение было разным. Среди китайских генералов были и недоброжелатели. В книге упоминается о диверсиях против советских специалистов, советников, летчиков во время их возвращения на Родину в 1943–1944 гг. Отношение Чан Кайши к представителям СССР в КР было уважительным. В народе преобладали дружеские чувства к советским людям в Китае. Автором представлены некоторые уточненные данные. Так, ряд советских летчиков-асов были награждены Золотым орденом Китайской Республики. В СССР 14 летчиков получили звание Героя Советского Союза. Погибли в Китае 236 советских летчиков. В советских авиашколах

было подготовлено 200 китайских летчиков. В целом, в течение 1937–1941 гг. Советский Союз направил в Китай более 1200 самолетов различных марок. Из них — 322 бомбардировщика и 575 истребителей.

В работе отмечены заслуги перед Отечеством компартии Китая, активная позиция которой способствовала прекращению гражданской войны между Гоминьданом и КПК накануне начала антияпонской войны. Сопrotивления, что сделало возможным вступление КР в японо-китайскую войну, сняло вопрос о капитуляции КР, способствовало созданию ситуации, в которой объединенные военные силы КР и КПК вместе противостояли агрессору. Как справедливо отмечается в книге, единый фронт Гоминьдана и КПК не был прочным, неоднократно нарушался то по вине Гоминьдана, то по вине коммунистов, однако сыграл свою положительную роль в расстановке сил внутри Китая и в системе международных отношений на Дальнем Востоке в целом.

О современном отношении китайской общественности к подвигам советских специалистов, советников и летчиков-добровольцев свидетельствуют упомянутая в очерках Ю.В. Чудодеева, изданная в 2015 г. в Ухани книга китайских авторов, переведенная на рус-

ский язык под названием «Орлы над Уханем» (в серии «Пилоты и самолеты»), а также возведение в ряде китайских городов мемориальных комплексов в память о советских людях, сражавшихся за Китай.

Вызывает интерес читателя Приложение, в котором содержатся воспоминания здравствующих ныне родственников погибших героев: о летчике Н.П. Матвееве, летчике-истребителе К.Т. Опасове, летчике Н.Н. Горбунове, а также подробная библиография по теме работы.

Как представляется, издание этой книги стоит отнести к важному моменту в развитии отечественной китаеведческой историографии: она написана на высоком научном уровне, вносит, как мы старались показать, новую информацию и выводы по некоторым важным направлениям. Кроме того, ее издание, приуроченное к 80-й годовщине начала Войны сопротивления китайского народа против японских захватчиков, придает ей дополнительную актуальность. Ее содержание свидетельствует о высоких моральных качествах советских людей, расширяет кругозор молодого поколения нашей страны и зарубежных стран, напоминает Китаю о славных традициях советско-китайского сотрудничества.

© 2017

*Н.Л. Мамаева, доктор исторических наук,
руководитель Центра изучения новейшей истории
Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН*

**Тённессон С. Объяснение восточноазиатского мира:
исследовательская работа. Копенгаген, 2017.**

**Tønnesson Stein. Explaining the East Asian Peace: A Research Story.
Copenhagen: Nias Press, 2017. 263 p.**

Рецензируемая книга норвежского историка Стейна Тённессона посвящена исследованию восточноазиатского мира и феномену его жизнеспособности. В своем исследовании автор пытается ответить на два основных вопроса: насколько прочным является мир в Восточной Азии и чем это можно объяснить.

Тённессон считает, что «вывод китайских войск с территории Вьетнама в марте 1979 г. ознаменовал начало мира в Восточной Азии», поскольку с тех пор не произошло ни одной новой войны между странами региона. Случались только инциденты и небольшие столкновения, гражданские войны также стали менее кровопролитными, чем раньше. Это подтверждается статистическими данными Упсальского университета, согласно которым доля смертей в Восточной Азии в период 1980–1989 гг. составила всего лишь 6,2% от общемировых, в то время как в период 1946–1979 гг. она составляла 80% (р. XI–XII).

Восточная Азия является одним из регионов, который определяется как географически смежный район, состоящий из государств, которые тесно связаны друг с другом и имеют некоторые совместные институты. Это единый регион, в котором слились комплексы безопасности Юго-Восточной Азии и Северо-Восточной Азии. Тённессон рассматривает Восточную Азию как регион, характеризующийся центральной ролью Китая и китайско-японских отношений, плотными сетями связей, бизнес-сетями, ориентированными на японские и корейские инвестиции, влиятельную китайскую диаспору, сложный комплекс мер безопасности, основанный на китайско-американском сотрудничестве и соперничестве.

В исследовании обращается внимание на то, что страны АСЕАН уже давно находятся в мире друг с другом. Это не демократический мир. Он основан на восприятии общих интересов между национальными лидерами в странах Юго-Восточной Азии. Следовательно, мир может быть крепким и долгим и без демократии, поскольку многие восточноазиатские страны не являются демократиями, а мир между немногими демократиями (Япония, Южная Корея и Тайвань) можно объяснить их приверженностью

к тому же лагерю в холодной войне. В связи с этим автор приходит к выводу, что идея экономической взаимозависимости могла бы более адекватно объяснить восточноазиатский мир.

Книга состоит из четырех глав: «Объяснение регионального мира», «Прогнозирование Китая», «Жизнеспособный мир», «Выводы».

В первой главе автор ставит задачу объяснить восточноазиатский мир. Тённессон определяет мир как «отсутствие вооруженного конфликта». В свою очередь, вооруженный конфликт определяется порогом в 25 смертей. Это означает, что если в регионе есть одна большая война с тысячами смертей, то это нельзя назвать миром. Однако регион может считаться мирным, даже если имеется несколько мелких вооруженных конфликтов. Конечно, такое определение мира довольно относительно, но автор исходит из того, что «это лучше, чем война, и может обеспечить лучшую основу для построения справедливого или более гармоничного общества» (р. 3–6).

По мнению автора, восточноазиатский мир связан с появлением *developmental state* (социальное государство), которое может быть определено как государство, управляемое определенной элитой развития с мощным экономическим бюрократизмом, слабым гражданским обществом и эффективными общественными и частными компаниями. Это не социалистическое государство. Его цель — процветать, конкурируя на глобальном капиталистическом рынке. Но это и не либеральное государство, поскольку оно активно продвигает свои деловые интересы за рубежом, а также вмешивается и «управляет» национальным рынком, а не просто обеспечивает макроэкономическое управление (р. 39).

Автор утверждает, что «японская модель» была первым примером такого государства, основные элементы которого впоследствии будут воспроизводиться снова и снова другими странами Восточной Азии. Под «японской моделью», прежде всего, имеется в виду стремление к внешнему и внутреннему миру в целях обеспечения экономического роста и тесное сотрудничество с США как самой могущественной державой в мире с крупнейшим

рынком и самыми передовыми производственными технологиями (р. 41).

Отчасти основы восточноазиатского мира были заложены Сан-Францисской системой безопасности, восстановившей суверенитет Японии. После восстановления суверенитета Япония, опираясь на «мирную» 9-ю статью конституции, стала достаточно независимой, чтобы противостоять давлению США перевооружиться и участвовать в американских войнах, зарекомендовав себя как демократическая, мирная и все более процветающая держава. Статья 9 позволила Японии избегать военных конфликтов почти семьдесят лет. Япония последовательно согласовывала свою внешнюю политику с Вашингтоном, а взамен получила возможность сосредоточиться на экономическом развитии, не тратя ресурсы на поддержание собственных вооруженных сил (р. 46).

Среди наиболее ярких примеров «японской модели» Тённессон выделяет Южную Корею и Китай. Южнокорейский диктатор Пак Чон Хи был глубоко вдохновлен японским примером. В 1965 г. он восстановил отношения с Японией, чтобы получить помощь и инвестиции. Пак избежал войны с Северной Кореей, но отправил войска во Вьетнам в обмен на масштабную помощь США и поставил Южную Корею на путь процветания, способствуя массовой индустриализации на хорошо управляемом рынке.

Наибольшим подражателем «японской модели», по мнению автора, был Китай. После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. новый китайский лидер Дэн Сяопин отказался от идеи Мао о том, что третья мировая война была неизбежной, провел ознакомительные поездки в Японию и США и поставил Китай на путь мира и развития. С 1979 г. Китай не участвовал в каком-либо вооруженном конфликте, за исключением ряда столкновений с Вьетнамом в 1980-х годах. Так начался поразительный экономический подъем Китая. Это не могло произойти без «японской модели» и активного участия Японии (р. 49).

В свою очередь, Вьетнам также стал подражать Японии, Южной Корее и Китаю после того, как М.С. Горбачёв объявил о перестройке реформах в СССР, дав понять вьетнамскому руководству, что помощи больше не будет.

Однако не все страны Восточной Азии перешли к политике приоритетности экономического развития. Например, Филиппины, Таиланд и Мьянма еще не смогли достигнуть консенсуса между основными внутривластными силами, чтобы сосредоточиться на экономическом росте, что помещало их правительствам преодолеть вооруженную оппозицию (р. 59).

По мнению Тённессона, эти исключения свидетельствуют о том, что успешный мир экономического развития зависит от таких факторов, как приоритет национальных лидеров, контроль над вооруженными силами, способность преодолевать внутренние вооруженные конфликты посредством репрессий или согласия. И, в первую очередь, это зависит от уверенности национальных лидеров в своей безопасности. Руководители должны быть уверены в своей безопасности, чтобы делать ставку на экономический рост, ориентированный на экспорт.

Таким образом, автор делает вывод, что отличие Восточной Азии от других регионов мира заключается в том, что многие страны перешли к политике приоритетности экономического развития и имели достаточный институциональный потенциал для проведения реформ и контроля над своим населением. Это позволило региону вступить в эпоху мира.

Во второй главе автор проводит обзор западной литературы о возможном будущем современного Китая с целью дать оценку достоверности прогнозов различных научных школ. Это связано с тем, что продолжающийся рост Китая является ключом к будущему восточноазиатского мира. Сам Тённессон склоняется к тому, что «китайское партийное государство будет поддерживать свою сплоченность, меняться, но без войн и революций» (р. 82).

Точность прогнозирования зависит от переменных, которые могут повлиять на будущее. Стабильность Китая во многом зависит от решений его руководства и судьбы экономики. На основе анализа разных подходов автор делает вывод, что главная цель «китайской мечты» Си Цзиньпина — добиться успеха Южной Кореи, а именно общества с высоким доходом. Страна с высоким доходом таких размеров, как Китай, сможет преодолеть любые сложности и стать надежной и уважаемой мировой державой. Однако, скорее всего, Си потерпит неудачу.

Тённессон разделяет взгляды некоторых исследователей в отношении личности китайского лидера. Он проводит интересные параллели между Си Цзиньпином и руководителями Советского Союза. Си и его советники изучили процесс, приведший к распаду Советского Союза. Си не хочет быть китайским Горбачёвым. Он также не хочет быть Брежневым, поддерживая разлагающуюся систему. Брежнев он, скорее, видит своего предшественника Ху Цзиньтао, который упустил время для реформ. Си больше похож на Юрия Андропова, который, возможно, спас бы Советский Союз, если бы не безвременная кончина в 1984 г. Но у Си есть пример Владимира Путина как возможная модель для подражания. Путин был слишком молод в 1980-х годах, чтобы спасти

Советский Союз, но с 1999 г. он получил шанс спасти Россию от обломков слишком поспешных неоллиберальных реформ, сумел преодолеть власть коррумпированных олигархов и построил высокоперсонализированный, авторитарный режим с солидной народной поддержкой, не в последнюю очередь потому, что он осмелился противостоять Западу (р. 136).

Исследователи Китая, как правило, подчеркивают личную роль Си Цзиньпина. Он изменил политическую систему Китая путем централизации власти. В качестве «основного лидера» он теперь обладает большей личной властью, чем любой из его предшественников со времен Дэн Сяопина. Мао и Дэн обладали большей властью, чем Си сегодня, и использовали ее для осуществления более радикальных изменений, но у них не было ни способности, ни личной склонности погружаться в повседневные дела (р. 140).

Си Цзиньпин отличается от Мао и Дэна. Вместо того чтобы делегировать обязанности, он стал председателем всех основных ведущих групп в партии. Когда Си был избран руководителем Коммунистической партии Китая, трудно было предсказать, что он будет действовать совершенно иначе, чем осторожный Ху Цзиньтао. Можно предположить, полагает автор, что Си будет использовать свою власть для проведения структурных реформ, если она будет подтверждена на следующем съезде партии.

С другой стороны, если Си получит поддержку еще на пять лет, вопрос заключается в том, будет ли он уважать сложившийся обычай и управлять посредством коллективного процесса принятия решений или вместо этого попытается увековечить свое правление, выбрать наследника и создать новую должность для себя в качестве главного советника.

Еще одна переменная, которую отмечает автор, — это судьба экономики Китая. Ключевым фактором может быть не экономическая зависимость как таковая, а экономические ожидания. Автор считает, что торговая война с США может придать импульс китайским структурным реформам. Любая потеря доступа к рынкам в США нанесет большой ущерб китайской экономике, но в то же время она может позволить Си преодолеть внутреннее сопротивление реформам, направленным на стимулирование внутреннего рынка (р. 141).

В отношении различных моделей и прогнозов, основанных на статистическом моделировании, Тённессон высказывает мнение, что они станут более достоверными, когда в них будут загружены более точные данные. Тем не менее, они не смогут предсказать самые неожиданные изменения, поскольку наиболее важные для прогнозирования вещи являются

непредсказуемыми. Прогнозировать глобальные вооруженные конфликты можно с определенной степенью уверенности, только если Китай предсказуем. Точные прогнозы возможны только в том случае, если аналитики включают в свои модели такие переменные, как положение руководителей страны и их стиль принятия решений (р. 142).

В третьей главе автор пытается ответить на критику со стороны исследователей, оспаривающих его утверждение о наличии мира в Восточной Азии. В качестве аргумента большинство критиков приводят в пример ситуацию вокруг Корейского полуострова, утверждая, что «сегодняшнее отсутствие войны между государствами Восточной Азии опирается на военное сдерживание, а не на доверие или сотрудничество, а внутренний мир во многих случаях достигается только посредством суровых репрессий» (р. 147).

Однако Тённессон настаивает, что современный мир в Восточной Азии, несмотря на все его недостатки, позволил значительно улучшить жизнь людей посредством экономического развития. Например, Северная Корея живет сегодня гораздо лучше, чем в годы Корейской войны (1950–1953). То же самое можно сказать о Китае. Страдания предыдущих поколений почти немыслимы для сегодняшних молодых китайцев. Следовательно, для проведения причинно-следственного анализа необходимо пользоваться более узкими определениями. В конкретном случае Восточной Азии сокращение вооруженных конфликтов, измеряемое, прежде всего, в количестве смертей, по его мнению, является наиболее точным определением мира (р. 149–150).

Разбирая факторы, способствующие дестабилизации региональной и глобальной безопасности, автор прежде всего указывает на принятие в 2015 г. японским правительством новых законов по обороне, поскольку это открывает дорогу к участию Японии в американских войнах. Автор считает, что принятие указанных законов сводит на нет позитивную роль ст. 9 в поддержании восточноазиатского мира.

Тённессон не согласен с профессором Университета Киото Сангё, в прошлом кадровым дипломатом Кадзухико Того (в книге — Кадзухиро), который считает, что «чрезмерный пацифизм» ст. 9 не отвечает современным реалиям международной политики. Тённессон утверждает, что доводы К. Того противоречат главному аргументу его книги о том, что «статья 9 обеспечила мир не только для Японии, но и для всего региона. Исследователи и аналитики уделяют слишком много внимания, — пишет он, — стремлениям японских политиков к идентичности как нормального государства.

Самое главное, в региональном контексте, — это не стремление Японии к новой идентичности, а роль, которую ее нынешняя идентичность сыграла в содействии региональному миру. Статья 9 внесла большой вклад в обеспечение мира в Восточной Азии, уменьшив чувство незащищенности среди соседей Японии и создав модель мирного развития. Защита и уважение статьи 9 важны не только с точки зрения обеспечения безопасности Японии, это крайне важно для поддержания региональной и глобальной безопасности» (р. 162–163).

Довод К. Того о том, что «Япония должна играть свою роль в классической концепции баланса сил», на первый взгляд, кажется разумным. Тем не менее, этот аргумент весьма проблематичен. В связи с тем, что Соединённые Штаты являются доминирующей военной державой в мире и считают себя ответственными за поддержание мирового порядка — с применением силы, когда это необходимо, не обращая внимания на резолюции Совета Безопасности ООН, японское обещание сыграть свою роль в поддержании регионального баланса сил может привести к тому, что Вашингтон будет ожидать от Японии помощи в его полицейской деятельности в мире. Это особенно тревожно в свете изменения политики Китая в направлении осуществления своего права на активную защиту своих интересов и принципов — как в своем регионе, так и во всем мире. Когда Япония готова реализовать свое право на коллективную самооборону, она может чувствовать себя вынужденной участвовать в военных действиях США везде, где они происходят в мире, если они будут представлять угрозу для выживания Японии. Таким образом, Япония больше не может успокоить или вдохновить другие державы как «мирная держава». Некоторые страны, такие как Россия, Китай и Северная Корея, будут считать вооруженные силы Японии угрозой для своей безопасности и учитывать это эмоционально и рационально» (р. 164).

Другим фактором, способствующим подрыву восточноазиатского мира, автор считает распространение оружия. В последние годы страны Восточной Азии вкладывали значительные средства в расширение и модернизацию своих вооруженных сил, используя новые логистические технологии и системы вооружений. «Рост военных расходов является одновременно признаком и причиной растущего восприятия угрозы. Если это приведет к гонке вооружений, мы будем в реальной опасности» (р. 166).

В итоге автор констатирует, что существует много причин для пессимизма в отношении жизнеспособности восточноазиатского мира.

В четвертой, заключительной, главе Тённессон отмечает ухудшение межгосударст-

венных отношений, обусловленное несколькими тревожными тенденциями:

— во-первых, очевидное ускорение перехода власти от Соединённых Штатов к Китаю в результате того, что финансовый кризис 2008 г. сильно ударил по США и Европе, в то время как Китай поддерживал быстрый экономический рост;

— во-вторых, частичное возвращение к системе блокового противостояния, характерной для эпохи холодной войны;

— в-третьих, драматическое наращивание военных возможностей рядом стран региона. Многие государства Восточной Азии выделяют растущую долю своих огромных экспортных доходов на инвестиции в современное вооружение. Стремительная милитаризация и гонка вооружений в любой момент может привести к серьезному региональному конфликту;

— в-четвертых, рост националистических настроений в сочетании с конфликтами по историческим и территориальным вопросам. Китайский национализм направлен против Японии и Запада, которые унижали Китай в 1839–1945 гг.

— в-пятых, замедление экономического роста. Одни аналитики считают, что китайская экономика может совершить «жесткую посадку», в то время как другие опасаются, что ее может постигнуть та же участь, что и Японию: долгосрочная стагнация. Все это может привести к тому, что руководство восточноазиатских стран сосредоточится на других целях, таких, как борьба с терроризмом, обеспечение выживаемости режима, установление контроля над «потерянными» национальными территориями и т.д. (р. 198–204).

В связи с появлением вышеупомянутых тревожных тенденций в Восточной Азии автор выдвигает десять предложений, которые, по его мнению, могут оказаться полезными для того, чтобы создать основы для межгосударственного и внутригосударственного мира во всей Восточной Азии.

Тённессон считает, что страны Восточной Азии могут инициировать процесс аналогичный Хельсинскому (1975). Для этого необходимо выполнить некоторые из следующих шагов:

1. Установить «зеленое развитие» главным приоритетом. Экологическое развитие должно прийти на смену экономическому, которое уже исчерпало свои возможности. Изменение климата может способствовать глобальному миру, поскольку спасение планеты требует совместных усилий большинства стран. Чтобы спасти страну от загрязнения и глобального потепления, Китай должен поддерживать своей доктрины мирного развития. Политика «зеленого развития» может спо-

собствовать надежде на лучшее будущее, а также снизить риск как внутренних, так и международных войн.

2. *Создавать новые формы взаимоотношений.* Например, заменить альянсы на партнерства, основанные на уважении политических систем и основных интересов друг друга. Чтобы сделать компромисс возможным, США, Китай и Япония должны расширять контакты между своими вооруженными силами, проводить совместные учения, участвовать в миротворческой деятельности ООН, проводить совместные операции по борьбе с пиратством, сотрудничать в борьбе с транснациональной преступностью и распространением оружия, а также готовиться к совместным поисково-спасательным операциям.

3. *Использовать неформальную дипломатию.* Транснациональные людские сети, которые имеют доступ к лицам, принимающим решения, могут эффективно содействовать миру.

4. *Укреплять национальное и международное право.* Законы не создают мира, но они могут сделать его более жизнеспособным, обеспечивая ясность правил и стоимости участия в незаконных акциях как на национальном, так и на международном уровне.

5. *Создавать региональные институты.* Следует активизировать роль АСЕАН в содействии урегулированию конфликтов и их разрешению внутри государств-членов и между государствами-членами. Трехсторонние встречи на высшем уровне между Китаем, Японией и Южной Кореей должны не просто обсуждать их экономическую интеграцию, но также искать пути вовлечения в нее Северной Кореи.

6. *Согласовать историческую идентичность.* Следует стимулировать процессы примирения, учредить комиссии по установлению истины как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровнях. Если японский император совершит путешествие по примирению в Сеул, Пхеньян, Нанкин и Сингапур, это может открыть новые возможности для регионального мира.

7. *Вовлечь Северную Корею.* Правительство Южной Кореи должно возродить политику «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуня в отношении Северной Кореи. Северная Корея должна объявить мораторий на испытания ядерного и ракетного оружия, а затем без каких-либо предварительных условий США

должны вступить в переговоры, направленные на мирный договор, формально положить конец корейской войне и установить дипломатические отношения между всеми сторонами.

8. *Углубить интеграцию по обе стороны пролива.* Пекин и Тайбэй должны продолжать экономическую интеграцию. Инициировать постоянный политический диалог между материком и правительством Тайваня для выработки новых интегративных предложений, а также предоставить правительству Тайваня дипломатическую роль вместе с КНР на международных форумах как на региональном, так и на глобальном уровнях.

9. *Создать федеральный мир.* Китай, Япония, США и ЕС должны координировать свои усилия по привлечению внимания и поддержке к незаконченным мирным процессам на Филиппинах и в Мьянме, а также на юге Таиланда. Если Таиланд, Филиппины и Мьянма смогут добиться внутреннего мира, и новые внутренние конфликты не будут развиваться в других странах, то в Восточной Азии не останется ни одного внутреннего вооруженного конфликта.

10. *Содействовать мирным ценностям.* Общества, ценящие гендерное равенство и защищающие права этнических, религиозных и сексуальных меньшинств, вряд ли будут жестокими. Следует обратить внимание на темную сторону восточноазиатского мира, которая угрожает его жизнеспособности: насильственные репрессии, внесудебные убийства, домашнее насилие в отношении детей и женщин, смертная казнь, пытки и неуважение к культурным и другим правам этнических и религиозных меньшинств (р. 216–225).

Изложенная в рецензируемой книге позиция отличается оригинальностью подхода, глубиной анализа и богатством охваченного материала. Исследование Стейна Тённесона, его предложения по обеспечению жизнеспособности восточноазиатского мира являются весомым вкладом в изучение проблемы поддержания мира и безопасности в Восточной Азии. Этот очевидный факт, а также богатый фактический и аналитический материал, содержащийся в работе, делает монографию С. Тённесона полезной и привлекательной для всех, кто интересуется международными отношениями и проблемой безопасности в Восточной Азии.

Юбилей ученого

Юбилей Элеоноры Петровны Пивоваровой



10 сентября 2017 г. был отмечен юбилей видного российского китаеведа, главного научного сотрудника Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН, профессора Элеоноры Петровны Пивоваровой (литературный псевдоним — Э. Корбаш). В 1959 г. Элеонора Петровна с отличием окончила экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «экономика зарубежных стран». В 1959–1960 гг. она продолжила учебу на факультете китайского языка в Пекинском университете и на факультете политической экономии в Народном университете Китая.

С 1961 по 1988 г. работала в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР в качестве младшего, а затем старшего и ведущего научного сотрудника. С февраля 1988 г. по настоящее время Э.П. Пивоварова — главный научный сотрудник ИДВ РАН. Одновре-

менно она является председателем Диссертационного совета по специальности Мировая экономика (экономические науки) при Институте Дальнего Востока РАН.

Путь юбиляра в науке отмечен многими учеными степенями и почетными титулами: кандидат и доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН (1994 г.) В 2001 г. Элеонора Петровна была включена в Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы. Избиралась вице-президентом Всесоюзной ассоциации китаеведов (1988–1992 гг.) и вице-президентом Европейской ассоциации китаеведов (1990–1992 гг.)

Э.П. Пивоварова имеет богатый опыт научной деятельности за рубежом: стажировалась в Пекинском университете (1985–1986 гг., 1990–1991 гг.), а также в Гарвардском, Колумбийском, Стэнфордском, Калифорнийском (Беркли) университетах США (1991–1992 гг.), работала в библиотеках Лондона и Конгресса США; неоднократно выступала на международных научных конференциях и симпозиумах, в том числе в Великобритании, Германии, Нидерландах, Франции, Испании, Италии, Польше, Монголии, Китае, США, Сингапуре.

Основные направления исследований Э.П. Пивоваровой — экономическая теория, социально-экономическая политика, проблемы рыночных преобразований в КНР. По этим темам она опубликовала свыше 240 научных работ, в том числе 6 авторских мо-

нографий. Некоторые из них переведены на английский, болгарский, венгерский, испанский, китайский, хинди и другие языки мира.

Э.П. Пивоварова уделяет особое внимание изучению новых или мало исследованных явлений социально-экономической жизни КНР. Опубликованная ею в 1968 г. монография «Проблема темпов и пропорций развития промышленности КНР» посвящена выявлению факторов развития китайской экономики в период «большого скачка», «народных коммун» и последовавшего за ними «урегулирования». В вышедшей в свет в 1971 г. монографии «Экономические “теории” маоизма» автор проанализировала теоретическую подоплеку курса «трех красных знамен» и политики «культурной революции», которые, как признается в современном Китае, нанесли большой вред развитию страны. В монографии «Теория и практика экономического строительства в КНР» (1981) Э.П. Пивоварова, анализируя новые тенденции в политике страны, пришла к выводу, что возможной моделью дальнейшего развития Китая может стать «смешанная экономика», в которой рынок сочетается с государственным регулированием. Этот прогноз нашел подтверждение в практике последующих рыночных преобразований в КНР, анализу которых посвящены ее монографии «Строительство социализма со спецификой Китая. Поиск пути» (1992), «Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска» (1999), «Социализм с китайской спецификой» (2011).

Особое внимание Э.П. Пивоварова уделяет исследованию социального аспекта рыночных преобразований в КНР. Она является ответственным редактором и одним из авторов коллективного сборника ИДВ РАН «Социальное измерение экономической реформы в КНР (1978–1997 гг.)» (1998), коллективной монографии «Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.)» (2004).

Результаты исследований Э.П. Пивоваровой неоднократно направлялись в государственные законодательные и исполнительные органы, широко используются в научных исследованиях, в учебном процессе российских вузов. Важны и актуальны ее работы в плане учета зарубежного опыта при разработке экономической стратегии России в XXI веке.

Э.П. Пивоварова внесла большой вклад в подготовку кадров российских и зарубежных ученых-востоковедов. Она подготовила восемь кандидатов и одного доктора экономических наук, безотказно консультирует тех, кто обращается к ней за помощью. На возглавляемом ею Диссертационном совете при ИДВ РАН с 1997 по 2012 г. было рассмотрено и защищено 47 диссертаций (13 докторских и 34 кандидатских) по специальности 08.00.14 — Мировая экономика.

В 2006 г. Пивоварова была удостоена премии имени Михаила Ломоносова с вручением золотой медали за заслуги и большой личный вклад в развитие отечественной науки.

Результаты плодотворной научной деятельности Элеоноры Петровны неоднократно отмечались дирекцией ИДВ РАН.

Элеонору Петровну Пивоварову отличает творческий подход к изучаемым проблемам, большое трудолюбие, добросовестность и принципиальность. Высокий научный авторитет, энергия и жизненный оптимизм в сочетании с отзывчивым характером и готовностью поделиться с коллегами своими глубокими знаниями по Китаю принесли ей заслуженное уважение в коллективе.

Сотрудники и коллеги от души поздравляют Элеонору Петровну с юбилеем и желают ей крепкого здоровья, благополучия и новых достижений на благо отечественной науки!

*Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

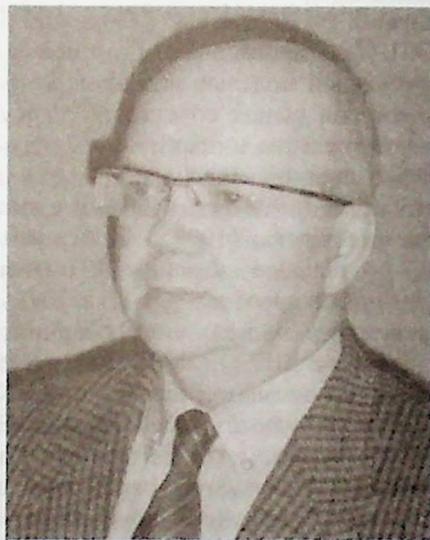
Виктору Николаевичу Павлятенко — 70 лет

Виктор Николаевич Павлятенко родился 16 августа 1947 г. в г. Балтийске Калининградской области. По окончании средней школы № 1 г. Магадана в 1965 г. поступил на Восточный факультет Дальневосточного государственного университета в г. Владивостоке, который окончил в 1971 г. по специальности «востоковед-филолог, референт-переводчик со знанием японского и английского языков».

Трудовую деятельность Виктор Николаевич начал в должности младшего научного сотрудника в секторе истории стран Дальнего Востока Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР. В 1972 г. он поступил в очную аспирантуру Института Дальнего Востока АН СССР, которую окончил в 1975 г. по специальности «История международных отношений и внешней политики». В 1978 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Японская буржуазная историография истории формирования российско-китайской границы».

С 1976 по 1993 г. В.Н. Павлятенко посвятил себя углубленному исследованию проблем международных отношений в Восточной Азии во Всесоюзном научно-исследовательском институте комплексных проблем, где прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя начальника отдела. В 1993 г. был принят на работу в Институт Дальнего Востока РАН на должность заместителя руководителя Центра японских исследований, а с 1995 по 2008 г. возглавлял указанный центр. С 2009 г. по состоянию здоровья Виктор Николаевич перешел на должность ведущего научного сотрудника Центра японских исследований, которую занимает и сегодня.

Круг научных интересов В.Н. Павлятенко определяется комплексом проблем, характеризующих современный этап всеобъемлющего развития Японии — одной из ведущих мировых экономик и одного из главных геополитических игроков в Восточной Азии. Эти проблемы включают вопросы внутривнутриполитического развития и политической стабильности руководства страны, тенденции развития японского общества, внешнеполитическую стратегию, оборонную политику, долгосрочные планы становления Японии как одного из мировых лидеров. В своей научной деятельности В.Н. Павлятенко уделяет особое внимание всестороннему исследованию российско-японских отношений как одному из важнейших факторов формирования внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии России в АТР. Главный исследовательский принцип — комплексный анализ проблем развития Японии и направлений ее политики в сочетании с формированием



ситуации в АТР в целом. Особое место при этом занимают проблемы региональной безопасности и военно-политической стабильности.

В.Н. Павлятенко подготовил и опубликовал в СССР/России и за рубежом около 150 научных материалов — статей, разделов и глав в сборниках, отечественных и зарубежных коллективных монографиях.

Он принимает активное участие в программе международных обменов ИДВ в составе делегаций экспертов Института, индивидуально с лекциями и докладами выступает на международных конференциях и других научно-практических зарубежных и отечественных мероприятиях в Японии, КНР, Республике Корея, Франции, США, Аргентине, Малайзии и ряде других стран. В течение многих лет В.Н. Павлятенко является членом Ученого совета ИДВ РАН, на протяжении длительного периода входил в состав редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока». Он — член редсоветов академического издания «Япония. Ежегодник», ежегодного сборника статей «Актуальные проблемы современной Японии», выпускаемого Центром японских исследований. В.Н. Павлятенко был руководителем ряда научных проектов, подготовленных в Центре японских исследований в последние годы.

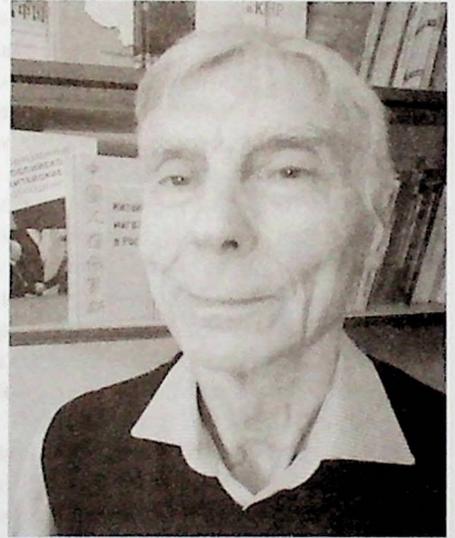
Виктор Николаевич ведет большую научно-практическую работу в ряде отечественных общественных организаций в целях реализации исследовательских проектов на практике. Он является членом Азиатско-Тихоокеанского совета по безопасности в АТР (МИД России), долгое время входил в правление Межрегиональной общественной организации «Ассоциация японоведов», был членом президиума Российско-японского комитета XXI века, членом правления «Общества Россия — Япония», ведущим экспертом Центра стратегических разработок, экспертом Российского совета по международным делам (РСМД) и др.

В.Н. Павлятенко ведется большая и плодотворная работа в отечественных и зарубежных СМИ по разъяснению и обоснованию общей политической линии нашего государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также позиции России в двусторонних российско-японских отношениях. Особого внимания заслуживают его выступления по российско-японской территориальной проблеме в теле- и радиоэфире.

Дирекция, профсоюзный комитет и коллеги по работе Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют Виктора Николаевича Павлятенко с юбилеем и искренне желают ему доброго здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов.

85-летие Александра Георгиевича Ларина

Александр Георгиевич Ларин родился 29 сентября 1932 г. в Москве. В 1954 г. окончил Московский институт востоковедения по специальности «страновед по Китаю». В 1954–1955 гг. работал переводчиком на Выставке достижений народного хозяйства СССР в КНР. Затем занимался журналистикой, публиковался в «Комсомольской правде», «Огоньке», «Московском комсомольце», «Молодой гвардии». В 1957–1958 гг. проходил стажировку в Пекинском и Народном университетах Китая. В 1960 г. поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, а в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию, на основе которой подготовил монографию «Вопросы моделирования процесса “текст — грамматика” (на материале китайского и русского языков)».



В 1971–1972 гг. работал старшим научным сотрудником в Институте международного рабочего движения АН СССР. С 1972 г. он трудится в ИДВ РАН.

В начале 1990-х годов А.Г. Ларин стал руководителем проекта тайваньских исследований. Опубликовал монографии «Два президента, или путь Тайваня к демократии» (2000) и «Президент, или демократия с тайваньской спецификой» (2004), а также серию статей по тайваньской проблеме.

В 1990-е годы Александр Георгиевич начал изучение истории китайской эмиграции в СССР/России, а в 1994–1995 гг. получил возможность работать с архивными материалами МИД Китайской Республики, хранящимися в Институте новой истории Academia Sinica (Тайбэй). В 2000-х годах рамки темы были расширены, охватив современную проблематику китайской миграции в РФ и эмиграционно-диаспоральную политику КНР в международном масштабе. Итогом работы стали монография «Китайские мигранты в России. История и современность» (2009) и раздел о китайских мигрантах в России в энциклопедическом справочнике Handbook of Chinese Diaspora, вышедшем в издательстве Routledge (2012).

В последние годы Александр Георгиевич исследует проблематику Экономического пояса Шелкового пути, является составителем и одним из авторов сборников «Новый Шелковый путь и его значение для России» (2016) и «Современные российско-китайские отношения» (2017). Комментарии А.Г. Ларина по вопросам внешней политики КНР регулярно публикуются в «Независимой газете».

Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Александра Георгиевича с юбилеем и желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в его многогранной научной деятельности.

Юбилей Тамары Александровны Каргановой



Знаменательный юбилей Тамары Александровны Каргановой совпал с очередной годовщиной ее поступления на работу в ИДВ РАН, где она трудится без малого полвека, с сентября 1970 г.

Тамара Александровна окончила Институт восточных языков по специальности филолог-востоковед с корейским и английским языками, а в 1980 г. — курсы при МГПИИЯ им. М. Тореца, где приобрела еще одну специальность — переводчика-синхрониста. В Институт Дальнего Востока АН СССР (РАН) Тамара Александровна пришла как стажер-исследователь. Затем последовали должности младшего научного сотрудника, переводчика-консультанта, старшего переводчика-консультанта, руководителя Отдела международных научных связей — «министра иностранных дел ИДВ».

Т.А. Карганова была переводчиком совместных научных проектов ИДВ РАН с Университе-

том Дж. Вашингтона (США), Институтом оборонных исследований (Индия), Стэнфордским университетом (США), Ханьянским университетом (Республика Корея) и др. Всего в ее активе более сотни таких мероприятий. В настоящее время она как переводчик ведет международный научный проект «Россия — Китай — Индия: проблемы и перспективы сотрудничества в вопросах развития и безопасности». Кроме этого, Тамара Александровна переводила много статей иностранных авторов для журнала «Проблемы Дальнего Востока» и коллективных монографий ИДВ РАН.

Есть у Тамары Александровны и опыт художественного перевода. В 1984 г. вышел сборник «Современная филиппинская новелла», а затем еще две книги с ее переводами.

Отмечая замечательные профессиональные достижения Тамары Александровны, все коллеги и друзья высоко ценят ее прекрасные человеческие качества — готовность помочь, тонкое чувство юмора, доброту и участие к окружающим.

Дорогая Тамара Александровна, поздравляем Вас с юбилеем и желаем отличного здоровья, творческого задора, дальнейших профессиональных успехов!

*Дирекция и коллектив ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Игорю Алексеевичу Высоковскому — 60 лет



Игорю Алексеевичу Высоковскому, известному японоведу и востоковеду, проработавшему в Институте Дальнего Востока РАН 37 лет, исполнилось шестьдесят. Для ученого юбилей весьма достойный повод не только для подведения промежуточных итогов, но и для выбора новых ориентиров, активного проявления приобретенного опыта и творческого потенциала.

Игорь Алексеевич окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности востоковед-экономист, референт-переводчик со знанием японского языка.

В Институт Дальнего Востока он пришел 1 сентября 1980 г., сразу после окончания вуза. Начав работу, как большинство новичков, с должности стажера-исследователя, прошел путь от младшего научного сотрудника сектора международных проблем до занимаемого сегодня поста заместителя

директора ИДВ РАН по социально-экономическим вопросам.

В июне 1988 г. после успешной защиты диссертации Игорю Алексеевичу Высоковскому была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. Тема его диссертации «Роль средств массовой информации Японии в процессе формирования внешнеполитического курса в отношении КНР» актуальна и сегодня. Причем эта научная работа появилась в тот период, когда исследования влияния современных массмедиа на формирование международной и внутренней политики государств Восточной Азии только начинались.

И.А. Высоковский опубликовал около 100 научных статей. Участвовал в десятках международных и отечественных научно-практических конференциях, форумах, «круглых столах», симпозиумах, много работал с зарубежными делегациями.

В настоящее время, в какой-то мере пожертвовав творческими научными поисками, Игорь Алексеевич успешно занимается такой сложной и важной сферой административной деятельности, как формирование финансово-экономической политики ИДВ РАН.

Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Игоря Алексеевича Высоковского с юбилеем и желают ему крепкого здоровья и успехов в работе.

Contents

ROUND TABLE AT THE IFES RAS

Actual Problems of Contemporary Russian-Chinese Relations

POLITICS

V. Rodionov, D. Buraev. Presidential Elections in Mongolia in 2017: Foreign Policy Aspects

D. Kuznetsov. About the Relationships between the US and China in the Initial Period of Trump's Presidency

Liang Zhenpeng. New Concept of China's Security and Its Practices within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization in the 21st Century

VIEW POINT

K. Asmolov. Situation around the Korean Peninsula: Time to Make Difficult Choice

G. Toloraya. Choice or Deferred Choice?

L. Sergeev. The Korean Peninsula: Walking in Circles (Commentary)

ECONOMY

P. Kamenov. Russian-Chinese Scientific and Technical Cooperation

L. Zakharova. Labour Migration from North Korea as an Important Direction of Its Foreign Economic Relations

E. Zaklyazminskaya, Chen Xiao. The Development of Inbound Tourism in China: Economic Aspect

I. Chubarov. Geography of Conjunction: Regional Policy of the PRC and Spatial Development of the EAEU Countries

ENVIRONMENT

N. Prokhorova. China: Towards Eco-Friendly Hydropower

STATE AND SOCIETY

A. Semyonov. Prospects for the Development of the Principles of Meritocracy in the PRC's Political System

HISTORY

A. Kuznetsov. Professor Shi Lugo, Yunnan Expedition and the Formation of Anthropology in China (The 130th Anniversary of S.M. Shirokogoroff)

A. Ipeeva. Consulate of Japan in Novosibirsk in 1920–1930 (On the Documents of the State Archive of the Novosibirsk Oblast)

CULTURE

Ji Yuesheng. Formation and Implementation of China's Foreign Cultural Policy in the Context of Globalization

SCIENTIFIC EVENTS

A. Polenova, R. Lobov. The IFES RAS and The IAAS MSU: the Joint Situational Analysis

BOOK REVIEW

N. Mamaeva. Chudodeev Yu. On the Ground and in the Sky of China: Soviet Military Advisers and Pilots-Volunteers in China during the Sino-Japanese War of 1937–1945.

V. Kuzminkov. Tønnesson Stein. Explaining the East Asian Peace: A Research Story.

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of Eleonora Petrovna Pivovarova

Victor Nikolaevich Pavlyatenko — 70

Alexander Georgievich Larin — 85

Jubilee of Tamara Alexandrovna Karganova

Igor Alexeevich Vysokovskiy — 60

Contents

Summary

Summary

V. Rodionov, D. Buraev. Presidential Elections in Mongolia in 2017: Foreign Policy Aspect

The paper provides an analytical review of the presidential elections in Mongolia held in 2017. The emphasis of the study is focused on the foreign policy aspects of the election campaign. The main foreign policy topics during the election period were the relations with Russia, China and foreign investors. Rapprochement with Russia was supported unanimously by all candidates. However, "China issue" turned to be the most heated debates, due to complex problems in Mongolian-Chinese relations.

Key words: Mongolia, Russia, China, elections, president, foreign policy

D. Kuznetsov. About the Relationships between the US and China in the Initial Period of Trump's Presidency

The article considers the relationship between the US and China in the initial period of D. Trump's presidency, contains an analysis of changes in the rhetoric of the statements of the U.S. President against China. The author also touches on "sensitive" topics in the U.S.–China relations: trade and economic frictions, the situation in the South China and East China seas, the issue of Taiwan, the rigid position of the United States against North Korea, etc.

Key words: USA, PRC, Donald Trump, relations between the US and China.

Liang Zhenpeng. New Concept of China's Security and Its Practices within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization in the 21st Century

The article provides a new concept of China's national security in the 21st Century and its practice within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The values of cooperation in the spheres of security, economics and humanism among the member countries are analyzed, a new concept of security in these spheres is justified.

Key words: China, national security, SCO, security cooperation, economic cooperation, humanitarian cooperation.

K. Asmolov. Situation around the Korean Peninsula: Time to Make Difficult Choice

The North Korean nuclear test and the IBM launch drew a line under a period of uncertainty, when the great powers could expect that the nuclear issue on the Korean Peninsula will resolve itself. In this situation, the DPRK, the United States, China, Russia, South Korea and Japan face inescapable and unpleasant choice. The article analyzes the causes and consequences of such a choice and the factors that can affect it.

Key words: nuclear weapons, North Korea, geopolitics, security, the choice of the greater or lesser evil.

G. Toloraya. Choice or Deferred Choice?

Under debate with the previous article of K. Asmolv, the author expresses an opinion about the current situation and solutions of the North Korean nuclear issue, analyses the positions of key participants from the view of the perspective for security in North East Asia.

Key words: missile and nuclear issues of the DPRK, controversy, problem choice, regional security.

P. Kamennov. Russian-Chinese Scientific and Technical Cooperation

The article examines main trends of Russian-Chinese scientific and technical cooperation in the early 21st Century and its meaning for innovation development. The article notes activity, comprehensive character and variety of forms of scientific and technical exchange between the two countries. According to the author the main problems of cooperation are differences in views on the role of science in modern society, unsatisfactory results of reforming the Russian Academy of Sciences in 2013–2016, insufficient funding of Russian science.

Key words: scientific and technical cooperation, Russian Academy of Sciences, fundamental science, applied science, innovation, intellectualization of production.

L. Zakharova. Labour Migration from North Korea as an Important Direction of Its Foreign Economic Relations

The article analyzes the current situation of temporary labour migration from the DPRK, significance of this cooperation form for North Korea's economy, and its prospects taking into consideration the existing sanctions regime of the UN Security Council. The author reviews assessments on the current scale and structure of labour exports from the DPRK.

Key words: DPRK, economy, cooperation, labour migration, workforce, sanctions.

E. Zaklyazminskaya, Chen Xiao. The Development of Inbound Tourism in China: Economic Aspect

Since 2006 China ranks 4th in the number of arrivals of tourists, since 2015 it ranks 2nd in income from tourism. The article gives general characteristics of the Chinese inbound tourism market, discusses its economic effects after 1978, estimates measures to stimulate the tourism industry in all aspects and its importance for the economy of the country.

Key words: China, national economy, inbound tourism.

I. Chubarov. Geography of Conjunction: Regional Policy of the PRC and Spatial Development of the EAEU Countries

The EAEU countries have a long border with China and are included in three of the six international economic corridors proposed by the PRC. The purposes of the "belt and road" do not contradict the basic provisions of the regional policy of EAEU and objectively contribute to improving the transport connectivity and the development of certain key regions of Eurasia. However the spatial plans must consider the danger of increasing spatial inequality, conservation of the obsolete economic structure of the border regions and the emergence of new environmental risks.

Key words: China, Eurasian Economic Union, integration, spatial development, regional policy, "One belt, one road", Silk Road Economic Belt.

N. Prokhorova. China: Towards Eco-Friendly Hydropower

The article examines the modern hydropower strategy of the PRC, evaluates through the history current situation with the construction of hydroelectric power stations. The basic directions of work on preservation and improvement of ecosystems of rivers used for construction of hydroelectric power station are described.

Key words: hydropower station, reservoir, energy resources, Xi Jinping, aquatic ecosystems, water resources development, basin planning, cross-border cooperation.

A. Semyonov. Prospects for the Development of the Principles of Meritocracy in the PRC's Political System

In recent years the Chinese government has attempted to create a system based on the principle of meritocracy, according to which the most capable people should take leading positions. In contemporary China, meritocracy is seen as an alternative to Western liberal democracy on such criteria as the effectiveness of public administration, and presupposes the presence of numerous formal qualification criteria. However, the implementation of this system poses a number of difficulties. The absence of an independent judiciary and an independent media, and the shortcomings in the implementation of the rule of law could turn meritocracy to its opposite. The main risks are corruption in the selection process and the possibility of falsification of statistics. Adaptation of certain elements of democracy to the Chinese system could be the solution to the existing contradictions.

Key words: China, political system, political regime, political meritocracy.

A. Kuznetsov. Professor Shi Lugo, Yunnan Expedition and the Formation of Anthropology in China (The 130th Anniversary of S.M. Shirokogoroff)

The article considers some issues of the participation of S. M. Shirokogoroff (Shi Lugo) in the development of anthropology in China. Also the results of Yunnan expedition of 1928 are re-estimated. On the basis of new materials, the author proves the existence of non-scientific reasons in "the Shirokogoroff's case" and in previous evaluations of his activities. The main scientific works of S.M. Shirokogoroff, prepared in China have not lost their value till now.

Key words: China, Yunnan expedition, S.M. Shirokogoroff, anthropology.

A. Ipeeva. Consulate of Japan in Novosibirsk in 1920–1930 (on the Documents of the State Archive of the Novosibirsk Oblast)

The author considers the problems of Soviet-Japanese relations in the 1920s-1930s on the example of the Siberian region. At that time Siberia has played a crucial role in the process of restoring trade and economic relations between the two countries. However, events of the early 1930s led to tensions between the USSR and Japan, which were reflected in the regional level of bilateral relations.

Key words: Soviet-Japanese relations, the Japanese Consulate in Novosibirsk, foreign trade, export of grain.

Ji Yueheng. Formation and Implementation of China's Foreign Cultural Policy in the Context of Globalization

External cultural policy of China is closely linked with the development and implementation of long-term state strategy. In this regard, the development of party and state institutions, improvement of methods and means of foreign cultural policy play an important role.

Key words: China, traditional culture, public policy, foreign cultural policy.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
<http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Журнал выпускается ФГУП «Издательство «Наука» (<http://www.naukaran.com>).

В соответствии с издательскими требованиями авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный «Лицензионный договор о предоставлении права использования статьи в научном журнале на русском языке, учредителем (соучредителем) которого является Российская академия наук» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно скачать на сайте ФГУП «Издательство «Наука» в разделе «Типовые авторские договоры».

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 29.09.2017 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 5,9 тыс. Уч.-изд. л. 14,6. Бум. л. 6,0.
Тираж 384 экз. Зак. 1551. Цена свободная.

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2017 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука») 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги: [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.